

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО

ТЬМА БЫВАЕТ И В ПОЛДЕНЬ

СБОРНИК

Издательство СИЛК-ПРЕСС,

г. МОСКВА 2017

Илья Деревянко

Тьма бывает и в полдень (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27095560
ISBN 978-5-6040076-4-8

Аннотация

Есть области, куда лучше не заглядывать и дороги, по которым не стоит ходить. А у того, кто нарушил это неписанное правило – заканчивается нормальная жизнь! Потусторонние, тёмные сущности начинают проявлять себя самым неожиданным и жутким образом. Кошмарные сны превращаются в реальность. Тени оживают и становятся чудовищами. Страх делается постоянным спутником. А за каждым поворотом, этого несчастного подстерегает кое-что похуже, чем смерть...

Содержание

Предел для бессмертных	5
Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	26
Глава 3	41
Глава 4	54
Глава 5	69
Глава 6	84
Глава 7	97
Эпилог	111
Полнолуние	112
Глава 1	112
Глава 2	126
Глава 3	136
Глава 4	153
Глава 5	167
Глава 6	186
Глава 7	206
Глава 8	223
Эпилог	231
Илдьа Деревянко	233
Пролог	233
Глава 1	236

Конец ознакомительного фрагмента.

Илья Деревянко Тьма бывает и в полдень (сборник)

Предел для бессмертных

Пролог

– Подождите пять минут, сейчас доложу шефу.

Маркел проводил похотливым взглядом соблазнительно виляющий зад секретарши и удобно устроился в мягком кресле. По опыту он прекрасно знал, насколько могут затянуться эти «пять минут». Маркел взял со столика иллюстрированный журнал и принялся рассеянно перелистывать. Но ни соблазнительные картинки, ни даже захватывающая повесть из жизни некрофилов не могли отвлечь его от мрачных мыслей. Что мог означать этот срочный вызов? Наверняка ничего хорошего! Неужели опять где-нибудь прокололся? Или сослуживцы настучали? Он начал поспешно припоминать, где и что брякнул лишнего. Может, Альфред? Ведь позавчера по пьяни Маркел при нем как-то неосторожно выразился по поводу рогов шефа. Да, точно он. А еще друг на-

зывается! Хотя какие здесь могут быть друзья?! Все нороят друг друга подсидеть. Теперь в лучшем случае понизят в звании, а в худшем... Маркел в отчаянии заскрежетал зубами, стиснув подлокотник кресла с такой силой, что дерево хрустнуло.

Он напряженно размышлял, как выпутаться из создавшейся ситуации, когда дверь кабинета отворилась и на пороге вновь появилась секретарша. Она поправила платье (наверное, шеф по ходу дела трахнул ее прямо на столе) и, улыbnувшись пунцовыми губами, предложила войти.

С трудом придав лицу спокойное выражение, Маркел на подгибающихся от страха ногах проследовал в кабинет.

Шеф казался отнюдь не рассерженным, скорее даже добродушным, но это могла быть лишь маска. Все сотрудники учреждения прекрасно знали, что он может, улыбаясь, понизить вас в звании, отправить под трибунал или в лучшем случае на гауптвахту. На гауптвахте, кстати сказать, тоже приятного мало. Уж кто-кто, а Маркел это знал хорошо, так как последние пятьдесят лет являлся ее начальником. Особенно страшен был карцер: ярко освещенная комната, ни одной тени, на стенах кресты... бр-бр, ужас! Некоторые слабонервные сходили с ума.

– Садись! – Шеф приветливо махнул рукой в сторону стула напротив и отхлебнул из стакана.

– Свеженькая, теплая! – с удовольствием крякнул он.

– Ну-ну, не трясись! – ухмыльнулся он, глядя на вытянув-

шуюся от страха физиономию подчиненного. – Будем считать, что Альфред мне ничего не говорил!

«Так и есть, – у Маркела захолодело внутри, – он, сволочь!»

– Ладно, ладно, я не обидчивый, – шеф глотнул еще и неожиданно протянул стакан Маркелу.

– На, причастись! – Шеф захохотал. Шутка была действительно удачная.

Страх Маркела сменился безграничным удивлением. Это была великая честь! Ее достаивались лишь избранные, наиболее отличившиеся, но уж никак не штрафники.

Шеф с удовольствием наблюдал за растерянным подчиненным. Он любил эффекты.

Маркел трясущейся рукой взял стакан и осторожно пригубил. Кровь действительно была свежая и на редкость вкусная. Он глотнул еще.

– Ладно, ладно, давай сюда, ишь, дорвался! – ворчливо сказал Сатана, выхватывая стакан обратно.

«А рога у него все же кривые», – диссидентски подумал захмелевший Маркел.

– Теперь перейдем к делу, – старик глубоко затянулся длинной сигарой и стряхнул пепел в драгоценную пепельницу, сделанную из черепа самого Иоанна Грозного.

– Помнишь свой летний отпуск двадцать пять лет назад? Еще бы не помнить! Маркел против своей воли перенесся мыслями в недавнее прошлое. Повеселился он тогда на сла-

ву. Отказавшись от бесплатной путевки в санаторий на темной стороне Луны, обычное место отдыха демонов среднего ранга, он отправился на Землю, в СССР, с которым у Маркела было связано немало теплых воспоминаний. Ведь именно там в 1918 году его резко повысили в звании за особые заслуги в деле развития пролетарской революции и красного террора. В качестве памятного подарка Сатана вручил ему чучело Робеспьера. Причем подлинник, а не какую-нибудь копию!

Бесценная вещь! Кроме того, вопли замученных и расстрелянных до сих пор ласкали его слух (хорошо, что догадался записать на магнитофон). Маркел для начала посетил памятные места, сперва Екатеринбург, затем Петроград, где около Зимнего бродили унылые тени штурмовавших его красногвардейцев, не всех правда, а тех, кто...

Ну в общем понятно, чьи. Других, обманутых, Этот Самый простил. Затем слетал в Москву, на Красную площадь, где ровно в полночь наслаждался завываниями духа Владимира Ильича, прикованного к своей мумии.

Наслушавшись вдоволь, Маркел похлопал вождя по лысине – «Пой, пташечка, пой!». И под конец, неожиданно для самого себя, отправился на юга, не в настоящем обличье, понятно, а под видом преуспевающего и красивого молодого человека.

Там он встретил ее...

Ольга была девственница, ревностная христианка, в ней

не было темной энергии и предрасположенности к сатанизму. Такие связи начальство не поощряло. Но уж больно красивая была баба! Ольга сразу почувяла в белокурое красавце что-то не то, упорно отказывалась от свиданий, отвергла приглашение в ресторан.

Это распалило Маркела еще больше... А когда он вернулся домой, то получил нагоняй от начальства. Даже под суд отдали. Маркел, правда, нашел смягчающие вину обстоятельства – во-первых, он Ольгу избил и изнасиловал, во-вторых, она после этого повредилась в рассудке, в-третьих, умерла при родах.

– Да, – возразили судьи, – умерла, но к нам не попала, ведь взял ты только тело, а не душу!

Но все же смягчились, и Маркел отделался душем из святой воды, после которого три года ломило кости и вылезала шерсть на хвосте.

Но все это в прошлом. И почему вдруг сейчас?

– Ребенок, вопреки нашим ожиданиям, выжил, – неожиданно сказал Сатана, прервав воспоминания подчиненного. – Выжил и вырос, я все эти годы наблюдал за ним.

Маркел удивленно вытаращился.

Земная женщина могла родить от демона, но это случилось крайне редко. К тому же, чтобы роды состоялись, она должна была быть искренней поклонницей дьявола. Но Ольга?!!

– Да-да, – ощерился шеф. – Ольга-то не могла, по всем

законам метафизики! Или, может, ты агент Этого Самого?

Маркел от страха свалился со стула.

– Ладно, не дрейфь, – ухмыльнулся Сатана, – я навел справки. Здесь ты чист!

Он опять захохотал. Шутка снова получилась удачной.

– Из каждого правила бывает исключение, – продолжал шеф. – На, глотни еще, успокой нервы!

– Парень этот для меня загадка, – продолжил он, когда подчиненный слегка успокоился, – не могу понять, чей он, наш или Этого Самого. Парень – сильная личность, прирожденный лидер, но это ерунда, такие бывают среди смертных. Дело в том, что он-то не простой смертный. В нем есть сила, большая сила. До сих пор она спала, но сейчас начинает пробуждаться. Короче, он должен быть с нами, иначе станет опасен.

Маркел наконец-то уразумел, что от него требуется. Опять командировка.

– Если добьешься успеха – награжу, но если нет...

Тут в глазах Сатаны сверкнуло зеленое пламя, громыхнул гром, а под потолком заплясали зарницы. Он так треснул кулаком по столу, что череп Грозного подпрыгнул и жалобно заскулил.

– Вопросы есть? Выполнять!

– Слушаюсь! – рявкнул Маркел и растаял в воздухе.

Сатана вытянулся в кресле, закинув ноги на стол. Трудный выдался денек. Музыку, что ли, послушать? Тут он был

большой ценитель, любил это дело. А может, самому помузицировать? Сатана щелкнул пальцами – и посреди кабинета возник электрический стул, на котором, крепко привязанный, восседал Адольф Гитлер. Сатана достал пульт управления и начал попеременно нажимать кнопки, то понижая, то увеличивая напряжение. Фюрер, корчась в конвульсиях, вопил на разные голоса. Сатана жмурился от удовольствия.

Секретарша под дверью восхищенно слушала.

Глава 1

«Раз, два, три, четыре...» – ритмично считал сэмпай, и фигуры в белых кимоно в такт счету отжимались на кулаках. «Пять, шесть, семь, восемь... Сидоренко, не задирай задницу!.. девять, десять... Я кому сказал, зад опусти... одиннадцать, двенадцать». Вообще-то полагалось считать по-японски, но Станислав, сэнсэй, отменил все ритуалы, кроме традиционного поклона противнику перед спаррингом. Он считал эти восточные выкрутасы излишеством. «Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать».

«Куда же сэнсэй запропастился?» – подумал Андрей, продолжая механически считать.

Стас всегда был на редкость пунктуален и появлялся мигнута в минуту к окончанию разминки, которая по обычаю длилась ровно час. Теперь же он опаздывал на двадцать минут. Может, заболел? Да нет, тогда бы позвонил. Наверное, на работе задержался. Станислав, кроме тренерства, подрабатывал телохранителем у какого-то бизнесмена, панически боявшегося рэкетиров, да и вообще всех, кто выше ростом. Работа эта Стасу, по его собственному признанию, не особенно нравилась, поскольку работодатель был жуткий сквалыга, но надо же как-то кормиться. Секция карате не приносила большого дохода, так как Стас безжалостно изгонял из нее лодырей и прогульщиков, а некоторые ученики вообще

тренировались бесплатно. «Что поделать?! – улыбаясь, разводил он руками, выслушивая возражения Андрея, своего помощника и компаньона. – Ребята способные, и они не виноваты, что у родителей нет денег!»

К тому же львиную долю прибыли съедала аренда спортзала, которая, кстати сказать, опять повысилась, поскольку у директора школы, очкастой старой девы с бескровными губами и змеиной улыбкой, аппетит к деньгам рос как на дрожжах. Другое помещение подыскать пока не удавалось, поэтому приходилось терпеть.

«Двадцать восемь, двадцать девять, тридцать! Все, встали!»

Андрей наконец принял решение. Стас, видимо, уже не придет, тренировку нужно проводить самому.

«Разбились по парам: взяли макавари,¹ отрабатываем „маваши“² в голову. Пятьдесят ударов левой, пятьдесят правой, потом меняемся. Начали! Артемов, почему так отклоняешься назад? Здесь тебе не школа сэн-э! Прямее держи корпус! Прямее, говорю! Вот, другое дело. Потапов, концентрируй удар, а то как бабу по заднице гладишь! Отставить смех! Или до конца тренировки будете на кулаках отжиматься! Концентрируй! Ладно. Показываю. Держи макавари! Ну, понял? Давай в том же духе!»

– Почему начали без меня? – послышался с порога тихий

¹ Снаряд для отработки ударов.

² Удар ногой сбоку.

угрожающий голос, и, обернувшись, Андрей увидел Стаса. Тот был бледен, под глазами залегли черные круги. С похмелья, что ли? Но ведь он не пьет!

– Может, ты здесь сэнсэй, Андрюша? – продолжал Станислав, заходя в зал.

Сэмпай удивленно вытаращился. Он впервые видел своего компаньона и друга в таком настроении. Конечно, в школах карате очень жесткие законы, но Стас всегда отличался добродушием и терпимостью. А теперь? Ведь он не собирался поколебать авторитет тренера, просто думал, что тот не придет. Надо же кому-то проводить тренировку, ребята за это деньги платят.

– Ну, сэнсэй Андрюша, иди ко мне, – продолжал Стас, криво улыбаясь, – встань напротив!

Его зеленые глаза, в которых теперь плясали какие-то красноватые огоньки, магнетически притягивали к себе Андрея. Он хотел возразить, что, мол, за дурацкие шутки, но ноги против его желания механически зашагали вперед.

Андрей почувствовал, что воля его полностью парализована. Он послушно стал напротив Станислава, вплотную к стене, с ужасом глядя в эти страшные глаза.

– Вот так мы наказываем выскочек!

Все окружающее воспринималось Андреем словно в замедленной съемке. Он увидел, как кулак сэнсэя начал движение к его лицу. Ватное тело не слушалось, и он даже при всем желании не мог поставить блок. В последний момент

кулак изменил траекторию и врезался в стену. Деревянная панель треснула. Замедленная съемка закончилась. Теперь Андрей вновь нормально воспринимал окружающее.

– Прости, я пошутил, – печально произнес Стас, и Андрей увидел, что красные огоньки потухли. Это снова был тот человек, которого он знал. Зеленые глаза смотрели грустно, виновато.

– Проводи тренировку, браток, мне что-то нездоровится сегодня, – тихо сказал Стас и направился в раздевалку.

Заглянув туда через несколько минут, Андрей увидел, что его друг дрожит как в ознобе, закрыв лицо руками.

* * *

Го-осподи, что со мной? Ведь я хотел его убить! Никакая это не шутка, зачем врать самому себе. Я хотел видеть, как треснет его череп, хотел почуять запах крови! Запах крови моего друга! Может быть, я схожу с ума? Марина говорит, что я сильно кричал во сне. Опять снился этот тип в черном, гладил по голове, называл сыночком. Мне было и приятно, ведь я никогда не знал своего отца, и страшно. У него такие ледяные руки! Когда он прикасался ко мне, сердце сковывало льдом. Он хотел заморозить мое сердце! Все же в нем было какое-то величие, и я почему-то знал, что он не врет, что это действительно мой отец. У него горящие глаза, острый профиль, но как странно я чувствовал себя, будто разрывал-

ся на части. Меня тянет к нему, но вместе с тем он мне отвратителен. Почему так, Го-го-господи?! Кстати, отчего даже в мыслях так трудно произнести это имя?

* * *

– Тэк-тэк-тэк, – ехидно пропела директриса, входя в раздевалку. – Тэк-тэк, портим, значит, школьное имущество, кара-ти-сты!

Альбина Семеновна сегодня против обыкновения задержалась на работе и уже собиралась домой, когда ей почему-то захотелось заглянуть в спортзал, который арендовала спортивная секция. Она не любила этих ребят, особенно их красавца тренера. Впрочем, она ненавидела вообще всех мужчин, этих тупых животных, которые среди женщин ценят лишь смазливых кукол. В силу многих причин, не зависящих от ее желания, Альбина Семеновна к своим пятидесяти годам ухитрилась сохранить девственность. Подругам она говорила, что сделала это из принципа, ведь мужики – отвратительные скоты, и ей просто жаль женщин, которые под них ложатся. Она терпеть не могла тех из своих учительниц, которые выходили замуж. Особенно хорошеньких. Сегодня она испытала поистине великое наслаждение, доведя до истерики беременную Катюку, практикантку из пединститута.

Когда Альбина Семеновна зашла в зал, то не увидела там ни тренера, ни его помощника, тоже противного, смазливо-

го хлыща с фигурой Сильвестра Сталлоне. Кстати, и внешне похож на итальяшку. Мамаша-то небось путанила понемножку?! И так, этих двоих не было видно, а остальные сгрудились около стены, разглядывая огромную трещину в деревянной панели. Тут душа директрисы вспыхнула праведным негодованием. Она и так терпит их здесь из милости, ну пусть не из милости, откровенно говоря, а ради денег. Но терпит! А они, понимаете ли, еще пакостят, стены, понимаете ли, портят!

– Где ваш тренер?! – голосом разгневанного Зевса спросила Альбина Семеновна смущенных ребят и, выслушав ответ, направилась в раздевалку.

Она лихорадочно прикидывала в уме, сколько содрать с каратистов за порчу стены.

В раздевалке пахло потом, и директриса сморщила нос в отвращении.

Тренер, белый как мел, сидел на лавке, трясаясь, будто в лихорадке. Хлыщ-«итальяшка» испуганно заглядывал ему в глаза и повторял:

– Стас, ну что ты, что с тобой?

«Ага, он, похоже, наркоман, – восторжествовала Альбина Семеновна, – за это придется еще доплатить, а то ведь можно сообщить в соответствующие органы».

– Имущество, значит, портим, – с сарказмом повторила она, – что, не нашел очередную дозу?!

Станислав поднял голову, с удивлением посмотрев на ди-

ректрису. Взгляд у него был какой-то затравленный.

«Испугался, значит, разоблачения!»

– Н-да, молодые люди, нехорошее положение сложилось, очень нехорошее!!

– О чем это вы, Альбина Семеновна? – спросил хлыщ-«итальяшка». – Вы имеете в виду трещину на панели? Простите, Бога ради, здесь мы виноваты и обязательно возместим ущерб!

– А за героинчик заплатите? – захихикала директриса. – За героинчик-то! Или что вы там употребляете... Может, мне позвонить куда следует?

– Никуда ты не позвонишь, – хрипло, с расстановкой произнес Станислав, нехорошо улыбнувшись. В глазах его сверкнул красноватый огонек.

– А ты мне не тыкай, щенок, – взвизгнула директриса. – Сталина на вас нет, он бы вас всех к ногтю, он бы вас...

– Заткнись, стерва... – процедил Станислав, и Альбина Семеновна против своей воли заткнулась. Причем в самом что ни на есть прямом смысле. Она разевала рот, пытаясь кричать, но выходило только «бу-бу-бу, бу-бу-бу».

– Вот так-то лучше, – удовлетворенно хмыкнул тренер. – А теперь пошла вон! Строевым шагом марш!

Альбина Семеновна сделала уставный разворот через левое плечо и, как заправский строевик из «Роты Почетного Караула», промаршировала к выходу.

На улице она увидела милицейскую машину и, снова об-

реть возможность нормально передвигаться, со всех ног кинулась к ней.

Тряся милиционера за плечо, она втолковывала ему – «бу-бу-бу, бу-бу-бу!!!».

– Ты что, бабуся, ненормальная? – вяло удивился лейтенант. Он здорово устал после дежурства и мечтал лишь об одном: сдать смену и добраться до кровати.

«Какая я вам бабуся, молодой человек!» – хотела возмутиться директриса, но вместо этого, и опять-таки совершенно против своего желания, завопила во весь голос блатную песню «А ты, ментяра, продерни в натуре...»

– Э, да бабка блатная, борзая! – сказал из глубины машины второй милиционер. – Ну-ка отвезем ее в отделение.

Отчаянно брыкающуюся и бубнящую Альбину Семеновну запихали в «воронок» и умчали в отделение, где запихнули в камеру, до отказа набитую дешевыми проститутками, задержанными у «трех вокзалов» во время очередного рейда.

Тренировка между тем продолжалась. Андрей, опасливо оглядываясь на своего друга, вернулся в зал.

Станислав снова остался один. Сейчас он чувствовал себя значительно лучше. Озноб прошел, и даже настроение улучшилось. Хорошо все-таки он уделал эту стерву! Вспомнив, как она, выпучив рыбы глаза, маршировала к выходу, он рассмеялся. Может, все-таки вернуться в зал, провести тренировку? Станислав неожиданно осознал, что знает теперь о

карате гораздо больше. Да, у него был черный пояс, он даже как-то вышел в финал первенства страны, но есть ведь такие тайны древних мастеров, о которых отечественные каратисты знали лишь понаслышке. По правде говоря, раньше Станислав, скептик по натуре, считал все это сказками, распространяемыми клоунами от карате, окопавшимися во многих секциях и даже в федерации. Теперь он знал, что это правда, страшная правда. Хотя, собственно, почему страшная? Страшная для быдла, баранов, но не для сильной личности вроде него!

Надо показать что-нибудь ребятам, ну хотя бы «прикосновение замедленной смерти». Ведь это так просто, если как следует объяснить!

Группа усердно отработывала «ура-маваши» в прыжке, когда в зале появился сэнсэй.

– Отставить упражнение, – металлическим голосом командовал он, – построиться в линию!

– Ишь, распрыгались, как кузнечики, – продолжал Станислав. В голосе его слышалось какое-то дьявольское высокомерие. – Все, что вы умеете, – ерунда!

Группа замороженно глядела в глаза сэнсэя, горящие красным огнем.

– Сейчас я покажу вам... – Внезапно он изменился в лице, схватился за голову и выбежал вон из зала.

– Учитель болен, – поспешил объяснить Андрей. – Продолжайте тренировку!!!

* * *

Что это со мной, ну что же, что же, Го-го-го-госпо-по-ди! Кого я хотел сделать из этих ребят? Профессиональных убийц? Зачем им, неразумным малолеткам, эти жуткие приемы, похороненные в глубине веков и известные сейчас лишь избранным, единицам, а может, вообще забытые?! Это все равно, что дать пятилетнему ребенку настоящий пистолет вместо игрушечного. Возьмет да пальнет играючи в папу с мамой!

Да, хотел, хотел, черт возьми!!! Научить убивать легким движением руки, парализовать волю, превратить в зомби. Я знал, что могу это сделать! Я пошел бы вверх, к власти, к господству над миром, а эти мальчишки стали бы моей гвардией. Они убивали бы всех, кто мне мешал, убивали бы бесшумно, шутя, и ни одна экспертиза в мире не определила бы причину смерти!!!

Власть над миром. Как, должно быть, это сладко! Я Наверху, на недосыгаемой высоте, а у ног моих копошатся черви, людишки! Они поклоняются мне, молятся на мои изображения. Некоторые из них развлекают меня, исполняют мои прихоти, а когда надоедают, я убираю их шевелением мизинца.

О нет... Я схожу с ума! Что за чертовщина в голову лезет. Не хочу!!! Не-е-е-ет!!!

Когда Станислав с Андреем вышли на улицу, было уже поздно. Прохладный ветерок приятно освежал разгоряченные лица. Вокруг было на удивление пустынно: ни машин, ни людей. Где-то в подворотне завывал бездомный кот. «Как противно орет», – подумал Андрей.

– Не орет, а поет, – вдруг сказал Станислав, не поворачивая головы. Он смотрел куда-то вдаль невидящими глазами. – Серенаду своей возлюбленной, которая живет на втором этаже у бабки Татьяны. Кот безумно влюблен в неприступную сибирскую Мурку. А поет он следующее: «О, приди ко мне, пушистая красавица! Твои бездонные желтые глаза сводят меня с ума. Твой влажный розовый нос снится мне в сладких снах, когда, сытый и довольный, я дремлю на солнышке. За твою любовь я отдал бы все на свете, даже мусорный ящик, который отвоевал в жестокой битве с рыжим котом из соседнего двора. Приди, и мы сплетем наши тела в мягких, пушистых объятиях...» Не правда ли, романтично? – усмехнулся Станислав. – Прямо испанский идальго!

Андрей тем временем беззвучно разевал рот. Ему казалось, что он спит или сходит с ума, мысли путались, по лбу струился холодный пот.

– Кстати, кот гораздо благороднее большинства идальго, которые беззастенчиво ввали, лишь бы перепихнуться. Он

действительно готов отдать за Муркину любовь мусорный ящик, а это огромная жертва, ведь больше у него ничего нет!

Станислав встряхнул головой, словно просыпаясь от сна. Некоторое время оба молчали. Начал накрапывать мелкий дождь. Андрею стало страшно. Кругом стояла мертвая тишина. Разбитые хулиганами фонари не горели, но их заменяла луна. Ее призрачные, бледные лучи освещали лицо Станислава, в котором было сейчас что-то демоническое.

– Боишься? – Стас смерил Андрея долгим взглядом. – Боишься, все вы такие!

– Ну, знаешь ли, с меня достаточно! – резко ответил Андрей и вдруг почувствовал, что страх исчез. – Мне надоели твои фокусы! Тебе куда, налево? Значит, мне направо! Все, гуд бай, пишите письма!

– Смотри, не пожалей! – усмехнулся Стас.

В голосе его было что-то странное, предостерегающее.

– Если тебе направо, то... Впрочем, раз «мои фокусы» надоели, – иди. Прощай!

Не отвечая, Андрей зашагал прочь. Дождь резко усилился, и его косые, режущие струи хлестали по лицу, по глазам. Может, именно по этой причине он слишком поздно заметил вынырнувший из-за поворота грузовик с пьяным водителем. Расстояние оставалось минимальное. Андрей пытался отскочить в сторону, но, поскользнувшись на мокром асфальте, упал навзничь. «Все!!!» – мелькнула отчаянная мысль. «Не-е-е-ет!!!» – услышал он дикий крик Станислава.

И в тот момент, когда колеса готовы были раздавить его тело, какая-то странная сила подняла Андрея высоко в воздух и, когда грузовик проскочил под ним, мягко опустила обратно.

Поднявшись и отряхнувшись, он увидел невдалеке Станислава. «Значит, машина сбила его, – подумал Андрей, кидаясь к другу, – о, Боже ты мой!»

Станислав, однако, был абсолютно цел, но корчился от боли. Тело его сотрясали страшные судороги, глаза закатились, на губах показалась пена, а черты лица исказила мучительная гримаса.

– Стасик, Стасик, что с тобой? – плача, кричал Андрей, пытаюсь помочь и не зная как. – Стасик, братишка!!!

* * *

О, как мне больно! Какая ужасная мука, словно в каждый нерв впилась раскаленная игла. Никто из людей не испытывал ничего подобного. Здесь слились все пытки мира. Каждая клетка моего тела – это боль. Человек не может вынести такого! Или я не человек?!

– Ну наконец-то, сынок, наконец-то понял. Конечно, ты не человек! Что у тебя общего с этими червями?!

Это опять он, этот в черном, папочка который. Что ему от меня нужно?! Сегодня он какой-то недовольный, не гладит по голове, хоть на том спасибо! Какая же все-таки мука!

– Конечно, и ты ее заслужил! Зачем спас человечешку?

Ладно бы наш был, а то Этого Самого, даже в церковь ходит, га-ад!!! Ведь ты знал, сопляк, что грузовик оттуда выскочит. Знал, сам приятеля под него направил, и правильно сделал! Ишь, «фокусы» ему надоели! Зачем спас, гаденыш?!

– Уйди! Ненавижу!! Ты мне не отец!

– Ладно, ладно, сынок, не горячись. Я еще вернусь, помирился! – ухмыляется черный и исчезает.

А ведь он правду говорил! Я действительно знал про грузовик, но не сказал Андрею. Он должен гордиться дружбой со мной, а тут, видишь ли, «фокусы надоели». Однако в последний момент мне стало его жаль. О-о-о, как больно!!!

Какой-то бледный, расплывчатый образ. Мама, ты?! Я узнал тебя по фотографии! Мама, иди ко мне!

Она осторожно дотрагивается до меня. Боль слегка ослабевает.

– Мама, что со мной?

– Ты не наш, но пока и не их. Ты исключение из правила.

– Какого правила?!

– Ты должен сам сделать выбор, никто тебе не поможет!!!

Не поможет, не поможет...

Голос слабеет, затихает, она исчезает.

Глава 2

Подойдя к окну, Марина распахнула шторы. Яркие лучи солнца затопили комнату. Повернувшись к зеркалу, она критически оглядела свое лицо. Ну, просто ужас! Бледная, помятая. Нужно срочно подкраситься, чтобы Стасик не увидел ее в таком виде, не ужаснулся при виде подобной уродины! Надо сказать, что в данном случае Марина по отношению к себе была несправедлива. При виде ее никто бы не ужаснулся, даже совсем напротив. Представьте себе гибкое, загорелое тело, лишь слегка прикрытое коротенькой полупрозрачной комбинацией, длинные стройные ноги, полные бедра в сочетании с тонкой талией, высокую упругую грудь...

Личико, обрамленное густыми каштановыми локонами, хоть и не выпавшее, было прелестно, а тени под большими ярко-серыми глазами лишь подчеркивали их глубину.

Достав косметичку, девушка принялась лихорадочно наводить марафет. Не выпалась она из-за Стасика. Последнее время с ним стало твориться что-то непонятное. Позавчера ночью он сильно кричал во сне, так что разбудил Марину. Похоже, ему снился страшный сон, он метался по кровати весь в холодном поту, тело конвульсивно вздрагивало, губы кривились. Марина пыталась его разбудить, но без толку. Одно время он успокоился, даже улыбнулся, но так, что ей стало страшно – было в этой улыбке что-то нечеловеческое,

надменное и безжалостное. Затем снова начал метаться, и так до утра.

А вчера пришел домой еле живой. Его почти нес на себе Андрей, друг и компаньон. Андрей казался сильно напуганным, но объяснить что-либо наотрез отказался.

– Что, что такое? На вашей тренировке проклятой покалечили?! – вцепилась Марина в Андрея.

– Его, пожалуй, покалечишь, – каким-то странным голо- сом ответил тот и тут же поспешно добавил: – Да ты не волнуйся, все у него абсолютно цело, просто нервы не в порядке.

Он помог раздеть Стасика и уложить в постель, после чего заспешил домой. Все это время Стасик был смертельно бледен, вроде даже без сознания.

– Милый мой, все будет хорошо! – ласково шептала Марина, глядя его красивую белокурую голову. – Вот выпишься, и все пройдет!

В этот момент Стасик открыл глаза. Они были очень грустные, измученные.

– Бедняжка моя, с кем ты связалась! – тихо прошептал он и снова потерял сознание.

Ночью опять творилось что-то странное. Почти то же, что накануне. Лишь под утро Стасик успокоился, черты лица смягчились. Он прижался лицом к Марининой груди, и она почувствовала, что из закрытых глаз текут слезы. «Мама, мамочка, – шептал он, – иди ко мне, я не хочу с ним, мамочка!!!»

Матери у Стасика, насколько знала Марина, не было. Он вообще был сирота. Вырастил мальчика дед, угрюмый старый ветеран, который скончался два года назад. Одиночество Стаса пробуждало в Марине жалость. Но жила она с ним не только поэтому. Это был тот редчайший случай, когда юная девушка, еще не побитая жизнью и не утратившая романтических иллюзий, встречает долгожданного принца.

Принц появился год назад, прошлым летом.

В тот вечер, когда родители уехали на дачу, семнадцатилетняя Марина пошла на дискотеку в местный парк культуры и отдыха. Пошла одна, поскольку все ее подруги были со своими парнями, а у Марины никого не было, да, по правде сказать, она вообще была девственницей, что, впрочем, тщательно скрывала. Сегодня был особый день, потому как, судя по слухам, должна была играть знаменитая в районных масштабах рок-группа «Похоронная колымага». Все здешние металлисты были от нее ну просто в отпаде. Марина, если честно, ничего не понимала в тяжелом роке, воспринимая его как бессмысленный грохот, но от моды отставать не желала.

Дискотека сверкала разноцветными огнями. «Похоронная колымага» старалась вовсю, производя при этом шум, сравнимый лишь с похождениями пьяного слона в отделе металлической посуды хозяйственного магазина.

Солист, Миша Кочкин, обкурившийся анашой, весь потный, увешанный цепями, браслетами и еще черт знает чем,

трясся перед микрофоном, как эпилептик. Молодежь балдела.

Марина лихо отплясывала быстрый танец, прекрасно понимая, как соблазнительно выглядит в своей коротенькой юбке и черных лосинах, обтягивающих длинные, стройные ноги. Об этом свидетельствовали жадные взгляды парней, вернее, тех из них, кто не настолько упился, чтобы похерить все вокруг.

Когда танец закончился, Марина отошла в сторону и присела отдохнуть на лавку возле стены. Кавалер не замедлил явиться. Это был не кто иной, как Витя Марьин, по кличке Маруся, большой авторитет среди несовершеннолетней шпаны. Он был приземистый, коренастый, черноволосый, с расплюснутым носом и толстыми губами. Марине коротыш не особо нравился, но ей было лестно принимать ухаживания столь знаменитой личности. Теперь уж никто не посмеет ее обидеть! Маруся и сам по себе авторитет да дружков у него не меньше десятка – вон они, невдалеке толпятся. Вид у всех гордый, надменный – хозяева дискотеки. Остальные старались обойти их стороной или подобострастно здоровались. Ухаживал, впрочем, Маруся весьма своеобразно. Плюхнулся рядом, наскоро представился и без лишних церемоний предложил выпить. Марина почти не пила, не любила и не умела, но храбро согласилась. Надо же показать себя «крутой телкой»!

После нескольких глотков дешевого вина голова у девуш-

ки пошла кругом, все стало восприниматься в розовом свете, и ухажер уже казался не таким противным, напротив, даже симпатичным. «Ха-ха-ха», – смеялась Марина над скабрёзным и довольно глупым анекдотом, думая про себя: «А крутая я баба, однако! Вон Нинка-то как завистливо смотрит. Куда ей, со своим очкариком!»

Когда танцевали медленный танец, Маруся похотливо прижимал девушку к себе, жадно щупал попку, но ей было наплевать.

После дискотеки он, естественно, вызвался проводить.

– Таковую киску надо охранять. Гы-гы-гы! – ржал он. – Доставим в целости и сохранности, с почетным эскортом. – Маруся махнул рукой своим дружкам, подмигивая, но Марина этого не заметила.

Под руку с Марусей она углубилась в парк. Остальные следовали поодаль. Вскоре выяснилось, что шли они совсем в другом направлении, не к выходу, и Марина, уже протрезвев, начала что-то смутно подозревать.

– Так короче! – пояснил Маруся фальшивым голосом, утягивая девушку в ближайšie заросли, но Марина остановилась, резко вырвав руку.

– Нет, спасибо. Я, пожалуй, сама дойду!

– Ну, раз так, давай прям здесь!

Маруся швырнул девушку на землю и потной тушей навалился сверху, лихорадочно задирая юбку. Остальные сгрудились вокруг, ожидая своей очереди. Девушка попыталась со-

противляться, но тут же получила резкий удар по лицу, который привел ее в полубессознательное состояние. Как сквозь сон она видела, что Маруся сорвал с нее лосины, трусики и, спустив штаны, пытается коленями раздвинуть ее ноги. Девушка опять попробовала вырваться, но, получив новый удар, сильнее прежнего, безвольно раскинула ноги, с ужасом представляя, что сейчас будет. «Какая я дура, – металась в голове затравленная мысль. – Боже, какая дура!!!»

Но... ничего не случилось. В самый последний момент чья-то сильная рука схватила Марусю за шиворот и легко, как котенка, отшвырнула в сторону. Неизвестный спаситель был высок, строен, мускулист, одет в спортивный костюм. Марина помнит, что ее сразу поразило редкостное сочетание: белокурые волосы и ярко-зеленые, как изумруды, глаза.

– Вставай, девочка! – мягко произнес он, помогая Марине подняться.

Всхлипывая, она принялась натягивать разорванные трусики.

Тут в события вмешался Маруся, уже опомнившийся и застегнувший штаны.

– Ну ты, козел, вали отсюда! – зарычал он, выхватывая нож и делая шаг вперед. – Не лезь не в свое дело, а то и тебя в жопу трахнем!

Тогда незнакомец легко подпрыгнул и, крутанувшись в воздухе, прямо как Ван Дамм, нанес Марусе страшный удар пяткой в затылок. Тот упал на землю, словно подрубленное

дереву. Остальные слегка опешили, но затем ринулись в бой, сознавая, что их все же десять против одного. И напрасно ринулись. Незнакомец расправился с ними молча и безжалостно, как волк со стаей шавок.

Спустя пару минут все было кончено. По поляне ползали окровавленные хулиганы, не смея подняться. Маруся уже пришел в себя, но не показывал вида, опасаясь добавки. Незнакомец вытер со лба пот и повернулся к Марине.

– Пойдем, девочка, отведу домой!

Но она, обессиленная сегодняшним кошмаром, слабо пискнула и упала в обморок.

Очнулась она лишь в квартире незнакомца. Марина лежала на широкой мягкой тахте, заботливо укрытая вышитым покрывалом. В комнате никого не было, но на кухне слышались какие-то звуки. Пройдя туда, девушка увидела своего спасителя. Он варил кофе.

– А, проснулась! – улыбнулся он, обернувшись. – Я хотел отнести тебя домой, но ты была без сознания и я не знал куда...

И вот тут-то, заглянув в его изумрудные глаза, в глубине которых искрились золотые солнечные зайчики, Марина поняла, что это «принц».

– А я не тороплюсь домой! – храбро заявила она. – Мне здесь нравится!

Эта ночь была прекрасна. Легкую боль, которая тут же прошла, сменила волна неопишуемого наслаждения, которая

все росла и росла в такт его ритмичным, сильным и вместе с тем ласковым движениям в глубь нее, пока не достигла вершины, и Марина закричала в экстазе. Затем она, опустошенная, счастливая, лежала, прижавшись лицом к его широкой, мускулистой груди.

Станислав ласково гладил ее по голове, и Марина чувствовала себя на вершине блаженства.

Они встречались почти каждый день. Наконец Марина совсем переехала к Стасику и принялась создавать семейный уют в его унылой холостяцкой квартире.

В глубине души она мечтала выйти за него замуж, но пока не осмеливалась заикнуться, поскольку знала, как настороженно многие мужчины относятся к законному браку.

Закончив марафет, Марина критически оглядела свое лицо и вздохнула. «Получше, конечно, но все же не фонтан!»

Войдя в соседнюю комнату, она увидела, что Станислав еще спит. Одеяло сползло на пол, обнажив красивое мускулистое тело. Лицо его опять было бледно, по лбу струился пот, но спящий улыбался, надменно и... отвратительно.

«Да он действительно серьезно болен, – испуганно подумала девушка. – Что же делать?! Может, обратиться к психиатру, но что они понимают, сами все шизики! Залечат, заколют всякой дрянью, совсем дураком сделают!»

Тут вдруг она вспомнила нашумевший в свое время фильм «Воры в законе», где главная героиня лечила все болезни сексом. И вроде довольно удачно. Может, последовать

ее примеру?

Марина подошла к дивану, опустилась на колени и, нежно взяв руками член Станислава, принялась ласкать его губами и языком. Когда наступила эрекция, Станислав открыл глаза. Они были сейчас какие-то странные, с красными огоньками. Усмехнувшись, он грубо схватил девушку, подмял под себя. Лицо у него кривилось, в глазах разгорался красный огонь.

Железные руки сдавили ее тело с такой силой, что Марина закричала от боли. Внезапно огонь потух, Стасик разжал хват и, соскочив на пол, быстро ушел на кухню. Войдя туда следом, Марина увидела, что он плачет.

– Прости, девочка моя, прости! Я очень болен, очень! – жалобно бормотал он, прижав ее к себе. – Но я знаю теперь, что делать! Я нашел лекарство от своей болезни!!! Ну, давай кофе выпьем, тебе в институт пора! – вымученно улыбнулся Станислав...

За завтраком он, казалось, совсем пришел в себя, даже шутил, и Марина почти успокоилась. Проводив ее до двери, Стасик нежно поцеловал девушку в лоб, затем, слегка отстранив от себя, окинул долгим взглядом, как будто собираясь запомнить навеки.

– Прощай! – как-то странно сказал он.

– До вечера! – улыбнулась Марина, выпорхнув на лестницу.

Станислав вернулся в комнату и тяжело опустился в крес-

* * *

Я хотел ее убить! Мою любимую, единственную! Мне было приятно доставлять ей боль. В момент оргазма я собирался сдавить ей горло, почувствовать хруст шейных позвонков и насладиться агонией. Агонией моей ненаглядной, милой девочки! Я маньяк, вроде Чикатило!!!

Но, слава Бо-бо-бо-гу, я еще не потерял контроль над собой, хотя он дается мне с таким трудом. Да, надо решаться, пока тормоза не отказали совсем. Я сделаю это, нового Джека Потрошителя не будет!!!

* * *

Станислав решительно поднялся с кресла и снял со стены оставшееся от деда охотничье ружье шестнадцатого калибра. Затем разыскал в ящике письменного стола патроны. Волчья картечь – то, что надо! Хотел было оставить записку Марине, но затем передумал. Что ей написать? Что он превратился в кровавого маньяка и поэтому кончает с собой? Нет, лучше остаться в памяти девочки таким, каким был раньше. Станислав подошел к окну и в последний раз окинул взглядом этот мир, из которого так не хотелось уходить. Даже захлам-

ленный старый двор казался сейчас прекрасным. Как ярко зеленеет трава! Как звонко кричат играющие ребяташки! А этот воробей, прыгающий с ветки на ветку напротив окна?! Почему он раньше ничего этого не замечал? Неужели окружающую нас красоту мы понимаем только перед смертью? «Хватит! – оборвал свои мысли Станислав. – Пора!»

Он зарядил ружье, решительно вставил дуло в рот и плавно нажал спуск. Оглушительно грохнул выстрел. Картечь прошла навывлет, разворотив затылок, но Станислав с удивлением осознал, что он жив. Более того, рана быстро затягивалась и спустя пару секунд вовсе исчезла.

– Хи-хи-хи, сынок, ничего у тебя не получится! – услышал Станислав ехидный голос и, обернувшись, увидел того самого, в черном, который являлся ему во сне. На этот раз он был абсолютно реален и вольготно развалился в кресле, закинув ногу на ногу.

– Ничего не выйдет! – повторил черный, ухмыляясь. – Ведь ты же бессмертен!

– Кто ты? – хрипло спросил Станислав. – Что тебе нужно?

– Я демон, – просто ответил тот. – Впрочем, как и ты, сыночек! Садись, поговорим!

Станислав послушно опустился на диван. – Кстати, что за имя тебе дурацкое придумали: Ста-ни-слав! Фи! Я бы назвал тебя Аввадон, в честь нашего дедушки. Аввадон Маркелович! Как звучит-то, а?

«Папочку, стало быть, зовут Маркел, – подумал про себя

Стас. – Лучше бы его в детстве кастрировали!»

– Но, но, не зарывайся, щенок! – погрозил пальцем Маркел и извлек прямо из воздуха длинную сигару. Вонючий дым наполнил комнату. Станислав закашлялся.

– Впрочем, ладно, я не обижаюсь, я своего папочку тоже того... – Маркел осекся, поняв, что брякнул лишнего, но «щенок» легко прочитал его мысли и, усмехаясь, продолжил прерванную фразу:

– Да, своего папочку ты действительно того, подсидел, козел, и он двести лет мается на исправработках, истопником у адского котла. Еще восемьсот осталось, не скоро выйдет!

– А, мысли читать научился! – криво усмехнулся Маркел. – Ну что ж, может, оно к лучшему! По крайней мере ты точно будешь знать, что сейчас я скажу правду, что выход для тебя только один, сы-ну-ля!!!

– Да, я знаю, ты изнасиловал и погубил мою мать, она не принадлежала вам, я не мог родиться, но родился, я исключение из законов метафизики!!! – Станислав почти кричал. – Я знаю, что велел тебе Сатана, знаю, что ты хочешь! Но я, понимаешь, урод, я этого не хочу!!! – В глазах Стаса сверкнула молния. – Пошел вон!!!

– Ух ты, шустрый какой сопляк! – оскалился Маркел. – Сейчас я научу тебя уважать старших!!! Ты возьмешь ружье, аккуратно зарядишь его... – голос демона стал тихим, тягучим, а глаза, светившиеся, как раскаленные угли, притягивали к себе.

Станислав напрягся, мобилизуя волю.

– ...Затем поймаешь такси, подъедешь к институту, где учится твоя сучка, и, когда она выйдет оттуда, а случится это через полчаса, аккуратно прострелишь ей голову. Выполняй!!! – С последними словами демон послал в Станислава заряд энергии, одной десятой которой хватило бы на то, чтобы превратить в зомби батальон экстрасенсов. Но заряд наткнулся на непреодолимую преграду, а сам Маркел получил такой мощный ответный удар, что свалился со стула, – сила щенка, оказывается, значительно превосходила его собственную, хорошо, что он еще не умеет ею как следует управлять!

– Не волнуйся, папуля, я способный! – хищно усмехнулся Станислав.

– Ладно, ладно, не горячись! – Побледневший и, по правде сказать, напуганный демон поспешил сменить пластинку. – Да, в тебе есть сила, она даже больше моей, но главное-то не это. Ты – демон, порождение тьмы, и твоя сила – тоже оттуда. Это темная энергия. Она может карать, уничтожать, стирать с лица земли, превращать людей в рабов...

– Только тех, кто душой склоняется к вам, – с вызовом перебил Станислав.

– Ну да, тех, тех, только не «к вам», а «к нам», сынок, ты-то один из нас. Твоя сила не может творить добро! Тьма не может быть светом. Помнишь, какую муку ты испытал, спасая своего приятеля?! Но это еще цветочек! С каждым ра-

зом боль будет усиливаться, пока не достигнет таких **пределов**, которые не может перешагнуть никто, даже бессмертные! Постой, какая девчонка? А, ты спрашиваешь, при чем здесь твоя сучка? Ну, признаться, тут я пошутил, хотел проучить тебя слегка...

– Но я тебе не поддался и от этого стал сильнее! Не так ли, Маркел Аввадонович?! – В глазах Станислава бушевало зеленое пламя. – А теперь, папочка, я тебя проучу!!! Мне надоела твоя рожа!

– Ты не можешь выступать против законов метафизики! – завизжал Маркел. – Ты не...

– Заткнись! – приказал Станислав, и демон заткнулся, совсем как Альбина Семеновна, даже глаза выпучил похоже.

– Я исключение из правила, не так ли? Ведь ты сам об этом говорил. А теперь слушай мою команду!

Маркел с ужасом смотрел в изумрудные глаза Станислава, они завораживали его, подавляли волю.

– Сейчас ты встанешь, – голос звучал ровно, тихо, повелительно. – Выйдешь на улицу, дойдешь до ближайшей церкви, она тут рядом, за углом. Внутрь ты войти, конечно, не сможешь, поэтому остановишь первого прохожего и попросишь принести стакан святой воды. Он подчинится, здесь я постараюсь. Взяв стакан, ты перекрестишься: справа налево, не перепутай, и выпьешь залпом. Все понял? Выполняй!!!

Тут на Маркела обрушился такой страшный энергетический удар, что он полностью потерял остатки воли и с пере-

кошенным от ужаса лицом, походкой зомби отправился выполнять приказ.

Глава 3

Жириар Арнольдovich Мкртчян, как затравленный собаками заяц, метался по своей квартире. Он дрожал в ознобе, по тщедушному телу, облаченному в роскошный вечерний костюм, струился холодный липкий пот. Бегая взад-вперед, он случайно задел дорогую китайскую вазу. Та с грохотом упала на пол и разбилась. «Ай-вай, какой ущерб! Какой убыток!» – запричитал было Жириар, но тут же понял, что это ерунда, что скоро у него вообще ничего не будет! «Правильно мне говорили, правильно, а я дурак, ай-вай, какой дурак!»

Он как раз собирался ехать к любовнице, когда услышал оглушительный взрыв. Подойдя к окну, Жириар замер в ужасе. Во дворе ярким веселым пламенем горели обломки его машины – совсем недавно купленной новенькой «девятки».

– А-мы-мы, – лепетал пораженный бизнесмен, тупо таращась в окно, и лишь резкий телефонный звонок вывел его из состояния шока.

– Я слушаю! – пролепетал он в трубку дрожащим голосом. На другом конце провода усмехнулись.

– Это лишь предупреждение, первое и последнее, в следующий раз замочим тебя!!!

– Ребята, не надо, я буду платить, я согласен!

– Еще бы ты был не согласен! – хмыкнула трубка. – Но за-

чем врал, козел?! – Голос, прежде насмешливый, даже дружелюбный, сделался вдруг резким и угрожающим. – Зачем говорил, что платишь люберецким?!

Жириар Арнольдович, или, как его называли друзья, Жирик, был патологически жаден. Во всем остальном он был в общем-то неплохой мужик, но деньги!!! Жирик любил их безумно и, расставаясь даже с небольшой суммой, испытывал ужасные муки, как будто у него вырывали кусок плоти.

Жирик имел сеть коммерческих палаток, и друзья настойчиво советовали ему обзавестись «крышей»,³ даже обещали свести с долгопрудненской бригадой. Но Жирик, после длительной душевной борьбы, отказался, решив положиться на русское (хотя сам был армянин) «авось». «Вдруг пронесет, ведь пока еще никто не наезжал!» Вскоре, однако, его ограбили, не рэкетеры, а обычные хулиганы; дали по зубам и забрали деньги, которые он снял со счета в банке, чтобы перевести в конвертируемую валюту и спрятать. Судя по слухам, надвигалась очередная денежная реформа. Тогда Жирик, скрепя сердце и трясясь от жадности, нанял телохранителя, каратиста с черным поясом. Нанял за сто тысяч в месяц, сумму по нынешним временам, прямо скажем, несущественную. Но Станислав, так звали парня, не стал торговаться, чем даже расположил к себе Жирика. Впрочем, это

³ То есть добровольно обратиться к какой-либо банде рэкетиров и попросить защиты. Обычно в случаях «добровольной сдачи» рэкетеры идут на уступки и налагаемая контрибуция не является для бизнесмена непомерной ношей. Бандитам невыгодно резать послушную овцу, лучше потихоньку стричь.

не мешало бизнесмену постоянно задерживать ему зарплату. Во-первых, отдавая даже сто тысяч, он корчился, как черт на причастии. Кроме того – это было выгодно, поскольку инфляция непрерывно росла. Вот и сейчас он должен был Станиславу уже за два месяца.

Однако телохранитель, пусть даже черный пояс, не мог решить всех проблем, – это Жирик понимал в глубине души, – да и что можно сделать голыми руками против автомата? Неприятности начались на прошлой неделе. Жирик закончил дела и собирался домой, когда в офис к нему заявили двое молодых людей. Вежливых, даже симпатичных. Поздоровавшись, они попросили разрешения присесть и начали разговор издали: «Как здоровье, как дела, есть ли какие проблемы: не обижает ли кто?» И наконец прямо спросили: «Кому вы платите, кто за вами стоит?» Жирик, опять-таки понадеявшись на «авось», возьми да брякни: «Люберецкие!»

– Да, кто же именно? – дружелюбно спросил старший из ребят, улыбочивый крепыш с короткой стрижкой.

– Вася Крылов, – выдал наугад Жирик первое пришедшее на ум имя.

– Что-то не слышал о таком, – нахмурился крепыш. – Ладно, выясним! – И уже у порога многозначительно сказал: – До свидания!

А вот теперь...

– Платить-то ты будешь, черножопый, – голос в трубке не церемонился. – Но это не все! За то, что ты обманул моих

мальчиков, с тебя сорок тысяч баксов! Есть, есть! – прервал он взывшего в отчаянии Жирика. – Мы просчитали оборот твоих палаток! А чтобы ты не сомневался, вот, послушай!

– Папа, папочка, забери меня отсюда! – заплакал в трубке детский голос, и Жирик с ужасом понял, что это – его десятилетняя дочка Анжела: единственное существо на свете, которое он любил больше денег.

– Ну, понял, пидор?! – рявкнул голос. – Привезешь деньги сегодня в восемь вечера к автосервису, тогда получишь ее в целости и сохранности. И не вздумай стукнуть мусорам, доченьку больше не увидишь!

В трубке послышались короткие гудки.

И вот сейчас Жирик в отчаянии метался по квартире. Конечно, деньги он отдаст, хоть это почти все его сбережения! Боже ты мой, как тяжело с ними расставаться! Но Анжела, доченька! Пожертвовать ею, даже ради денег, он не мог! В этот момент кто-то похлопал Жирика по плечу. Обернувшись, он увидел Станислава. Как парень попал в квартиру? Или дверь была открыта? Странно, Жирик всегда тщательно запирает все пять замков, накидывал цепочку, задвигал засов. Впрочем, сейчас он был в таком состоянии, что даже столь невероятное обстоятельство, как незапертая дверь, не очень поразило его.

– Рассказывай! – повелительно сказал Станислав. (Он, впрочем, все уже прочитал в мыслях работодателя, но Жирику не обязательно знать правду.)

Бизнесмен заглянул в изумрудные глаза своего телохранителя. Было в них что-то странное, завораживающее, и Жирик, захлебываясь слезами, выложил все как на духу.

– Ладно, – подумав некоторое время, изрек Стас, – я помогу тебе, хотя ты, жадюга, этого и не заслуживаешь! Девочка будет здесь через час, а эти ребята тебя больше не тронут! Подожди, – прервал он восторженные славословия бизнесмена. – С тебя десять тысяч долларов! Не вешай мне лапшу на уши! В железной коробке под ванной у тебя в пять раз больше! Кстати, не забудь зарплату за два месяца! В ванную, шагом марш!

Совершенно подавленный, Жирик послушно проследовал в указанном направлении.

– За «крышу» теперь будешь платить мне! – добавил Станислав, выходя из квартиры. – Тысячу баксов в месяц, не разоришься!

Виктор Кротов, по кличке Крот, известный авторитет в уголовном мире и глава крупной банды рэкетиров, державшей под контролем тот район, где разворачивал коммерческую деятельность уже известный нам Жираир Арнольдович, находился у себя на даче, в ближнем Подмосковье. Он благодушествовал, развалившись в кресле и потягивая мартини из длинного, узкого бокала. Витя был доволен собой. Дела шли хорошо. И разборка с коптевской бригадой закончилась благополучно, без стрельбы, и с деньгами все в порядке, ре-

кой текут, и начальник местного отделения милиции куплен на корню, с потрохами.

Крот считал, что к своим пятидесяти годам он добился всего, чего может желать человек, и подумать только, ведь начинал когда-то простым вокзальным воришкой!

Как красиво он прищучил этого жадного армяшку! Витя рассмеялся. Ишь ты, по ушам решил проехать, барыга хренов, тоже мне, лоха нашел.

Выслушав доклад своих подчиненных, Крот сперва насто-рожился. Что еще за Вася Крылов? Вроде нет в Люберцах такого. Или, может, кто-нибудь из новых? Сейчас стали появляться молодые беспредельщики, которые чихать хотели на все блатные авторитеты, даже на «воров в законе».

«Витя Крот? Да в гробу мы его видели. Получи гранату в окно!» И разборки у них не такие, как положено. Могут вообще на «стрелку» не приехать. Выстрелят из-за угла, и дело в шляпе.

Поэтому Витя не стал торопиться, тщательно навел справки. Среди молодых беспредельщиков Васи Крылова тоже не оказалось. Личность, как выяснилось, вообще мифическая! На понт решил взять, черномазый, ну, падло, ты у меня попляшешь!

А ведь Витя хотел по-хорошему, ну всего полторы-две ты-сячи долларов в месяц, и пусть живет себе спокойно, барыга. От такой дани Мкртчян не разорился бы. Прежде чем на-езжать, Крот тщательно изучил его доходы. Был для этого в

банде специальный человек с высшим экономическим образованием и калькулятором за пазухой.

Но теперь, теперь-то уж он выдоит армяшку до конца. Без штанов по миру пустит! Допив бокал, Витя плеснул себе еще. В элегантно обставленной комнате было прохладно, несмотря на духоту, стоявшую на улице. Полезная все-таки штука, кондиционер! С наслаждением потянувшись, Крот закурил сигарету.

Да, неплохо ему живется. Единственное обстоятельство отравляло жизнь преуспевающего мафиози, а именно, ухудшавшаяся потенция, точнее, почти наступившая импотенция. Это сейчас, когда денег море и самые красивые бабы к его услугам! Вот вчера, например, валютная красавица Эльвира старалась всю ночь, уж и так и сяк, чего только не вытворяла! А у него не встал!

Это воспоминание резко испортило настроение. Он нервно заходил по комнате, выглянул в окно, где за деревянным столом, под сенью старого дерева с густой, раскидистой кроной резались в карты два бугая-телохранителя. Здоровые ребята, один боксер, другой самбист, мастера спорта! У этих быков наверняка с траханьем все в порядке. Сейчас Витя почти ненавидел их. Он яростно пнул ногой кресло. Оно жалобно хрустнуло. Вконец разбушевавшийся Крот схватил со стола дорогой японский стереомагнитофон и с размаху грохнул об пол. Затем с наслаждением растоптал обломки. Это помогло несколько успокоиться.

Из соседней комнаты послышался детский плач. А, армяшкина дочь! С внезапно пробудившимся интересом Крот отворил дверь и заглянул. Девочка, прикованная наручниками к железной кровати, горько плакала. Пристегнута она была только за левую руку, а правой размазывала по лицу слезы.

– Дяденька, отпустите, я домой хочу, к папе! – проскулила Анжела, глядя на Крота, но он не ответил, почувствовав, как учащается дыхание и странное возбуждение охватывает все его существо. Хорошенькая армяшечка, глазищи черные, бездонные, на пол-лица, губки яркие, пухлые и совсем еще ребенок!

Крот почувствовал шевеление в штанах и сделал шаг вперед. Да, точно шевелится, значит, он не импотент, просто ему – ха-ха – свежачок нужен!

Увидев, как изменилось лицо дяденьки, Анжела испугалась и, рыдая еще громче, попыталась забиться в глубь кровати. При этом легкое, летнее платьице задралось, обнажив тонкие ножки и белые трусики.

И вот тут Крот полностью потерял над собой контроль. Рыча, как дикий зверь, он кинулся на ребенка, ударил по лицу, сорвал одежду. Резко, злобно вгоняя в девочку свой разбухший, окаменевший член, он чувствовал, как рвется ее плоть, ощущал внутри что-то теплое, липкое, вероятно, кровь. Дикие вопли девочки наполняли его дьявольским восторгом.

Закончив, Крот вздохнул с облегчением и застегнул штаны. Анжела, мертвенно-бледная, лежала без сознания, свесив голову на пол. По ногам ее обильно струилась кровь.

«Хе-хе, неплохо! – удовлетворенно подумал Крот, возвращаясь к себе в комнату и наливая в бокал новую дозу. – Со всем неплохо!»

Девчонку армяшке он, пожалуй, не отдаст, еще позабавится. Правда, долго она не протянет, может подохнуть, ну да хрен с ней, мы себе еще малолеточек подыщем! Целый гарем! У мамаш-алкоголичек скупим.

– Нет, Крот, не скупишь! – послышался с порога негромкий, насмешливый голос, и пораженный Витя увидел перед собой высокого, крепкого блондина с ярко-зелеными, изумрудными глазами. «Как он сюда прошел? Где Гена с Сашкой?»

– Вон они, во дворе лежат! – все так же насмешливо ответил на его суматошную мысль незнакомец. – Выгляни в окошко!

Повинуясь какой-то непонятной силе, Крот выглянул. Бугай-телохранители, как тряпичные куклы, валялись посреди двора, не подавая признаков жизни.

– Часок полежат, потом придут в себя, – сказал блондин, – их пока убивать не за что! А вот с тобой, гондон, у меня будет разговор особый, – улыбка незнакомца вдруг превратилась в хищный оскал.

«Коптевские! Обманули гады, а ведь вроде договори-

лись!»

– Пусть будут коптевские, если ты так хочешь, – тихо сказал незванный гость. – Что, жалеешь, автомат далеко спрятал, достать не можешь? Да, пожалуйста, доставай, только не забудь снять с предохранителя! – Он демонстративно отвернулся к окну.

«Это сумасшедший, или обкололся наркотой, придурок, ну тем лучше, щас я его!»

Поспешно вытащив из-под дивана «узи», Крот выпустил в широкую спину незнакомца длинную очередь. И начался кошмар. Витя ясно видел, как пули входят в тело, разрывают его, как брызжет кровь, но раны тут же затягивались. Когда патроны кончились, парализованный ужасом Крот мягко обрушился на пол, трясаясь от страха.

Блондин обернулся и захохотал, было в его смехе что-то нечеловеческое, демоническое.

– Встать! – отсмеявшись, металлически скомандовал он, и Крот вскочил на ноги, против своей воли вытягиваясь во фронт. – Армяшка теперь будет платить мне, понял?!

– Да, да, конечно, ваше, ве-ве, – залепетал Витя, чувствуя некоторое облегчение. Вроде его не собираются убивать!

– Здесь мы договорились, позвони своим, предупреди!

Крот послушно выполнил приказ.

– На этом бы все и кончилось, – нехорошо усмехнувшись, продолжил Станислав, – но вот с ребенком ты зря так поступил! – В его глазах разгоралось зеленое пламя. – Вспомни-ка

ты, говно, как сам опускал в тюрьме тех, кто по сто семнадцатой!⁴ Вспомни Володю Нифонтова!

Против своей воли Крот перенесся мыслями в прошлое. Пятнадцать лет назад, когда он сидел в следственном изоляторе, ожидая суда, в их камеру попал молодой парнишка, обвинявшийся в изнасиловании несовершеннолетней.

– Да это же падла, братва, пидор конченный, – объяснял Крот мужикам в камере. – А если бы он ваших дочек так?! Короче, решено, опускаем!

Володю избили до полусмерти, скрутили и всей камерой, в которой находилось тогда пятнадцать человек, по очереди изнасиловали. Той же ночью он повесился.

– Этой девке было семнадцать лет, а не девять, да и не насиловал он ее вовсе, сама дала, – глухо, как сквозь вату, донесся до Вити голос Станислава. – Володю ее мамаша уpekла, сука, кстати, редкостная! Вспомни-ка, козел, как красиво объяснял кентам, кого нужно опускать? Вспомнил? А теперь слушай меня, слушай внимательно, ублюдок! – Изумрудные глаза заворачивали, парализовывали. – Сейчас ты напишешь полную повинную и отнесешь ее, но не купленному тобой менту, а в Министерство безопасности капитану Степанову. Он спит и видит, как тебя посадить, давно мечтает о повышении. Когда тебя отвезут в тюрьму, ты найдешь в камере самого зачуханного чмошника и на глазах у всех сделаешь ему минет. И всю жизнь, до самой смерти, а из зо-

⁴ Статья за изнасилование.

ны тебе уже не выйти, будешь ты, Витя, пидором, добровольным и старательным! Тебе будет противно, ты будешь мучиться, но тем не менее каждый день против своей воли будешь усердно сосать и подставлять задницу. Вопросы есть? Выполнять!!!

Вернувшись домой, Станислав выпил кофе и растянулся на диване. Окно было открыто. Влажные порывы ветра (духота кончилась, сменившись быстротечной грозой) нежно ласкали лицо. Что ж, день закончился удачно, Маркела Аввадоновича мы того, хе-хе, вряд ли теперь во сне явится, материальные проблемы тоже решены. Можно спокойно, не гоняясь за деньгами, тренировать ребят, да и Маришку приодеть попримечнее. Женщины любят наряжаться!

Неожиданно Станислав вспомнил Анжелу и ее отца. Как они оба рыдали! Девочка теперь на всю жизнь морально искалечена. Тело-то заживет, но душа! До самой смерти будет мужиков бояться, а то и лесбиянкой заделается. Стас щелкнул пальцами, и на стене перед ним, как на киноэкране, появилось изображение квартиры Жирика. Белая как мел девочка лежала на кровати, личико ее заострилось, из закрытых глаз текли слезы. Отец, держась за сердце, суетился вокруг, пытаясь успокоить, но она никак не реагировала, не шевелилась, словно мертвая.

Станислав почувствовал жалость и одновременно резкую боль внутри. «Тьма не может быть светом», – вспомнились слова Маркела. Что ж, посмотрим! Прокусив насквозь гу-

бу, чтобы не завопить от все усиливающейся, нечеловеческой боли, Станислав поспешно стер из памяти армянина и его дочки всю информацию об изнасиловании и одновременно восстановил Анжеле девственную плеву. Уже проваливаясь в пучину боли, он успел заметить, как порозовело личико девочки, как, смеясь, она кинулась на шею радостно улыбающемуся отцу.

* * *

Боль бывает черная и красная. Она растет, как цунами, захлестывает с головой, я плаваю в ней, пропитываюсь насквозь, каждая клеточка моего естества вопит, верещит. Смертный не может выдержать такое, но я-то бессмертный! Говорят, что и для нас есть предел!!! Терпи, Стас, терпи! А Маркел-то не является, не бубнит над ухом, куда ему теперь!

Я страдаю от жары и от холода одновременно. Миллиарды раскаленных клещей рвут меня на части, внутренности грызет ледяная крыса, я плаваю в кипятке, и меня колотит озноб. Люди, вы пробовали такое?!

Первая волна прошла, начинается вторая, вроде меньше, а? Или только так кажется? Не меньше, это она пошутила. Но разум мой остается холодным. Терпи, Стас, терпи!!!

Глава 4

– Садись, – Сатана угрюмо махнул рукой, и Астарот послушно опустился в кресло. Он понимал, что если шеф оторвал его от выполнения столь ответственного задания на другом конце галактики, то для этого имелись веские причины. Суперагенту, демону высшего ранга не поручат абы что! На планете Зум в созвездии Бебесяухиндр, которого с Земли вообще видно не было, обитали высокоцивилизованные амфибии, и Астарот должен был сыграть там роль Антихриста. Астарот, выступая под видом мудреца Тындыхяура, проповедника «самого прогрессивного в мире учения», совершил на Зуме мировую революцию, что, кстати, не удалось на Земле Маркелу и иже с ним, куда этим щенкам! Утвердив свою власть, он принялся усердно строить концлагеря, развивать культ тындыухяуризма и почти изничтожил инакомыслящих, как вдруг экстренный вызов из центра заставил Астарота бросить почти что законченную работу. Он знал, что после его отбытия амфибии в подводных лагерях взбунтовались, а уцелевшие инакомыслящие возглавили движение сопротивления. Апостолы тындыухяуризма разбежались, как крысы с тонущего корабля, и исход разгоревшейся гражданской войны, без помощи и чуткого руководства Астарота, был более чем ясен. Не видать теперь обещанной награды!!!

– Да хрен с ними, с амфибиями, – сказал вдруг Сатана, – их всего-то двадцать миллионов. А награда будет, не волнуйся!!! Вот, получи! – Он извлек из воздуха колбу, наполненную смесью различных ядов, в которой плавала, кривясь в страшных мучениях, миниатюрная Екатерина Медичи. – Смотри, какая рыбка, а?

Екатерина Медичи корчила такие потешные рожи, что Астарот невольно рассмеялся.

– Благодарю тебя, Величайший! – произнес он, опускаясь на колени и почтительно принимая из рук Сатаны дорогой подарок.

– Кроме того, я награждаю тебя орденом Черного Козла! Астарот насторожился. С чего бы это вдруг такая щедрость?!

– Да, – резко ответил Сатана, – задание действительно будет серьезное и... опасное! Можешь заглянуть в мои мысли, – разрешил он.

Заглянув, Астарот ужаснулся.

– Да это же... ведь он может...

– Может! Потому я и вызвал тебя, моего лучшего агента!

А теперь посмотри, что он сделал с Маркелом!

Повинуясь движению пальцев Сатаны, из угла выполз скрюченный, сморщенный карлик. На лице его застыло выражение неопишуемого ужаса и отчаяния. Карлик трясся, безумно хихикал, потом вдруг заскулил и обмочился.

– Он заставил Маркела перекреститься, а затем выпить

залпом стакан святой воды, и вот результат! Какой демон был! Еще чуть-чуть и в высший ранг бы перешел. А теперь! Ну куда он годен, разве что в барабашки!

– Брысь! – Сатана махнул рукой, и карлик, жалобно подывая, забился под стол.

– Так вот, ты не торопись, все хорошенько обдумай! Поспешность нужна только при ловле блох, как эти людишки любят выражаться! Бабу хочешь? Можешь трахнуть мою секретаршу! – продолжал умамливать Астарота Сатана. – Или даже вот что, пойдём посмотрим мой зверинец!

Такой чести за всю историю Ада удостаивалось лишь несколько демонов! Ах, как не хотелось Астароту братья за это скользкое поручение на Земле, но как тут откажешься? Сатана тем временем прочертил в воздухе огненный знак. Стена кабинета сдвинулась в сторону, открывая лестницу, ведущую в глубокое сырое подземелье. Оба дьявола, не торопясь, спустились вниз. В подземелье приятно пахло гнилью и разложившимися трупами. Под ногами ползали гадюки, прыгали жабы, а также прочие полезные и приятные зверюшки. В глубоких нишах стояли стальные клетки, в которых сидели величайшие злодеи всех времен и народов. Прутья клеток были раскалены до белого свечения.

– Номер первый, правитель Атлантиды. – Сатана вел себя, как заправский экскурсовод. – Ты его вряд ли помнишь, мальчишкой был тогда! Хорошо послужил нам в свое время! Тю-тю, мой хороший! Смотри, как корчится!

Правителя Атлантиды, высокого лысого старика в драной белой тоге, который был прикован раскаленными цепями к стене, рвали на куски железные крысы с ядовитыми зубами. Мучениям его не было конца, потому что второй раз умереть он не мог, и старикашка непрерывно визжал тонким голосом евнуха.

– А вот, хе-хе, порнушечка – это наш знаменитый извращенец Калигула, большой шалун был и затейник. Ну, теперь вечно будет веселиться!

Пять гигантских горилл с раскаленными железными членами по очереди трахали бывшего римского императора во все щели.

Эта сцена в общем-то не была для Астарота новостью, поскольку, когда на Земле сняли фильм «Калигула», Сатана немедленно выпустил документальный ролик «Калигула-2», который пустили в широкий кинопрокат по всей Преисподней. Но в натуре, конечно, смотреть было приятнее.

– Давайте, давайте, больше энтузиазма, – подбодрил Сатана горилл и повлек Астарота за собой. – Идем дальше, там еще интереснее!

– Вот это – Торквемада, великий инквизитор, святоша наш, хе-хе! Воображал, что служит Этому Самому, а сам на меня работал! Сколько народу замучил, душечка! Ну давай, давай – варись в кипяточке!

Затем, когда они вдоволь налюбовались Малютой Скуратовым, Генрихом VIII – Английским, Навуходоносором,

Иудой Искариотом, Гиммлером, Аттилой и прочими, Сатана вдруг остановился и, подумав слегка, потащил Астарота куда-то вбок.

– Сейчас я покажу тебе моего любимчика!

Пройдя через потайную дверь, они оказались в обширном помещении, заваленном разложившейся плотью, по которой ползали белесые черви. На постаменте, сделанном из человеческих черепов, возвышался гигантский аквариум. Там, по горло в кипящей крови, стоял Великий вождь и учитель Иосиф Виссарионович Сталин. Он одновременно испытывал все муки, которые причинил в свое время миллионам людей. Поэтому вождь орал так, что оба дьявола замерли в восхищении.

– Как поет-то, как поет, паршивец! – восторженно шептал Сатана. – Ты только послушай!

«Да, – подумал про себя Астарот, – шеф действительно великий ценитель музыки!»

– Ладно, – вдруг сказал Сатана, – хорошего понемножку, а то еще охрипнет!

Он щелкнул пальцами, и в рот товарища Сталина влетел гигантский кусок кала, заткнув его наподобие кляпа. Вождь продолжал корчиться, мучиться, но не издавал ни звука.

Сатана задумался, видимо, испытывал сильную внутреннюю борьбу.

– И-эх! – решившись, он махнул рукой. – Если справишься с заданием, я тебе его... подарю!!!

Последние слова дались Сатане с огромным трудом. Нелегко расставаться с любимой игрушкой!

Астарот окаменел, потеряв на время дар речи. Ну уж теперь-то, ради такого подарка, он был готов на все!

Выйдя из приемной шефа, Астарот неторопливо побрел по центральной улице Преисподней. Он решил отдать сегодняшней вечер отдыху и размышлениям. Внимание его привлекла светящаяся синим пламенем вывеска: «Кафе „У нечистого“. Только у нас! Лучшая пища и захватывающее эротическое шоу!!!»

Зал был наполовину пуст. Причину этого Астарот понял сразу, как только заглянул в меню с ценами. Но сегодня он мог не скупиться и позволить себе все самое лучшее. Карман тяжело оттягивал полученный у Сатаны щедрый аванс – целых двадцать тысяч «адских кредиток».

Астарот заказал фирменные блюда: язык висельника, матку нимфоманки в остром соусе, а также большой графин свежей крови. После этого он подпер голову руками и задумался. Никто не мешал размышлениям демона. Публика здесь собиралась культурная. Черти постарше наслаждались изысканной кухней, а молодежь сгрудилась около игрового автомата. Он представлял собой точную копию средневековой камеры пыток, только с прозрачными стенами. Внутри находились двое грешников – в прошлом палачей. Если опустить в прорезь монетку, они начинали усердно пытаться друг друга.

Зрелище было занимательное. Демоническая молодежь веселилась вовсю.

«Итак, что же делать, как добраться до этого парня? Являться к нему во сне, провоцировать? Хм, спровоцируешь его, пожалуй. Да и чреватое. Вот Маркел-то допровоцировался!» Вспомнив скрюченного карлика, Астарот рассмеялся, страдания ближнего доставляли ему, как, впрочем, и всем другим демонам, чрезвычайное удовольствие. «Да, тут надо придумать что-то эдакое, к такому на кривой козе не поедешь».

На эстраде началось тем временем обещанное эротическое шоу. Служители при помощи хлыстов выгнали на сцену четырех голых исполнителей, которые были когда-то на Земле сексуальными маньяками-садистами. Завывая дурными голосами, маньяки принялись терзать друг друга. Публика восторженно аплодировала.

«Интересно, конечно, – лениво подумал Астарот, – но по сравнению со зверинцем Сатаны дешевка, ширпотреб!»

– Прадедушка, прадедушка, смотри, как он его! – кричал какой-то молодой чертенок. – Вот здорово-то...

И тут Астарот, мучимый до сих пор бесплодными размышлениями, вдруг сообразил, кто может ему помочь. Ну конечно же, прадедушка, мудрый старый Ариох!

Ариох действительно мог посоветовать что-нибудь стоящее. Он злодействовал на Земле в такие незапамятные времена, о которых людские историки даже не догадывались.

Ариох достиг в свое время высших чинов и наград. От бесчисленных кровавых жертв, приносимых ему почитателями, Ариох настолько усилился, что осмелился выступить против самого Сатаны, возглавив политический заговор. Пять тысяч лет продолжалась кровавая междоусобица, и в конце концов Ариох выдохся. Но и Сатана к тому времени настолько ослаб, что рад был замять дело, кончить его миром. Поэтому Ариоха не постигла обычная участь непокорных демонов, настолько ужасная, что даже думать о ней не хотелось. Его с почестями проводили на пенсию. Сам Сатана, правда, с очень кислым видом, произнес на банкете торжественную речь и, трясаясь от злобы, вручил Ариоху высшую награду Преисподней – орден Двойного Копыта.

Кроме того, Ариох получил персональную пенсию и вдобавок к ней непыльную, но прибыльную должность директора фабрики туалетной бумаги. Она являлась дефицитом, и взятки текли рекой.

Ариох был единственным родичем Астарота, с которым он еще не успел разругаться, правда, по той простой причине, что видел прадедушку всего один раз, и то издали.

«...Надо ехать к нему!» Приняв решение, Астарот расплатился по счету и, выйдя на улицу, мановением пальца остановил таксиста-рикшу, из грешников, естественно. Грешник, кстати, на Земле тоже был таксистом, причем хапугой, хамом, сволочью и в придачу стукачом. Выслушав адрес, таксист включил счетчик, дрожа от страха. Ехать было дале-

ко, а расплачивались здесь пинками и зуботычинами. Хорошо еще, если не давали чаевых!

Взгромоздившись на сиденье, Астарот отвесил ему мощного тумака в качестве задатка, и таксист понесся вскачь. Было уже поздно, но старый хрыч наверняка еще находился на работе. Да и что ему делать дома? Скандальить с мегерой-прабабушкой? Одно время Ариох пытался найти ей любовника, втайне надеясь, что часть жениной злобы изольется на того, даже дал объявление в газету, обещая сказочное вознаграждение, но характер его жены был хорошо известен всей Преисподней, и никто не поддался на эту уловку, даже заядлые альфонсы.

Наконец показалась фабрика. Это было огромное каменное здание с длинной трубой, из которой валил клубами вонючий черный дым. Соскочив на землю, Астарот щедро, так что кулаки заболели, рассчитался с таксистом и прошел внутрь. В кабинете Ариоха не было, и секретарша, молодая смазливая ведьма, сообщила, что он обходит цеха. При этом она так вильнула пышным задом, что Астарот облизнулся. «Вот еще причина, хе-хе, по которой прадедушка домой не торопится!» – мысленно усмехаясь, подумал он. В цехах было шумно, гремели конвейеры, верещало сырье. Надо сказать, что туалетная бумага в Преисподней испокон веков изготовлялась из душ дьяволопоклонников. Они-то, кретины, воображали, что Сатана их наградит, приблизит к себе! Как же, нужны они ему, черви! Правда, на Земле их никто в

этом не разубеждал, напротив, надежда на награду всячески поощрялась и подогревалась, но когда сатанисты, окончив свой земной путь, попадали в вожделенную Преисподнюю, их ожидал «приятный» сюрприз.

Сейчас на Земле расплодилось бесчисленное множество сатанинских сект, сырье поступало в изобилии, и работа на фабрике кипела вовсю.

Астарот обнаружил Ариоха в цехе вторичной переработки. Сюда поступали из сортиров использованные души, кипятились, просушивались, скатывались в рулоны и снова направлялись в торговую сеть. Вой стоял невероятный.

– Ну-ну, шевелитесь, бездельники, – покрикивал Ариох на чертей-чернорабочих. – Без премиальных оставляю!

Те в настоящий момент запикивали в котел с кипятком душу известного в недавнем прошлом на Земле экстрасенса и профессора черной магии, имя которого Астарот, правда, запомнил. Душа, перемазанная демоническим калом, вырывалась и пыталась кусаться. Наконец, получив хороший удар энергетической дубинкой, профессор скрылся в глубине котла. На поверхности появились пузыри.

– Привет, правнучек! – обрадовался Ариох, заметив наконец родственника. – Решил навестить старика? А, понятно! – Вперив в Астарота острый, пронизывающий взгляд, Ариох без труда прочитал его мысли. – Все вы, нынешние, такие, вспоминаете о нас, только когда приспичит! Ладно, поговорим, не здесь, а у меня в кабинете! Вот только закончим одно

дело. Нужно принять свежую партию сыря.

Пройдя по цехам, они оказались в обширном помещении, вдоль стен которого стояли длинные деревянные скамьи. На них восседали только что прибывшие с Земли сатанисты: радостные, полные надежды. Они были увешаны разнообразными магическими причиндалами. Один юнец держал в руках развернутое знамя, на котором красовались огромные цифры «666». Увидев Ариоха, сатанисты восторженно загалдели.

Ариох щелкнул пальцами. Одна стена отодвинулась, открыв гигантский конвейер.

– Эй, Вельзевул! – позвал он громовым голосом, и на пороге появился здоровенный демон-вышибала, волосатый, покрытый мощными буграми мышц. В свое время Вельзевул занимал высокие посты, но не угодил шефу, был разжалован и попал под трибунал. Спас его Ариох, который, как нам известно, Сатану не очень жаловал. Для этого ему пришлось умаслить судей огромным количеством туалетной бумаги. Вельзевул отделался условным наказанием, и Ариох взял его к себе на фабрику. За это Вельзевул был предан Ариоху безгранично, редчайший случай в Преисподней, где все друг друга ненавидели и норовили подсидеть.

Ариох тем временем заносил новоприбывших в огромную бухгалтерскую книгу.

– Пятьдесят восемь, пятьдесят девять, – бормотал он вполголоса, старательно царапая гусиным пером. Старик

был консервативен и не признавал все эти новомодные авторучки.

– Итого девяносто! – завершил он подсчет. – Что-то негусто сегодня, – раздраженно буркнул старый демон. – Ладно, Вельзевул, начинай!

Вышибала схватил за шиворот юнца с флагом и мощным пинком под зад отправил на конвейер. Остальные, сообразив наконец, что их надежды на награду рухнули, испуганно завывали.

– Продолжай без меня, Вельзевул, – сказал Ариох и обернулся к Астароту. – Пойдем!

В кабинете Ариох указал правнуку на низкое деревянное кресло, предложил выпить.

– Да, – задумчиво произнес он, подперев голову руками. – Дело очень сложное, подкузьмил тебя Сатана-паршивец!

Старик погрузился в воспоминания и долго молчал, Астарот уже начал терять терпение, когда предок вновь заговорил:

– Пятьдесят тысяч лет назад жил на Земле некий Амартон, правил он королевством Вилатарским. Ну что выпучился? Надо историю изучать! Это было хорошее время, почти повсеместно царила тьма, особенно в Вилатарском королевстве. Поклонялись там великому божеству Ариоху, – здесь старик самодовольно усмехнулся. – Так вот, решил этот самый Амартон искоренить мой культ и научить людей поклоняться Свету. Подданные, естественно, воспротивились,

особенно мои жрецы. Они все погрязли в пороках, вот почему я там господствовал! Амартона травили ядом, подсылали убийц, но без толку. Он с успехом разоблачал все заговоры и продолжал проводить прежнюю политику. Я сам подбирался к нему и так и сяк, но ничего не выходило – уж больно сильная это была личность. Попробовал я, кстати, те же способы, что Маркел, в частности, маньяком пытался сделать Амартона. Не вышло. Слава Тьме, что не было у него такой силы, как у твоего парня, а то быть бы мне тоже в барабашках! В конце концов я натравил на него правителей соседних государств. Он держался до конца, но подданные восстали. Амартон, с горсткой приверженцев, укрылся в горном замке, где продолжал отчаянно сопротивляться. По правде сказать, я им восхищался, хотя до сих пор ненавижу! Защитники замка умирали от ран, от голода, но не сдавались. Тогда я явился к ним лично. Я предложил Амартону и его друзьям несметные богатства, господство над миром и прочее, прочее, но он лишь плюнул мне в лицо. Пришлось ретироваться. В конце концов все они погибли, и Этот Самый забрал их к себе. Амартон сейчас в приближенных у Этого Самого, да ты знаешь его, только у него теперь другое имя!

Ариох надолго замолчал.

– Так вот что я хотел тебе сказать. Сильного духом, даже простого смертного, нам не одолеть! Правда, таких, к счастью, единицы! Поэтому, правнучек, и не пытайся ты охмурить того парня, он сам тебе рога обломает!

– Ладно, не ной! – утешил Ариох приунывшего потомка. – Выход все-таки есть, хотя рискованный!

Дело в том, что Станислав сын демона. Ох дурак Маркел, ох дурак, надо было действовать осторожно, раздуть его гордыню потихоньку, глядишь, и склонился бы парень на нашу сторону. А этот идиот решил сразу взять быка за рога, во сны стал влезать, на девчонку натравливать, да и вообще все торопливо как-то делал, поспешно. Вот и поплатился за глупость. Пусть теперь барабашкой работает, там ему самое место!

Теперь к Станиславу в душу лезть бесполезно. Он уже миновал первый рубеж, сделал для себя выбор, не в нашу, кстати, пользу!

К тому же, раздавив Маркела и перешагнув через себя, он набрал такую силу, что даже мне теперь с ним не справиться! Потому-то Сатана и умасливает тебя, любимую свою игрушку обещает! Боится, ублюдок!

Да не ной ты, щенок, я не все сказал! Несмотря ни на что, Станислав – демон! Первый из нас за историю мироздания, кто взбунтовался против зла, но демон! И сила у него демоническая! Склонив свой выбор в сторону Этого Самого, он под воздействием жалости иногда творит с помощью своей силы добро. А это противоречит законам метафизики. Поэтому, совершив акт милосердия, он испытывает страшную боль, которая с каждым разом усиливается, пока не достигнет предела, перешагнуть который не могут даже бессмерт-

ные.

Астарот наконец начал понимать, куда клонит старик.

– Ты считаешь, прадедушка, что нужно провоцировать его на добрые дела, чтобы он побыстрее до этого предела добрался?! Ты просто гений!!! – Астарот в полном восторге захлопал себя по ляжкам. – На этом пределе он и сломается, покатится обратно к нам!!!

– Должен сломаться, должен, – глухо ответил Ариох, – но если он выдержит – последствия будут ужасны! Впрочем, другого-то выхода у тебя нет! Ладно, потомок, не грусти, шансы все же в твою пользу. Давай-ка еще выпьем, на дорожку.

Глава 5

Следуя мудрому совету прадедушки, Астарот не стал вплотную подбираться к Станиславу, а решил действовать издалека. Кроме того, он тщательно подготовился. Помог здесь опять-таки Ариох. Старик обладал могучей силой, недаром в свое время почти вничью закончил борьбу с самим Сатаной. Астарот знал по слухам, что у прадедушки в запасе имеется немало старинных фокусов, ныне почти забытых молодыми демонами. Три дня он валялся в ногах у старика, упрашивая помочь, но тот оставался глух к мольбам потомка.

– Я уже дал тебе мудрый совет, щенок, так что проваливай! – неизменно отвечал Ариох. И вдруг, в порыве отчаяния, Астарот сообразил, чем купить предка. Он поклялся страшной клятвой, нарушить которую не могли даже демоны, известные лжецы, что найдет любовника мегере-прабабушке, а если не найдет, то станет им сам!

Против такого искушения Ариох устоять не смог и отправился в кладовую, где хранились его сокровища. Он долго рылся там и наконец, кряхтя и охая (тяжело все-таки расставаться с такой ценной вещью!), вручил правнуку магический медальон, украшенный непонятными иероглифами. Посреди него сияла черным пламенем пятиконечная звезда. – Это амулет Ваала, моего старинного друга, который я у

него украл. Ваал за ним, хе-хе, прийти не сможет, поскольку он... впрочем, тебе лучше не знать, что с ним случилось. Нынешняя молодежь такая слабонервная! Когда ты нажмешь на звезду посередине, вокруг тебя образуется мощное поле энергетической защиты, и ни один демон не сможет обнаружить твоего присутствия, даже если ты будешь стоять рядом с ним. По крайней мере до сих пор это никому не удавалось, в том числе и Сатане. А теперь проваливай, сопляк, пока я не передумал!

Схватив медальон, Астарот поспешно ретировался. Еще вправду передумает, старый хрыч!..

Выбравшись из своего измерения на Землю, Астарот немедленно включил защитное поле и огляделся. Нужно начать с людей, которые наиболее дороги бунтовщику. Уж здесь-то он не сдержится, начнет проявлять милосердие, приближаясь к роковому пределу!

Андрей сладко потянулся и открыл глаза. Было семь часов утра. За окном щебетали птицы, шуршала по асфальту метла дворника, тети Маши. Подойдя к окну, Андрей распахнул его, с наслаждением вдыхая утреннюю прохладу. Сегодня понедельник, и тренировка начнется в одиннадцать. По понедельникам Стас персонально занимался с ним, готовя к сдаче экзамена на черный пояс. Красные огоньки в глазах друга и учителя больше не загорались, и он казался теперь вполне нормальным, почти нормальным. Андрей чувство-

вал, что в Станиславе произошла какая-то перемена, но... Он затруднялся объяснить себе, что это за «но», однако, общаясь со Стасом, больше не испытывал дискомфорта. Андрей уже собирался отправиться в ванную, как вдруг нежные пальчики закрыли ему глаза, а за спиной послышался серебристый смех. Улыбнувшись, он повернулся и схватил в объятия теплое трепещущее тело. «Лена, Леночка, какая ты у меня красивая». Жена смеялась, запрокинув голову и призывно заглядывая ему в глаза. Она была стройной, прекрасно сложенной шатенкой, с темно-карими глазами. Лена, тихонько мурлыча, прижалась к Андрею обнаженной грудью. Почувствовав, как твердеют ее соски, он подхватил жену на руки и понес к кровати.

Они жили вместе уже четыре года, но Андрей до сих пор чувствовал себя как новобрачный. Не говоря уже о прекрасных внешних данных, Лена обладала мягким, покладистым характером, и даже когда Андрей, человек по натуре нервный, вспыльчивый, начинал ерепениться, легко тушила семейные ссоры двумя-тремя успокаивающими словами и теплой улыбкой. В постели у них тоже все было прекрасно. А хозяйка она была ну просто великолепная. В результате Андрей, в прошлом изрядный бабник, был теперь самым что ни на есть верным мужем. Данное обстоятельство изрядно забавляло тех его друзей, кто знал Андрея до женитьбы.

Сейчас Лена была на втором месяце беременности, и Андрей с нетерпением ожидал появления ребенка. Ему было

все равно, кто родится: мальчик, девочка, лишь бы был похож на его ненаглядную Леночку.

Оргазма они достигли одновременно. Затем некоторое время лежали, обнявшись и тяжело дыша, опустошенные, счастливые. Вдруг Лена взглянула на часы и, охнув, побежала под душ. Было уже без пятнадцати восемь, и она могла опоздать в офис. Лена работала в известной коммерческой фирме секретаршей и переводчиком одновременно. Она прекрасно владела английским, поскольку в свое время прожила несколько лет в Америке. Отец, ныне покойный, работал там в советском консульстве. Фирма, где трудилась Лена, занималась торговлей цветными металлами, имела обширные связи за границей, и переводчикам хватало забот. Глава же фирмы, Николай Николаевич Севрюгин, в прошлом крупный партийный работник, знал по-английски только одно слово, имевшее аналог в русском языке и касающееся полового акта.

Выпив чашку чая, Лена упорхнула, чмокнув мужа в щеку. Андрей принялся за утреннюю разминку, не переставая при этом думать о жене.

За ним внимательно наблюдал невидимый Астарот. В уме демона быстро складывался хитрый и коварный план. Астарот недаром считался у Сатаны лучшим агентом!

Николай Николаевич Севрюгин был сегодня не в духе. Вчера он здорово наклюкался у своего приятеля Михеева, в

прошлом инструктора райкома партии, а ныне хозяина известного в Москве казино. Михеев поставил дело на широкую ногу, в казино, помимо прочего, имелся прекрасный ресторан и стриптиз-шоу. Кроме того, за особую доплату стриптиз-девочки могли оказывать услуги иного рода, более пикантные.

Севрюгин с жалостью вспомнил про сто долларов, которые в порыве пьяной щедрости отдал вчера одной из этих шлюх. Эх, дурак, дурак! Нужно было договориться с Михеевым, и она бы так дала! Сам-то Михеев пользуется их бесплатно, ну как они шефу откажут?

День сегодня предстоял напряженный, три деловые встречи, и вопрос с банковским кредитом нужно наконец уладить. Придется давать на лапу хапуге Рыбкину, ведь законным путем такой кредит банк не даст, потребует обеспечения. Этого делать не следует, мало ли чего? Черт побери! Как же башка трещит! Какого хрена он после водки пил коньяк, а затем шампанское! На шампанское эта шлюха подбила. Целых сто баксов отдал стерве, ну надо же!

Немного подумав, Севрюгин направился к сейфу, извлек оттуда бутылку коньяка, налил себе полный стакан и залпом жажнул. Огненный комок провалился в желудок, растекся по жилам, и Николай Николаевич почувствовал себя значительно лучше. Головной боли как не бывало, но на старые дрожжи слегка развезло. Это абсолютно ни к чему, сегодня нужно быть в форме. Засунув в рот целую пачку мятной жева-

тельной резинки, чтобы отбить запах спиртного, Севрюгин вызвал по селектору секретаршу и велел сварить кофе – покрепче. Мысли опять вернулись к злополучным ста долларам. Ну почему ему приходится платить за то, что другие получают даром? Вот Рыбкин, например, почти всех своих молодых сотрудниц перетрахал, бесплатно, разумеется. Боятся потерять работу и послушно раздвигают ножки. А ведь Рыбкин на десять лет старше его (Севрюгину было сорок девять), толстый, дряблый, изо рта несет, как из помойки, а какие девочки у него, персики!

На пороге появилась секретарша Лена, неся поднос с кофе. Короткая юбка, длинные, стройные ноги, упругая грудь, обтянутая полупрозрачной легкой блузкой. Интересно, ценит ли она свою работу? Конечно, ценит! Да и где ей будут столько платить? Сейчас найти хорошее место нелегко. Севрюгин почувствовал, как охватывает его возбуждение. Вот с нее и начнем!

– Эй, подожди, – окликнул он хриплым голосом секретаршу, когда та, поставив на стол кофе, уже направлялась к выходу. – Пойди сюда, поговорим!

Стоявший за его спиной невидимый Астарот удовлетворенно потирал руки.

* * *

– Что ж, совсем неплохо, – похвалил Андрея Станислав

и прислонился к дереву, вытирая пот со лба. Сегодня они тренировались на природе, в лесопарке. – Вот только иногда забываешь о защите!

Андрей со стыдом вспомнил, как в спарринге Стас провёл ему целых шесть смертельных ударов. Не по-настоящему, конечно, лишь обозначил. Об ударах не смертельных, спортивных, о которых красноречиво свидетельствовали гудящая голова и ноющие ребра, даже говорить не стоило. В поединке со Станиславом он чувствовал себя живой «макавари», которую к тому же жалеют, боясь попортить!

– Не унывай, старик, – улыбнулся Стас, – на чёрный пояс ты вполне тянешь, – и, словно прочитав мысли сконфуженного друга, добавил: – Просто я за последнее время, ну как тебе сказать, кой-чему подучился. Нет, не спрашивай где, все равно не скажу. Ты сейчас в гораздо лучшей форме, чем я полгода назад (именно тогда Стас вышел в финал первенства страны, и, если бы не сломанная рука, вполне бы мог занять по крайней мере третье место).

– Ладно, брось плести, – отмахнулся Андрей, – что ты меня, как ребенка, успокаиваешь!

– Нет, – твердо ответил Стас, – не успокаиваю, сейчас мои удары сам Ояма не заблокирует! Не веришь? Смотри!

Он отошел немного поодаль, где деревья росли гуще, и тут... Это даже нельзя было назвать вихрем ударов, их вообще не было видно. Из-за быстроты движений тело Станислава казалось каким-то расплывчатым пятном. Все продол-

жалось от силы три секунды. Когда Стас закончил, Андрей увидел, что несколько деревьев, словно подрубленные топором, падают на землю.

– Но где ты так...

– Не спрашивай, – отрезал Стас, – я не могу сказать!

– Покажи еще что-нибудь! – умоляюще попросил Андрей. – Ну, пожалуйста, браток!

– Ладно! Самое главное в ударе – концентрация энергии, можно вообще бить только энергетическим зарядом! – Глаза Станислава задумчиво смотрели куда-то вдаль, казалось, он разговаривает с самим собой. – Физическую материю при определенных навыках можно разрушить, не прикасаясь к ней!

Стас направился к лежащей невдалеке здоровенной бетонной плите, которая осталась от строителей-халтурщиков, начавших и тут же забросивших дорогу к пруду, популярному месту отдыха местных жителей.

– Подойди поближе, – пригласил он Андрея, опускаясь на колени и занося руку над плитой. – Гляди внимательнее!

Рука начала плавное движение вниз и вдруг резко остановилась, не дойдя до цели сантиметров пятнадцать. Плита раскололась.

– Здорово!!! – восхитился Андрей. – Научишь меня так, а?!

– Может быть, – неопределенно ответил Стас, пронизывая друга острым взглядом. – Если ты... Короче, там видно

будет! Ладно, – Станислав обнял Андрея за плечи, – на сегодня хватит. Пошли купаться.

На пруду, поскольку день был рабочий, народу оказалось мало. Очкастый парень с девушкой да компания подвыпивших парней, жаривших шашлыки прямо под щитом с надписью: «Разводить костры воспрещается!»

Вдоволь наплававшись в прохладной, мутной из-за глинистого дна воде, друзья разлеглись на травке, подставив спины горячим лучам солнца. Компания с шашлыками тем временем веселилась вовсю. Водка лилась рекой, и парни производили все больше шума.

– Эх, бабу бы сейчас, – мечтательно проревел один из них, мохнатый, как снежный человек, весь покрытый наколками.

– Бабы – сюда!!! – юродски заблажил другой, маленький, с мышшиной мордочкой.

– Ты смотри, одна уже пришла! – с деланным изумлением пробасил мохнатый. – Эй, очки, тащи нам свою телку!

– Нина, пойдем домой! – пытаясь казаться спокойным, тихо сказал очкарик девушке и принялся натягивать одежду. Руки у него дрожали.

– Ты что, не слышал? – возмутился мохнатый.

– У него уши заложило! – подленько, как шакал Табакки, провизжал из-за его спины «мышшиная мордочка».

Третий парень, все время молчавший, вдруг подошел к девушке, схватил за руку и поволок за собой.

– Не смейте! Что вы делаете! – закричал очкарик срыва-

ующимся от волнения голосом, но мохнатый схватил его пятерней за лицо и мощным толчком отправил на землю.

– Ну вы, прекратите! – Возмущенный Андрей вскочил на ноги.

– Давай, давай, – подбодрил его Станислав, продолжавший лежать в прежней позе. – Практика – великая вещь!!!

– Это еще что за охеревший селезень?! – искренне поразился мохнатый, который был выше Андрея на голову и шире раза в полтора. – Куда лезешь-то, фуффло!

«Мышиная мордочка» радостно захихикал, предвкушая потеху. Мохнатый двинулся на Андрея, замахиваясь, но тот, легко поднырнув под удар, врезал ему прямым слева по печени. Парень тяжело рухнул на землю, корчась от боли. Молчаливый, оставив девушку, схватил нож и с поразительной для его туши быстротой нанес удар, но тут же взвыл от боли. Нож выпал, а сломанная рука безвольно повисла. Легкий удар ребром ладони в основание черепа, и он мешком свалился рядом с мохматым. Андрей оглянулся в поисках «мышинной мордочки», но тот, как видно, самый сообразительный, уже успел «сделать ноги».

– Молодец! – одобрительно произнес Станислав, лениво переворачиваясь на бок. – Я же говорил, что ты в прекрасной форме. Считай, черный пояс у тебя в кармане! А ты, – бросил он очкарику, – в подобных случаях не вступай в дискуссию с подонками, а хватай, что под руку подвернется, и бей по башке!..

Когда Андрей вернулся домой, его прекрасное настроение тут же улетучилось. Из комнаты слышались глухие рыдания. Вбежав туда, он увидел Лену, которая лежала на тахте лицом вниз, закрыв голову руками. Перевернув ее на спину, он с ужасом заметил под глазом своей любимой жены огромный синяк.

– Рассказывай!!! – глухо приказал Андрей.

В кабинете Севрюгина с Леной произошло следующее. Когда он подозвал ее к себе и предложил побеседовать, Лена не удивилась. Мало ли что там нужно сделать по работе.

Николай Николаевич, однако, не спешил начинать разговор, окидывая свою секретаршу таким откровенно похотливым взглядом, что она невольно покраснела.

– Ну-ну, Леночка, не смущайся! – вкрадчиво промурлыкал он. – Ты должна любить своего начальника!

– О чем это вы, Николай Николаевич?

– А вот о чем! Хе-хе, давай выпьем!

– Спасибо, я не буду! – твердо ответила Лена, но Севрюгин достал из сейфа бутылку, стаканы и плеснул в каждый приличную порцию.

– Давай на брудершафт!

– Нет!

– Ну как хочешь, я сам, – Севрюгин слил два стакана в один и залпом выпил.

– Уф, – тяжело выдохнул он, – хорошо! – И вдруг положил

руку Лене на плечо. Рука была тяжелая, потная.

– Не надо, пожалуйста! – Лена осторожно отодвинулась.

– Что значит не надо! – рявкнул Севрюгин. – Я здесь начальник! Или ты хочешь, чтоб тебя уволили?

– Извините, но я пойду! – твердо сказала Лена, поднялась и направилась к выходу.

– Ну нет!!! – Проворно выскочив из-за стола, Севрюгин облапал ее потными руками и, жадно щупая грудь, попытался повалить на ковер. С отчаянным усилием Лена вырвалась и увидела перед собой красную потную рожу с дико вытаращенными глазами и слюняво обвисшими губами.

– Ах ты, сучка! – завопил он, ударив Лену кулаком в лицо. Захлебываясь слезами, она выскочила из кабинета.

– Ты уволена, – прогремел вслед голос шефа.

– Та-ак!!! – С помутившимися от ярости глазами Андрей выбежал из квартиры и, не слушая плачущую жену, которая пыталась его остановить, побежал вниз по лестнице.

Астарот довольно захихикал. Пока все шло по плану.

* * *

Николай Николаевич Севрюгин сегодня решил закончить рабочий день пораньше. Черт с ним, с банком, завтра разберемся, а то эта дрянь все настроение испортила. Ишь ты, недотрога выискалась! Ничего, еще приползет на коленях, будет умолять принять обратно. Что ж, возьмем, но не зада-

ром, конечно, хе-хе! Представив, как он разложит Лену прямо здесь, на ковре, Николай Николаевич сладко зажмурился.

– Семен, поехали домой, – позвал он шофера-телохранителя, и в кабинет ввалился здоровенный бугай под два метра ростом, с мускулатурой Шварценеггера.

«Хорош! – с удовольствием оглядел его Севрюгин, – с таким как за каменной стеной!»

Надо сказать, что Николай Николаевич панически боялся физического насилия, боялся всегда, с самого детства. Он с ужасом вспоминал школьные годы, когда ему здорово перепадало от одноклассников за жадность и склонность к стукачеству. Мысль о побоях приводила его в содрогание. В студенческие годы он старался не ходить вечером по улице, не провожать девушек. Один раз, правда, решился, но трусливо бежал, когда к ней пристал пьяный и, откровенно говоря, довольно плюгавый мужичонка. После этого Севрюгина дружно презирали все сокурсницы.

Лишь добившись «степеней известных» и начав разъезжать в персональной машине, Николай Николаевич малость подуспокоился. Но вот сейчас с Семеном под рукой – он чувствовал себя великолепно, в полной безопасности.

Семен был невероятно глуп и ради денег готов на все. Поэтому он безропотно позволял Севрюгину обращаться с собой как с «шестеркой», что доставляло последнему особое удовольствие. Приятно помыкать такой громадиной! Убрав со стола деловые бумаги, заперев кабинет и вручив Семену

свой «дипломат», Николай Николаевич важно прошествовал вниз по лестнице.

Горилла-телохранитель тяжело топал следом. Внизу, в вестибюле, стоял какой-то парень в спортивном костюме и кроссовках, среднего роста, худощавый.

– Ты Севрюгин?! – полувопросительно, полуутвердительно произнес он.

– Ты мне не тыкай, щенок! – барственно ответил Николай Николаевич. – Ну, что стал на дороге?

– Я муж Елены Смирновой, – глухо сказал парень, сжимая кулаки. – Той самой, которую ты, сволочь... – Андрей замолчал. Внутри его клокотала дикая ненависть, и он с трудом сдерживался, чтобы не свернуть шею этому подонку с наглой откормленной ряхой.

«Вот сучка, мужу пожаловалась, дрянь такая! – подумал Севрюгин, испугавшись было по привычке, но тут же сообразил, что рядом громила-телохранитель. – Ну сейчас мы ему покажем!»

– Семен, разберись, – процедил он сквозь зубы.

Бугай, поставив на ступеньки «дипломат», шагнул вперед, растопырив руки и радостно ухмыляясь. Он предвкушал, как сотрет в порошок на глазах у шефа этого мозгляка. Может, премия за это будет, а?! Удара Семен не увидел, но острая боль пронзила внутренности, и его огромная туша безвольно, как тряпичная кукла, шлепнулась на каменный пол. Онемев от ужаса, Николай Николаевич попятился назад, разевая

рот, как вытщенная из воды рыба. Хлесткий удар разбил ему лицо и вклеил в стенку.

– Простите, простите, пожалуйста! – заплетающимся от страха языком лепетал Севрюгин, ползая в ногах у парня. – Я больше не бу-уду!

По его лицу, смешиваясь с кровью, текли слезы и сопли.

– Тьфу, мразь! – с отвращением сплюнул Андрей и, резко повернувшись, вышел на улицу.

– Посажу, посажу, гада! – с ненавистью пробормотал бизнесмен, поднимаясь на ноги.

Глава 6

Начальник Н-ского отделения милиции майор Петухов Юрий Семенович в мрачной задумчивости сидел у себя в кабинете. Жизнь, еще недавно улыбавшаяся ему на все лады, казалась сейчас мерзкой, бессмысленной. Меланхолия майора объяснялась просто. Скажите на милость, кому понравится лишиться главного источника дохода? Витя Крот, являвшийся последнее время для Юрия Семеновича поистине золотой жилой, вдруг рехнулся и отправился с повинной в Комитет (так по старой памяти майор называл Министерство безопасности). Бригада Крота тут же распалась, поскольку рехнулся он действительно в полном смысле слова. Едва зайдя в камеру в «Матросской тишине», Крот, крупный авторитет в преступном мире, ринулся к опущенному чушку, сидящему возле параша, и на глазах у всех сделал ему минет. Затем уселся на парашу сам и громогласно завопил:

– Я пидор, ребята, добровольный и старательный! Трахните меня, трахните!!!

По известным каналам эта невероятная новость тем же вечером разнеслась по всей преступной Москве. Приближенные Крота, которые могли принять на себя руководство бригадой, а следовательно, по-прежнему кормить Юрия Семеновича, в великом конфузе подались прочь из города. Вслед им неслись ехидные смешки конкурентов из других группи-

ровок.

– Под пидором ходили, ха-ха-ха, а сами-то вы случайно не того?!

Рядовые «шестерки», с которых, как говорится, взятки гладки, разбрелись кто куда.

В силу причин вышеизложенных настроение у Юрия Семеновича было отвратительное, и он терзался бесплодными размышлениями: «Как жить дальше, где снискать хлеб насущный?»

Свою милицейскую зарплату он, разумеется, всерьез не воспринимал.

Неожиданно дверь распахнулась, и в кабинет ввалился Николай Николаевич Севрюгин собственной персоной. Непрерывно трогая распухший нос, он твердил как попугай: «Сажать, сажать гада!» Майор Петухов, обладавший сверхъестественным чутьем, замер в сладостном предвкушении крупной взятки.

Он знал Севрюгина давно, еще когда тот был райкомовским деятелем, поэтому не опасался провокации со стороны соответствующих органов, занимающихся борьбой с коррупцией среди милицейских чинов.

– Присаживайтесь, Николай Николаевич, присаживайтесь, – замурлыкал майор, вставая из-за стола и заботливо предлагая Севрюгину стул.

– Сажать, сажать! – продолжал как заведенный бормотать бизнесмен и вдруг всхлипнул: – Но только надолго!!!

– Ну, ну, успокойтесь, дорогой, расскажите все по порядку!

– Н-да, – протянул Петухов, выслушав сбивчивый рассказ Севрюгина и моментально уяснив суть дела. – Надолго-то оно не получится, обыкновенное мелкое хулиганство, получит условно. К тому же, уважаемый Николай Николаевич, он тоже может на вас в суд подать за попытку изнасилования и избиение его жены. Так что скорее он вас упечет!

– Но что же делать? – залепетал перепуганный бизнесмен. – Что же делать, Юрий Семенович, ведь мы друг друга не первый год знаем!

– Безвыходных положений не бывает, – многозначительно прищурился майор, – особенно для людей уважаемых, обеспеченных! – Последнее слово он произнес с ударением.

Тут наконец Севрюгин сообразил, откуда ветер дует, и безропотно извлек из кармана пачку денег.

– Это задаток, – пояснил он. – Потом получите в два раза больше.

Майор Петухов рассеянно, как бы между прочим, сунул пачку в карман и придвинул к себе чистый лист бумаги.

– Значит, говорите, он вымогал у вас крупную сумму денег, сопровождая это жестокими побоями, – тут майор вооружился авторучкой. – Так и запишем! А свидетель, Семен Климов, надеюсь подтвердит факт вымогательства? Отлично, отлично!!!

Через два часа Андрей услышал звонок в дверь. Лена только-только успокоилась и, перестав наконец плакать, задремала, поэтому незваные гости были совсем некстати, но звонок продолжал надрываться, властно, требовательно. Чертыхнувшись, Андрей наконец открыл, и в квартиру вломилась четверо милиционеров, вооруженных автоматами.

– Гражданин Смирнов, – объявил один из них, тыча дулом автомата Андрею в живот, – вы арестованы!

– Да, но за что? – искренне изумился он. – Это какая-то ошибка!

– Проедемте в отделение, там разберемся! – ответил старший по званию, в то время как сержант сноровисто защелкнул на Андрее наручники. – Топай, топай, бандюга!

Майор Петухов решил проводить допрос лично «в виду особой важности дела» – как пояснил он подчиненным.

Сейчас, глядя на сидящего перед ним бледного, взволнованного парня, Юрий Семенович прикидывал, что убьет одним выстрелом двух зайцев: и подзаработает маленько, и «крупного преступника» разоблачит, рэкетира отпетого. Сейчас это очень кстати, поскольку в стране идет широкая кампания по борьбе с мафией и начальство регулярно требует предъявить отловленных «злодеев». Привлечь за рэкет дело непростое: нужно взять с поличным или чтобы добровольно признался, а то если пойдет в несознанку, ничего с ним не сделаешь. Отпетые урки это прекрасно знают: «Свидетели? Наговаривают, гады! Ты меня за руку поймал, на-

чальник? Нет! Ну и отвали». Но этот-то парень не урка, что он понимает, пионер гребаный?

– Значит, вы, гражданин Смирнов, вымогали у потерпевшего Севрюгина десять миллионов! Сопровождая это побоями. Вот справка из травмпункта, вот его заявление, а вот показания свидетеля Климова. Плохи ваши дела, гражданин Смирнов, только добровольное признание, которое...

– Сколько он вам заплатил?! – вдруг перебил майора Андрей. Голос его звучал абсолютно спокойно.

Петухов опешил... и даже задохнулся от ярости.

– Да ты, да ты, гаденыш, да я тебя, шкура...

– Сам ты шкура, – спокойно ответил Андрей и, усмехнувшись, добавил: – Продажная!

– А-а-а! – завопил Петухов и, размахнувшись, ударил Андрея по лицу, вернее, собирался ударить. Рука его, попав в захват, была резко вывернута болевым приемом. Майор с размаху врезался носом в стол. В это время стоявший сзади сержант ударил Андрея прикладом автомата в затылок. Потеряв сознание, тот рухнул на пол.

Вытирая с лица кровь и глядя на лежащее у его ног тело, Юрий Семенович неожиданно сообразил, что все складывается отнюдь не так плохо. Если рэкет еще нужно доказать, то нанесение физического повреждения майору милиции при исполнении служебных обязанностей налицо. Ну уж теперь гаденыш не отвертится.

– В следственный изолятор его, – распорядился майор и

принялся поспешно оформлять соответствующие документы. Затем набрал номер начальника изолятора, своего давнишнего приятеля.

– Здравствуй, здравствуй, Владимир Олегович, да, это я, спасибо, неплохо. На рыбалку, а как же? В ближайшие выходные! Слушай, у меня к тебе личная просьба, сейчас к тебе привезут одного субчика... Да, опасный преступник, меня избил на допросе. Да, да, на самом деле. Пристрой его в «пресхату», чтобы в рэжете сознался. Ну, спасибо, спасибо, за мной не пропадет!

В камере номер восемнадцать, которую заключенные называли «пресхатой» или «козлятней», сидели «ссученные».⁵ Было их там десять особей, во главе с неким Сашей Угловым по кличке Крокодил. Это был здоровенный тип, с длинными обезьяньими руками и перебитым носом, в прошлом боксер. Сидеть Крокодилу было долго, очень долго, он вообще лишь чудом избежал расстрела. Попал он в места заключения за многочисленные изнасилования, два из которых привели к смертельному исходу. Насиловал Крокодил малолетних, преимущественно мальчиков. Оказавшись за решеткой, он мгновенно сообразил, что долго здесь не протянет, на зоне таких, как он, не жаловали. Поэтому Углов кинулся на шею «гражданину начальнику», обещая все что угодно, лишь бы отделили от остальных. «Гражданин началь-

⁵ *Ссученные* – уголовники, которые за определенные поправки работают на тюремную или лагерную администрацию.

ник» – добрая душа, вошел в положение и определил Крокодила в «пресхату», где тот, благодаря наглости и физическим данным, быстро заделался паханом. Остальные «ссученные» были под стать своему шефу, и на зоне ни один из них не прожил бы дольше суток. В «пресхате» им жилось неплохо, начальство хорошо кормило, даже водку и наркоту подбрасывало. За это они должны были «пресовать» тех, на кого им указывали, а именно непокорных подследственных, кто не желал сознаваться, или блатных авторитетов, которые стали «гражданам начальникам» поперек горла. Методы были разнообразные, начиная со зверского избияния и кончая изнасилованием. Последнее доставляло Крокодилу особенное удовольствие. Сейчас он, облизываясь, вспоминал вчерашнюю жертву, которую они несколько раз прогнали по кругу. Какая попка была! Персик! Парень ночью разбил себе голову о стену, но на это Углову было наплевать. Он вообще не жалел никого, кроме себя. Крокодилу только что сообщили, что сейчас подбросят еще одного. Класс! Повеселимся! А вот и он!

В камеру втолкнули молодого парня, лет двадцати пяти, среднего роста, худощавого. Ну, с этим-то несложно будет справиться!

– Знакомься, Смирнов, это твои новые друзья! – осклабился надзиратель, с лязгом захлопывая дверь.

– Привет, ребята, – как ни в чем не бывало, поздоровался он.

«Ссученные» заржали.

– Здравствуй, «Машенька», – заблажил один из них, по кличке Сика, тощий, с кривым носом штатный холуй у Крокодила. – Ну-каними штанишки, покажи нам свое очко!

Гнусно ухмыляясь, Сика направился к парню, но тут же, получив страшный удар ногой в грудь, с визгом вцепился в противоположную стену. Остальные опешили, но по команде Крокодила вооружились табуретками, заточками и начали осторожно окружать строптивца. Что поделать! «Наша служба и опасна, и трудна!»

Повинуясь какому-то непонятному предчувствию, Станислав неожиданно для себя решил навестить Андрея. Там он застал лишь бьющуюся в истерике Лену с огромным синяком под глазом.

– Так, – Стас не стал ничего спрашивать и, настроившись мыслями на своего друга, мгновенно уяснил ситуацию. – Ты сиди здесь, никуда не выходи, я все улажу!

Пораженная Лена, решив, что сходит с ума, увидела, как он растаял в воздухе.

В «пресхате» между тем происходило следующее. Трое «ссученных», в том числе Сика, валялись без сознания. Остальные на время отступили, собираясь с силами, а Андрей, с рассеченной губой, бледный, но спокойный, прижался спиной к двери камеры, готовясь дорого продать свою шкуру.

– Ну, гнида, ты за это заплатишь! – злобно шипел Крокодил. Левый глаз его заплыл, из разбитого носа текла кровь. – Живым от нас не выйдешь!!! Я тебя...

Тут Крокодил подавился фразой. Под потолком закружился смерч, сверкнула молния, и из воздуха соткался незнакомец. Был он высок ростом, светловолос, а в страшных, безжалостных глазах бушевало зеленое пламя.

– А-бы-бы, – залепетал Крокодил, – а-бы-бы!

И вдруг взвизгнул:

– Господи помилуй!

– Нет, – усмехнулся незнакомец, – не помилует Он тебя, слишком поздно, Крокодил, ты о Нем вспомнил. Теперь у тебя другой хозяин! – Незнакомец еще раз улыбнулся, да так, что Крокодил затрясся, охваченный леденящим ужасом.

– Вешайся! – приказал незнакомец, и Углов послушно исполнил команду, используя вместо веревки собственные подтяжки.

– А вы, – обернулся он к остальным, – перегрызите друг другу глотки!

«Ссученные» исполнили приказ в буквальном смысле слова, и спустя несколько минут все было кончено. Все девять неподвижными кулями валялись в лужах крови, только Сика еще бился в агонии. Наконец затих и он.

– Андрей, – обратился Станислав к совершенно ошалевшему другу, – ничему не удивляйся и ни о чем не спрашивай, шума не поднимай, в ближайшие два часа сюда никто

не заглянет, а через полчаса я тебя... вытащу! – Тут его лицо исказилось, и Станислав исчез. Последнее, что заметил Андрей, – кровь, текущую из насквозь прокушенной губы.

Станислав вновь очутился на квартире Андрея, где Лена продолжала истерически рыдать. «Спи!» – приказал Станислав, корчась от боли, и женщина послушно уснула.

Теперь самое легкое – возмездие! А потом... Ладно, ладно, лучше пока об этом не думать.

Севрюгин с Петуховым вместе пили водку в ресторане «София», когда в зале закружился черный вихрь. На глазах у пораженной публики он подхватил двух респектабельных господ, сидевших за отдельным, роскошно сервированным столиком, и куда-то утащил. Поднялась паника. Лишь один гражданин, сильно упившийся и по натуре философ, остался спокоен. «Так вот ты какая, белая горячка!» – задумчиво пробормотал он.

Между тем Севрюгин с Петуховым очутились на квартире Андрея, больно шлепнувшись задами об кухонный пол. Они дрожали, как в лихорадке, охваченные мистическим ужасом. Заглянув в глаза парня, сидевшего за столом и презрительно их разглядывавшего, они задрожали еще сильнее.

– Иди сюда, – услышал Петухов приказ, причем рта парень не раскрывал, слова прозвучали прямо в голове, вернее, прогремели. И послушно, едва переступая ватными ногами, двинулся вперед, прямо как кролик в пасть удава.

– Козел! – презрительно процедил парень. – Шкура продажная! Ты за деньги мать родную посадишь!

– А-ва-ва, – лепетал майор, – а-ва-ва!

– Не а-ва-ва, а ме-е! – усмехнулся парень, и Петухов против своей воли повторил:

– Ме-е-е-е!!!

– Вот молодец, ну-ка скажи: «Я козел!»

– Я козел! – отчеканил Юрий Семенович и неожиданно добавил: – Ме-е-е!!

– А у козлов должны быть рога! У тебя они есть?

Петухов хотел было ответить «нет», но, машинально схватившись за голову, с отчаянием обнаружил, что вот они, имеются!

– Что ж, они тебе очень к лицу, но, я думаю, этого мало.

Тут Юрий Семенович с ужасом увидел, что тело его обрывает шерстью, руки и ноги съеживаются в копытца. Он хотел закричать, позвать на помощь, но получилось только «ме-е-е!». Спустя несколько мгновений на месте майора стоял самый настоящий козел, голову которого украсила неизвестно откуда взявшаяся новенькая милицейская фуражка.

– Вот, совсем другое дело, – удовлетворенно сказал Станислав, – а теперь пошел вон!

Козел в фуражке с жалобным меканьем вылетел в окно.

– Ну-с, займемся тобой! – Станислав перевел взгляд на Севрюгина, и бизнесмен обмочился со страха...

На следующий день в городе произошли два странных со-

бытия, одно из которых получило некоторый отклик в бульварной прессе, а другое вообще прошло незамеченным.

К дверям Н-ского отделения милиции рано утром подошел самый настоящий козел в фуражке и, жалобно мекая, пытался войти вовнутрь, чем вызвал немалое возмущение дежурного.

– Ха-ха-ха, на работу пришел!!! – потешались какие-то случайные прохожие. Мгновенно собралась изрядная толпа зевак, которая, в свою очередь, привлекла внимание штатного корреспондента одной скандальной газеты. Корреспондент немедленно описал этот случай в своей газете, а его коллега поместил в этом же номере обширную статью, преподнося читателю вышеуказанный пример как безоговорочное подтверждение теории переселения душ. Журналист, избравшийся за свою литературную жизнь так, что уже и сам себе не верил, даже не подозревал, что впервые написал правду. Другое, не менее странное событие пресса почему-то не заметила, а именно, что известный исключительной жадностью бизнесмен Севрюгин вдруг распродал все свое имущество, вырученные деньги раздал нищим, а сам подался в бомжи. Причем, раздавая деньги, он горько плакал.

* * *

Станислав же, закончив карательные действия по отношению к Севрюгину и Петухову, некоторое время сидел в за-

думчивости, затем быстро написал записку, положил ее на видное место, после этого скатал из чистого носового платка кляп и забил его себе в рот...

Андрей, окончательно обалдевший от свалившихся на него за день потрясений, вдруг непостижимым образом очутился в своей квартире. Лена крепко спала, а Станислав катался по полу в жутких конвульсиях боли. Глаза его были крепко зажмурены, рот забит кляпом. В центре стола лежала записка:

«Ничему не удивляйся, врачей не вызывай, когда приду в себя, все объясню. Следы твоего уголовного дела уничтожены. Никто ничего не помнит.

Станислав».

Глава 7

– Что ты собираешься делать, Стас, ведь все это так ужасно! – В голосе Андрея слышалось отчаяние.

– Не знаю, посмотрим. – Лицо Станислава, агония которого продолжалась целых пять часов, было смертельно бледно, под измученными, ввалившимися глазами чернели огромные круги. – Они пытаются меня сломить, обложили, как волка, но я не собираюсь сдаваться. Водка есть? Налей!

Удивленный Андрей послушно исполнил просьбу своего непьющего друга. Стас, не закусывая, выпил залпом полный стакан и некоторое время молчал.

– Сдается мне, – неожиданно продолжил он, – что вчерашнее происшествие с тобой не случайность, и уверен, все было подстроено. Я чувствую неподалеку чье-то присутствие, видимо, послали нового, вместо Маркела, но почему-то не могу обнаружить его!

Тут наблюдавший за ними Астарот зябко поежился и, любовно потрогав амулет Ваала, мысленно благословил свою предусмотрительность.

– Ну ничего, я найду этого гада!!! – резко сказал Станислав.

Астарот решил, что пора смываться, тем более что его осенила блестящая идея.

Удобно устроившись в соседнем измерении, он принял-

ся не торопясь раздумывать. Лучше всего нанести удар в самое болезненное место непокорного, а именно по его любимой сучке. У большинства женщин в глубине души есть некая струнка, на которой можно хорошо сыграть. Если привлечь Марину на свою сторону, то успех обеспечен. До этого даже мудрый Ариох не додумался! Вовсе не обязательно доводить Стаса до «предела», тем более что он, видать, не собирается сдаваться. Астарот наблюдал вчера его мучения, такого еще никто не испытывал, и понимал, что «предел» близок. Вдруг перейдет? Это будет ужасно. Но если его любимая баба станет слугой дьявола, допустим, вампиршей и любовницей Астарота? Тогда этот бунтовщик, который любит свою сучку до потери сознания, разуверится во всем, что дал людям Этот Самый, а именно в любви, верности, чести (произнося мысленно эти слова, Астарот презрительно скривился) и тому подобном, обозлится, перестанет творить добро и превратится в настоящего демона!!!

«Мы пойдем другим путем!» – процитировал про себя Астарот изречение некоего вождя, чьи завывания, полные боли и отчаяния, услаждали слух всех демонических туристов, посещавших Красную площадь. Затем он настроился мыслями на Марину, осторожно копаясь в ее душе и разыскивая слабое место: «Так, значит, Станислава она вроде любит, за что? За красоту, за постель, сильная личность, долгожданный принц – хе-хе, свалившийся на голову нежданно-негаданно. Но принц должен быть богат, машины, тряп-

ки, рестораны, а Станислав равнодушен к деньгам, бесребреник – хе-хе. 10 000 долларов, заработанные у армяшки? Ведь есть женихи побогаче! К тому же... А, вот оно!!! Какой я умница!!! Стабильность, уверенность в завтрашнем дне, которых у нее нет. По ее мнению, Стас сходит с ума и может скоро загнуться. Нет, нельзя сказать, что она прямо так рассуждает про себя, но в глубине подсознания подобные идеи роятся, неосознанные пока. Вот именно, пока!!!»

И Астарот принялся осторожно теребить нащупанную струнку.

* * *

Сегодня Марина проснулась не в духе. Вчера вечером, когда Станислав не явился домой, она уехала к родителям. Сперва даже мелькнула мысль: может, загулял, у любовницы остался! Потом, правда, когда Марина, одевшись, направлялась к входной двери, позвонил Андрей и заплетающимся языком (нализался, наверное, все они такие!) сообщил, что Стас у него, плохо себя чувствует и приехать не может. Она было забеспокоилась, но потом решила: «Да ладно, как я могу помочь, вот в прошлый раз попробовала и чем кончилось, чуть кости не поломал!» Марина долго размышляла по поводу странных вещей, творившихся последнее время со Станиславом, ведь никогда с ним такого не было, но лишь сегодня утром ее осенило: «Какая же я дура, да ведь он нарко-

маном стал. Теперь ясно, отчего его так корежит!» Конечно, Станислава она любит, но где уверенность в завтрашнем дне, где законный брак, где, в конце концов, деньги, комфорт? Правда, принес на днях десять тысяч долларов, а вот Зинкин муж гораздо больше зарабатывает, причем регулярно. А ведь Зинка-то не ей чета, уродина натуральная. Любка, та вообще замуж за иностранца вышла, для которого эти 10 000 – тьфу! Прислала недавно фотографию, где снялась на фоне собственной виллы. Роскошный дом, дворец!!! Правда, Любин муж маленький, страшенький еврейчик, в два раза ее старше, а Станислав белокурый красавец! Зато у Любки надежная, стабильная жизнь, а Стас?! Того гляди загнетса от своей наркоты, и останется Марина у разбитого корыта!

От этих мыслей настроение испортилось окончательно. Марина приняла душ, позавтракала и вдруг подумала, что ей необходимо развеяться. Имеет она, в конце концов, право отдохнуть? Набрал Зинкин телефон, договорилась о встрече и принялась лихорадочно наводить красоту.

Зал дорогого валютного ресторана, где встретились подруги, был почти пуст. Не то еще время, завсегдатаи подтягивались ближе к вечеру. Зина внимательно слушала Марины жалобы и сочувственно кивала, в глубине души торжествуя: «Ага, вот тебе твой принц! Пускай мой не красавец и в постели не орел, зато с ним я спокойна! Какая я дура, что когда-то тебе завидовала!»

Вслух она, правда, говорила совсем другое: «Да, да, бед-

ленькая ты моя, ох как тебе не повезло в жизни» и т. д. и т. п. Подобные «утешения» растрavляли Марину еще больше, и в конце концов она горько заплакала.

– Я не есть хорошо понимать по-русски, но такой прекрасный девушка не должен быть, как это сказать, грустен! – Подошедший был по виду настоящий иностранец, к тому же дьявольски красив: стройная фигура, темные, красиво уложенные волосы, горящие, как угли, черные глаза, в которых было что-то завораживающее. – Я прошу, плиз, разрешений присесть за ваш столик!

Марина, моментально осушив слезы, обомлела: да это даже не принц – настоящий король!

Разрешение было, естественно, тут же дано. Иностранец уселся и искоса бросил на Зинку такой взгляд, что та поспешно ретировалась, трясясь от зависти.

«Король» заказал дорогое угощение, музыку и не торопясь вел светскую беседу, все лучше и лучше овладевая русским языком. Марина, изрядно захмелев от вина и вкрадчивых льстивых речей иностранца, вдруг неожиданно, как на духу, выложила ему все свои беды. Иностранец, которого звали Астарот («У нас в Америке это есть очень распространенный имя, вы не знать, да?!»), отнесся с пониманием и, в свою очередь, сообщил, что не женат, по профессии бизнесмен, 30 миллионов долларов годового дохода и всю жизнь мечтал встретить такую девушку, как она, для создания семьи. Короче, спустя час они оказались в его роскошном но-

мере «люкс»...

* * *

Астарот был очень доволен. Прямо на вершине блаженства. Все прошло на редкость гладко! Правда, сучонка испугалась, когда он прокусил ей горло, но ему удалось довольно быстро успокоить ее: вечная жизнь, вечная молодость и красота, вечное богатство, если она добровольно отдаст душу дьяволу, или немедленная смерть от потери крови, тлен, прах! Марина выбрала первое. Сейчас она сидела рядом в роскошном мягком кресле. Лицо ее побледнело и заострилось, но губы, наоборот, покраснели, стали пунцовыми, а глаза лихорадочно блестели. Ей хотелось крови.

– Ладно, можешь пойти поохотиться, девочка, встретимся в полночь, на Ваганьковском кладбище. Там есть подземный склеп, о котором люди не знают, и в нем ты будешь спокойно отдыхать от восхода до заката солнца. Ну иди, иди, моя радость!!

* * *

Сергей Серебрянников, преуспевающий молодой человек, решил в этот вечер расслабиться, посидеть в ресторане, какую-нибудь смазливую бабенку подцепить: платную или

бесплатную – все равно. Денег хватит. В ресторане было многолюдно, но свободный столик нашелся. Сергей уселся, сделал заказ и неторопливо огляделся. Веселые подвыпившие компании, сигаретный дым поднимается кольцами к потолку, довольно неплохой ансамбль на эстраде. Туда то и дело подходили состоятельные господа, совали деньги, делали заказы.

– А теперь в честь нашего дорогого гостя Семена Андреевича Ермолаева – песня «Сингарелла».

Сингарелла, Сингарелла!!!

Как глаза твои сверкают...

– А теперь в честь уважаемого гостя, имя которого вы и так все знаете, – его любимая песня!

Цыганка с картами, дорога дальняя.

Дорога дальняя, казенный дом.

Быть может, старая, тюрьма центральная

Меня, парнишечку, по новой ждет!!!

Сергей изрядно разомлел от коньяка, когда к его столику подошла, сама подошла!!! Ну воо-ще, отпад! Таких баб только в кино показывают!

– Разрешите присесть?

– Да, конечно, о Господи, конечно, чего желаете – коньячку, икорки, осетринки?!

– Нет, спасибо, я сыта и не пью... спиртного. Просто мне было так одиноко, так грустно, а вы кажетесь очень приятным молодым человеком. У вас такие добрые глаза! Кстати, можно на «ты»? Меня зовут Марина, а тебя?

«Ну воо-ще, отпад!!!»

Когда Сергей, переполненный щенячьим восторгом, под ручку с красавицей вышел из ресторана, было начало одиннадцатого. На улицах вечерней Москвы кипела жизнь. Светились вывески ресторанов и казино, шумели машины, сновала взад-вперед нарядная вечерняя публика. Такси они поймали почти сразу, но дорога оказалась не близкой. Марина настояла, чтобы ехали к ней домой, а жила она где-то в районе Ваганьковского кладбища. Она долго, запутанно объясняла водителю, как проехать, и в конце концов, когда он так ничего и не понял, махнула рукой:

– Ладно, высадите нас у ворот, дальше сами дойдем!

В машине возбужденный Сергей щупал ее грудь, великолепные ноги. Она не сопротивлялась и, тихонько мурлыча что-то нежное, всем телом прижималась к нему. Парень балдел. Правда, тело у девушки было какое-то холодное, но это не беда, в постели согреется!

Высадив их там, где договаривались, таксист получил обещанную мзду и поспешно уехал. Был в его взгляде какой-то безотчетный страх, который насторожил бы любого трезвого, но поддатому и обалдевшему от страсти Сергею было все до лампочки. Правда, он слегка смутился, когда девушка

предложила, чтобы сократить дорогу, пройти напрямик через кладбище.

– Ты что, боишься? – в нежном голосе оттенков презрения.

– Кто, я, да ни в жисть!!!

Ее слова больно резанули Сергея по самолюбию, и, выпятив грудь колесом, он храбро зашагал вслед за Мариной. На кладбище было тихо, лишь перешептывались о чем-то листья деревьев, а может, души умерших, кто знает? Бледные лунные лучи освещали дорогу призрачным, колдовским светом. Постепенно трезвеющему парню стало не по себе. И хоть он не верил ни в Бога, ни в черта, душу охватило предчувствие беды. Правда, как заядлый материалист он подумал: «Может, она из какой-нибудь банды, может, меня хотят ограбить и убить, но зачем? Я так все отдам!»

– Нам до-долго еще? – Голос Сергея непроизвольно дрогнул.

– А мы уже пришли! – Марина резко обернулась, и вот тут-то он заорал во все горло, охваченный леденящим ужасом.

На диком, белом как мрамор лице девушки горели адским пламенем красные глаза, из пунцовых губ показались длинные острые клыки.

Сергей хотел бежать, но ватные ноги не слушались.

– А-а-а-а-а!!! – продолжал вопить он, а Марина ловко, как гигантская кошка, прыгнула к нему на грудь, повалила на землю и, прокусив трепещущее горло, принялась жадно со-

сать кровь.

* * *

Станислав, полностью обессиленный пережитыми мучениями и целые сутки отлеживавшийся на квартире Андрея, вдруг проснулся как от резкого толчка. Сердце сдавило предчувствие беды, но пока было неясно, откуда она свалилась. Наверное, опять нанесли удар, но какой?! Они действуют через самых близких... Андрей? Нет, вот он, на соседнем диване спокойно спит. Значит... Марина?! Станислав настроился мыслями на нее и тут...

– А-у-о-вы-ая-ненави-я-а!!!

Андрей, словно подброшенный пружиной, вскочил с постели, с ужасом глядя на своего друга. Было в его вопле что-то настолько ужасное, что у Андрея хлынул по лицу холодный пот, а в глазах помутилось. Так мог вопить смертельно раненный зверь, да нет, не зверь!! Сейчас перед Андреем был настоящий демон, не борющийся с собой, как раньше, получеловек, а демон, разъяренный до безумия.

Увидев, что Андрей проснулся, Стас замолчал.

– Смотри! – приказал он, и прямо на стене замелькали кадры вчерашних походов Марины.

– Вот ведь дрянь, а я так ее любил, из-за нее с собой хотел покончить!

– Стас, братишка, может, есть возможность ей помочь,

спасти, а? Ведь у тебя огромная сила!!!

– Нет, спасти ее не может никто, она добровольно продала душу!!!

Какого дьявола я боролся с собой, мучился так, как не мучился никто из вас, людей, боролся ради добра, любви, этой мрази, в конце концов! А чего стоит ваша любовь?! Тряпок, денег?.. Дешево, правда?

Хотя нет, бывает дороже – иностранец, «Мерседес», вилла в Ницце! И все!

Не-на-вижу!!! Ненавижу всех вас, червей продажных! А Мариночка получит, что заслужила! Прощай! – прогремел Станислав и растаял в воздухе.

Спустя мгновение он очутился в склепе, где в каменном гробу отдыхала Марина. На сырых стенах висела паутина, пахло гнилью. На губах вампирши, покрытых свежей кровью вчерашнего бедолаги, застыла блаженная улыбка.

Станислав долго вглядывался в лицо своей бывшей возлюбленной. Вспоминал их знакомство, жизнь, свою любовь. Нет больше ни любви, ни жизни, есть только бессмертие!

– Проснись, – приказал он.

Девушка открыла глаза. В них не было ничего, кроме страха и злобы.

– А теперь отправляйся туда, куда все равно попадешь когда-нибудь, – усмехнулся Станислав, – в Преисподнюю, на фабрику туалетной бумаги! – и с силой вонзил ей в сердце осиновый кол.

Лицо Марины скривилось в дьявольской гримасе, изо рта потекла выпитая ночью кровь.

– Астарот, – прохрипела она, содрогаясь в предсмертных судорогах. – Астарот!

В голове Станислава неожиданно зашевелились какие-то воспоминания, связанные с этим именем, проснулась заложенная в демонических генах информация. «Астарот – демон высшего ранга. Видимо, он и сотворил все это, но почему нельзя было обнаружить его присутствия? Что-то было такое в старину, но что? Амулет, да, волшебный амулет Вава... – Станислав напрягся, и плотину памяти прорвало. – Вот оно что! Медальон Ваала, мощное поле энергетической защиты, делающее владельца невидимым для других демонов, невидимым, но не неуязвимым!»

– Иди сюда, щенок! – приказал Станислав, вкладывая в эти слова всю свою силу. – Иними медальон!!!

– Так, – усмехнулся он, презрительно, словно букашку, разглядывая дрожащего Астарота, – ну сейчас ты у меня попляшешь!

* * *

Сатана мирно отдыхал у себя в кабинете после трудового дня и лениво раздумывал, чем заняться на досуге, когда под потолком сверкнула молния, грянул гром и на стол обрушился большой железный ящик. На поверхности его заго-

релась огненная надпись: «Сатане, подарок, лично в руки!»

Крышка ящика с лязгом откинулась, и на стол выбрался скрюченный, страшный уродец, еще более жалкий, чем Маркел!

– Отче наш, иже еси на небеси... – залепетал он слова столь ненавистной чертям молитвы. Каждое слово доставляло ему дикую боль, но он все равно произносил их, поскольку был плотно зазомбирован.

– А-а-а!!! – завопил в ярости Сатана и, схватив карлика за шкуру, швырнул в угол.

– Да святится имя Твое, да придет царствие Твое, – продолжал, корежась и извиваясь, бормотать уродец, бывший совсем недавно демоном высшего ранга, суперагентом Астаротом, – да будет воля Твоя...

* * *

Станислав тем временем летал над городом, оставаясь невидимым для людей. Их заботы, нужды его больше не тревожили. Ишь, копошатся внизу! Вон на водохранилище отдыхают, водочку пьют!

Но что это? Невдалеке от берега тонул ребенок, маленькая девочка. Народу кругом было мало, а родители пьяны. Никто не замечал гибнущее дитя. Станислав заглянул девочке в глаза. Они были огромны, полны боли и отчаяния. Невинный ребенок, никому еще не сделал зла, очень любит свою

кошку Мурку. Без девочки Мурка пропадет, выкинут на улицу родители-пьянчуги. Как ни странно, последние мысли девочки были не о смерти, не о боли, а о несчастной кошке. Добрый ребенок, чистый!!! Пока чистый, а потом станет, как Марина?! Но вдруг не станет? Ведь не все в мире зло, обман и подлость! Ведь не напрасно когда-то мучился на кресте Его Сын, а чтобы искупить грехи людские, пробудить в них совесть!!!

Станислав решился. Магическая сила извлекла девочку из воды и мягко опустила на берег, а сам он провалился в черно-красную пучину боли.

Эпилог

Я прошел через «предел». Вам не понять, что это такое, а у меня не хватает слов описать Это. Нет их в человеческом языке. Прошел вопреки всем законам метафизики. За «пределом» я встретил мать, она плакала, целовала меня. Боль прошла, почти. Но со временем пройдет совсем, как мне объяснили. Нужно еще кое-чему научиться, тогда и пройдет. Но главное сделано. Наследственное проклятие, тяготевшее над моими предками тысячами, спало.

Я остаюсь на Земле, в человеческом облике. Мне тут поручили кое-какую работу. В мире так много зла. С ним надо бороться. А боль – пройдет, пройдет!!!

Полнолуние

*Он в новолуния беснуется и тяжело страдает,
ибо часто бросается в огонь и часто в воду.*

Евангелие от Матфея; 17, 15

Современное общество содрогается от страшных, кровавых, бессмысленных преступлений. Их зачастую совершают внешне вполне приличные люди, от которых никто не мог ожидать таких злодеяний. Где корни этой преступности, в чем причина? Причина лежит в мистическом потустороннем плане человеческого бытия.

Священник Родион. Люди и демоны, с. 4

Глава 1

Пятница, 6 октября 1995 г.

Москва. 11 часов утра

– Ох мама моя! – простонал Степан Осипов, начальник охраны коммерческой фирмы «Гортензия», отрывая голову от подушки и обводя комнату налитыми кровью глазами. Повсюду царил разгром: валялись на ковре пустые бутылки, воняла перевернутая пепельница, прокисали на столе остатки закуски, а на соседнем диване надрывно храпели два его

приятеля: Николай Кручинин и Глеб Леонтьев. Вчера, получив от начальства двухнедельный отпуск, Степан «расслабился». Сперва он, как водится, намеревался ограничиться бутылкой коньяка в компании друзей, но потом... лучше не вспоминать!

Осипов с трудом поднялся на ватные ноги, глянул мельком в зеркало, сморщился в отвращении и поковылял на кухню. Там в стенном шкафчике хранились на случай подобных обстоятельств несколько упаковок таблеток «Алкозельц». Конечно, действовали они вовсе не так эффективно, как заверяла телевизионная реклама, однако немного улучшали самочувствие. Дрожащими руками Степан вскрыл упаковку, набрал в стакан воды и с нетерпением наблюдал, как растворяется, шипя, лекарство от похмелья. Затем, проглотив приятный на вкус лимонный напиток, тяжело плюхнулся на табуретку, прикурил сигарету и задумался. Если весь отпуск пройдет так, как начался, что, кстати, вполне вероятно, то к началу работы он превратится в абсолютную развалину, которой потребуется не меньше недели, чтобы вернуться в нормальное состояние. Этого допустить никак нельзя!

Во-первых, руководство фирмы довольно косо смотрело на любителей «зеленого змия» и старалось избавиться от них при первом же удобном случае, во-вторых, рядовые охранники моментально учуют, что начальник «не в форме», и пустятся во все тяжкие. Вспомнив, сколько он натерпелся от этих паразитов, Осипов горестно вздохнул. Не далее как три

месяца назад двое охранников сперли со склада импортную видеотехнику, и Степан все кулаки отбил об их наглые физиономии, а потом в придачу имел крайне неприятный разговор с директором фирмы типа: «Если ты не можешь подобрать себе нормальных сотрудников, то...» А где их, спрашивается, найдешь, нормальных? К тому же давно пора повышать зарплату, а «эта жидовская морда» (так именовал про себя Осипов директора) трясется над каждым рублем. Сволочь!

Как тут не красть?! Может, стоит принять Колькино предложение, пойти к нему в банду и не охранять коммерсантов, а трясти?

– Легок на помине, – недовольно пробурчал он, заметив появившегося в дверях Николая Кручинина, известного в преступных кругах под кличкой Крутой. По правде сказать, в настоящий момент крутости в Николае не замечалось никакой: заплывшие глаза, распухшее лицо, трясущиеся руки, всклокоченные волосы.

– Пиво есть? – прохрипел Кручинин, тоскливо глядя на приятеля.

– Откуда? Вчера все вылакали!

– Твою мать! – бессильно выругался Крутой. – Раз так дело пошло – закажи мне гроб! До того паршиво – пяти минут не протяну!

– Не торопись на тот свет, – улыбнулся Осипов. – Прими «Алкозельц».

– Эта херня мне не помогает! – страдальчески скривился Николай, однако лекарство выпил.

Некоторое время оба молчали.

– Как там Глебка? – нарушил тишину Степан.

– Паршиво! Никак не может забыть войну! Бормочет во сне про «проклятых чеченов», возмущается по поводу очередного перемирия, кричит «всех вас, гадов, вырежу!». Со всем рехнулся парень! Впрочем, я его понимаю. Я этих чернозадых сам терпеть не могу! Помнится, два года назад...

Закончить фразу Крутой не успел. На кухню вошел Глеб Леонтьев, красивый светловолосый парень лет двадцати двух. Хмуро поздоровавшись, он уселся на свободную табуретку, взял заварочный чайник и принялся жадно пить холодную заварку.

– Хочешь средство от похмелья? Импортное! – предложил Степан.

– Не надо, – отмахнулся Глеб. – Я лучше так.

– Ну как знаешь...

Блеклое осеннее солнце робко заглядывало в окно. Во дворе яростно подвывала кем-то потревоженная сигнализация автомобиля. Под потолком кружилась муха. Она назойливо гудела и постоянно норовила усесться на голову Кручинину.

– Во, бля, падла живучая! – наконец возмутился тот, попытавшись прихлопнуть муху, но вместо этого с размаху треснул себя по затылку. – Осень на дворе, а она, сука, все

летает. Без того башка болит, так гадина еще провоцирует...

Обозленный Николай разразился многоэтажным матом. Степан с удовольствием слушал. Осипов уважал подлинное мастерство в любых его проявлениях.

Леонтьев равнодушно молчал, размышляя о чем-то своем.

Истошив запас ругательств, Крутой умолк.

– Я вот что думаю, – начал Степан. – Не мешает нам, ребята, слегка развеяться, но не как вчера...

– Идем в сауну с девочками, – оживился Кручинин. – У меня на примете есть такие телки! Пальчики оближешь!

– Знаем мы эти сауны, – перебил его Осипов. – Все перепьются, перетрахаются, про парилку даже не вспомнят, а в результате – похмелье еще хуже, чем теперь.

– Где-то ты прав, – согласился Николай. – Может, пива?

– Нет! У меня появилась идея гораздо лучше. Давайте махнем за город, в какой-нибудь пансионат! Подышим свежим воздухом, подлечим нервы. Не знаю, как ваши, а мои совсем расшатались. Проклятая работа!

– Давно говорил! Переходи к нам! – нравоучительно произнес Крутой, но тут же сник: – Хотя тут нервотрепки даже побольше будет. Я, например, вконец выдохся. Действительно! Стоит съездить на природу. Глеб, что скажешь?

– Денег нет. Я пока без работы! – почти не разжимая губ, тихо ответил Леонтьев.

– Перестань херню пороть! – хором возмутились Осипов

с Кручининым. – Мы старые друзья, а он о деньгах! Обижает! Ты, главное, саму мысль одобряешь?

– Да!

– Прекрасно! – обрадовался Крутой. – У меня на примете миленький пансионатик имеется. Сейчас позвоню!

Тот же день. 16 часов 45 минут

– Куда прешь, падла?! Ослеп?! – яростно завопил Кручинин, высовываясь из окна машины и обращаясь к водителю джипа, едва не помявшего ему крыло.

Ярость Крутого объяснялась просто. Этот «Мерседес» стоил ему бешеных денег, а за ремонт иномарок в автосервисе драли три шкуры. Крутой накалялся злобой всю дорогу. Шоссе, сперва более-менее приличное, по мере удаления от Москвы превратилось в нечто невообразимое: полуасфальт-полугрунтовка. Машину трясло. Из-под колес в лобовое стекло летели мелкие камешки. Николай матюкался через каждые сто метров и вот теперь взорвался окончательно. Водитель и пассажиры джипа, вероятно, испытывавшие похожие проблемы, не остались в долгу. Из него выбрались два здоровенных бугая (обе машины в это время застряли в очередной пробке) и, ни слова не говоря, двинулись к «Мерседесу». За спиной у одного из них виднелось зачехленное помповое ружье⁶. Кровожадно ухмыльнувшись, Крутой до-

⁶ Право на ношение подобного оружия можно получить при условии, что вы работаете в солидной охранный фирме или располагаете достаточным количе-

стал из-под сиденья пистолет.

– Блатуем, значит? – с угрозой начал первый из парней, круглолицый, бритоголовый, на вид лет двадцати, но тут же осекся. Прямо в грудь ему смотрело черное дуло «ТТ».

– Что дальше? – ласково поинтересовался Николай. – Пока ты свою куколку достанешь, я из тебя решето сделаю!

– Ладно, еще увидимся! – неуверенно буркнул бритоголовый, пятясь назад.

Крутой не на шутку развеселился:

– Ой не могу! Ну насмешил, сявка!⁷ Может, ты мне стрелку забьешь?!⁸ Нет?! Тогда прикинься ветошью и не отвечивай!

Ребята, почуяв нутром, что имеют дело с бандитом гораздо более опасным, нежели они сами, предпочли не связываться и молча уселись в свою машину.

– Шушера малолетняя, – проворчал успокоившийся Кручинин. – С ружьишкой вылезли. Напугать думали, недоноски! Терпеть не могу приблатненных сопляков! (Самому Николаю было двадцать пять лет.)

– Остынь! – лениво отозвался с заднего сиденья Осипов. – Пес с ними!

Под влиянием «Алкозельца» похмельные страдания несколько ослабли, но все равно Степан чувствовал себя вя-

ством денег для взятки.

⁷ Мелкий воришка.

⁸ Назначишь встречу для выяснения отношений.

лым, разбитым и больше всего на свете мечтал скорее добраться до пансионата да завалиться в постель. В машине он почему-то никогда не мог заснуть, даже если очень уставал. Погода также не способствовала бодрому расположению духа: дождь не дождь, а так, не пойми что! Сплошная серая унылость. Промозглый воздух, по сторонам дороги поникшие деревья, нахохлившиеся гаишники. Осипов, всю жизнь инстинктивно недолюбливавший милицию, в настоящий момент испытывал к ним нечто вроде сочувствия.

Третий пассажир – Глеб Леонтьев – спал. Правда, очень беспокойно. Сны ему снились тяжелые, страшные. По сути дела, это были даже не сны в обычном смысле слова, а ожившие картинки недавнего прошлого: тела трех русских пленных, изуродованные чеченцами, которые Глеб видел в одном захваченном селении; друг Сашка, умирающий у него на руках, подлые выстрелы в спину, и над всем этим мерзопакостная физиономия господина Ковалева, так называемого «правозащитника». Глеб до сих пор ломал голову над интересным вопросом: то ли Ковалев просто беспринципный тип, зарабатывавший себе подобным образом политический капитал в глазах мирового масонства, то ли его купили с потрохами чеченцы, то ли то и другое, вместе взятое⁹.

Тем временем пробка постепенно рассасывалась, водители суетились, норовя объехать друг друга, а смертельно

⁹ Над этим вопросом до сих пор ломают голову все честные россияне, не вхожие в сферы высокой политики.

уставший гаишник горестно вздыхал, даже не думая о законной, с его точки зрения, добыче в лице какого-нибудь шофера-ротозея.

Выбравшись на свободное пространство, Кручинин выжал газ. Вскоре показался поворот с указателем, сообщавшим, что пансионат «Лесной» располагается в пяти километрах отсюда.

– Веселей, ребята, – воскликнул Крутой, – почти приехали!

Спустя минут десять, миновав шаткий деревянный мост через реку, они наконец прибыли к цели своего путешествия. Пансионат «Лесной» полностью соответствовал такому названию. Со всех сторон его окружал лес, не слишком дремучий, но достаточно густой. У подъезда стояло несколько машин. Облегченно вздохнув, Николай заглушил мотор.

– Классное местечко? – обратился он к товарищам.

Осипов согласно кивнул, а Леонтьев буркнул нечто утвердительное. Они зашли в холл. Дежурная, узнав Крутого, частенько заезжавшего сюда, расплылась в сладкой сутенерской улыбке.

– Номер для вас приготовлен – Николай Петрович дал распоряжение. Девочки не требуются? – понизив голос, добавила она.

«Девочки» являлись одним из видов услуг, предоставляемых пансионатом «Лесной». Новый хозяин заведения Николай Петрович Зубов неустанно заботился о нуждах обес-

печенных клиентов.

– Попозже. Мы скажем когда, ладно? – ответил Крутой. Дежурная часто закивала, как китайский болванчик.

Тот же день. Пансионат «Лесной»

22 часа 00 минут

Мамед Асланов считал себя настоящим мужчиной. Ростом и силой Аллах не обидел, денег хватало с лихвой (принадлежащие Асланову коммерческие палатки приносили солидный доход), соплеменники уважали, русские потаскушки боялись. С ними Мамед не церемонился. Он никогда не пользовался услугами профессиональных проституток. К чему лишние расходы? Достаточно заманить какую-нибудь дуру, предварительно наобещав с три короба, попользоваться властью да выгнать пинком под зад, а если начнет ерепениться – пообещать «зарезать». Именно этим наш джигит и занимался в настоящий момент.

– Слюшай, иды отсюда по-хорошему, – цедил он в лицо всхлипывающей худощавой горничной, которую они с другом Шамилем трахали по очереди в течение двух дней.

Шамиль надменно улыбался, поигрывая цепочкой с ключами от машины. Третий житель гор Муса Джахаров вообще не обращал внимания на происходящее. В развлечениях с горничной Муса участия не принимал, поскольку предпочитал забавляться с мальчишками. К тому же сегодня он здорово обкурился гашиша и посему пребывал в состоянии ленивого

блаженства.

– Но вы же обещали заплатить! – скулила горничная.

Она не была прирожденной шлюхой. Торговать собой женщину вынуждало катастрофическое финансовое положение: маленькая зарплата, двое детей и больная мать на шее. Внезапно Мамеду пришла в голову блестящая мысль.

– Да, кстати, у нас из номэра пропала тысяча долларов, – начал он, незаметно подмигивая Шамилю, – случайно, нэ ты их взала, а?!

– Что-о?! – опешила горничная, даже не осознав толком, в чем ее обвиняют.

– Увэрэн, она! – подал голос Шамиль, на лету подхвативший идею приятеля. – Наш хлеб кушала, вино пыла, а потом крадет! Ай-вай! За такое резать надо!

– Вырны дэнгы, шлух! – подытожил Мамед. – Иначе...

Давясь рыданиями, женщина выскочила в коридор. Оба джигита разразились веселым смехом.

– Все русские – бараны! – несколько минут спустя сказал Асланов Шамилю на родном языке. – Никудышный народ! Бабы шалавы, мужики...

Докончить фразу Мамед не успел. Дверь распахнулась под мощным ударом ноги, и в комнату вошли трое парней.

– Чечены, – ощерился один из них, светловолосый, с горящими ненавистью голубыми глазами. – Ну, падлы, теперь вешайтесь!

Этому предшествовали следующие события. Кручинин, Осипов и Леонтьев, невзирая на данные друг другу клятвы до конца отдыха не пить, к вечеру настолько измаялись, что, не сговариваясь, отправились в расположенный на первом этаже небольшой ресторанчик, открытый все тем же заботливым Николаем Петровичем. Правда, к чести ребят следует отметить, что пили они исключительно пиво. Оно тут было хорошее: холодное, неразбавленное. К пиву подавали крабов и креветки. Как следует подкрепившись живительным напитком, друзья обрели новые силы и решили пойти прогуляться на свежем воздухе, как вдруг неподалеку от своего номера, куда они хотели зайти, чтобы взять куртки, встретили безутешно рыдающую женщину.

– Что случилось, – спросил Леонтьев, – кто-нибудь обидел?

Женщина попыталась уйти, но сильная рука крепко взяла ее за локоть:

– Не бойся! Говори!

Тогда, сама не зная почему, она выложила, захлебываясь слезами, всю историю.

– Та-а-ак, – зловеще протянул Глеб, – оборзели чурбаны! Ведут себя в России, словно на завоеванной территории! Жди здесь! – бросил он горничной и первым вломился

в номер к джигитам. Осипов с Кручининым, на которых эта история, по правде сказать, не произвела особого впечатления, последовали за ним. Во-первых, из солидарности, во-вторых, от скуки. Действительно, почему не набить морду чурбанам, если все равно делать нечего?

* * *

– Кто вэшайся? Ты что гаварышь? – попробовал возмутиться Мамед, вскакивая на ноги. При виде трех широкоплечих ребят он слегка струхнул, однако надеялся взять нахрапом. На сей раз Асланов просчитался.

Он не понял, какой удар ему нанесли, но в ту же секунду ноги джигита подкосились, комнату заволокло туманом, и стокилограммовая туша Мамеда с грохотом обрушилась на пол. Следующий удар ногой в лицо надолго погрузил его в пучину беспомощности. Шамиль с Мусой даже не пытались сопротивляться, завороченно глядя в черное дуло «ТТ», который наставил на них презрительно улыбающийся Кручинин.

– Обоссались, чернозадые, – шипел он. – А как бабу на штуку гринов грузить¹⁰, так орлы?! Сейчас вы нам эту штуку заплатите!

– Пагады, брат... – заискивающе начал Шамиль.

– Брат?! Это говно называет меня братом?! – искренне

¹⁰ Заставлять выплачивать.

возмутился Крутой. – Ах ты, чеченская рожа! Бей их, пацаны!

На жителей гор обрушился град безжалостных ударов.

– Мы не чэчэны! Мы дагэстанцы! – захлебываясь кровью и сплевывая осколки зубов, кричал Шамиль.

– Какая разница! – отвечал Осипов, увлеченно пиная его ногами.

Глава 2

Суббота, 7 октября 1995 г.

Пансионат «Лесной». 8 часов утра

Два года назад Алексей Романович Черкасов обратился за помощью к экстрасенсу, поскольку давно страдал широко распространенным в наше время недугом, а именно – крепко пил. Нет, Черкасов не был законченным алкоголиком, не отирался с опухшей физиономией у пивнушки, выпрашивая у прохожих на опохмелку, не пропивал из дома вещи, не избивал жену, не писался под себя в постель. Напротив, Алексей хорошо зарабатывал, а наклюкавшись, тихонько укладывался спать. Правда, наклюкивался он довольно часто. Данное обстоятельство немало беспокоило его супругу Лену, натерпевшуюся в детстве от выкрутасов пьянчуги-отца. Уяснив, что регулярные скандалы с битьем посуды на мужа должного воздействия не производят, Елена возложила все надежды на модную нынче нетрадиционную медицину. Несчастливая женщина, воспитанная в полной духовной слепоте, вдалеке от христианской веры, не подозревала, что толкает мужа из огня да в полымя¹¹. Пить Алексей Рома-

¹¹ Экстрасенсы при «исцелениях» пользуются демонической энергией и зачастую приводят людей к еще худшему состоянию, чем раньше, делают их бесноватыми и губят души. Например, после телесеансов Кашпиоровского 63 % смотревших почувствовали резкое ухудшение состояния здоровья (см. статью В. Лебедева «Бесовство», газета «Труд» за 18 января 1991 г.), а некоторые просто умирали

нович действительно перестал, но появился, так сказать, побочный эффект. Он сделался нервным, вспыльчивым, грубым, и Лена теперь постоянно ходила с синяками, но это еще полбеды. Каждое полнолуние с Черкасовым начинало происходить нечто невообразимое: разум окутывала багровая пелена, душа наполнялась ненавистью к окружающему миру, нестерпимо хотелось кого-нибудь убить. Пока ему удавалось сдерживаться в самую последнюю минуту. Пока...

Сегодня Алексей Романович, несмотря на тишину и обилие свежего воздуха, спал плохо. Неглубокий прерывистый сон заполняли кошмары. Какие именно, он после пробуждения не помнил. Оставались только ощущение липкого, леденящего ужаса, дрожь в руках и бешено колотящееся сердце. Проснувшись в очередной раз, он взглянул на часы, решил больше не ложиться и, усевшись на кровати, закурил сигарету. Черкасову достался отдельный номер, за который он выложил круглую сумму. Преуспевающий бизнесмен, хозяин фирмы «Олимп» мог себе такое позволить. Он мог позволить себе и гораздо большее, например, круиз по Средиземному морю или поездку на Канарские острова, но предпочел пансионат «Лесной». Вовсе не из скупости. Просто Черкасов жаждал уединения, подсознательно надеясь, что в глуши, в отдалении от людей терзающие его кровожадные инстинкты

(см.: Священник Родион. Люди и демоны, с. 75). В результате лечения экстрасенсов некоторые люди становятся в прямом смысле слова одержимыми (пример см. там же, с. 79).

заглохнут. Однако Алексей Романович просчитался. По мере приближения полнолуния он ощущал нарастающее беспокойство. «Это» неумолимо надвигалось. Затушив окурок, Алексей Романович подошел к окну. Утро выдалось пасмурное, прохладное. В сероватом небе лениво ползли стаи облаков, во дворе пансионата шаловливый ветерок перебирал опавшую листву, из трубы отдельно стоящего домика-сауны струился легкий дымок.

Немного поразмыслив, Черкасов решил прогуляться перед завтраком. Он почистил зубы, sprыснул одеколоном, надел куртку и вышел на улицу. Там никого не было. Остальные обитатели пансионата или опохмелялись, или спали, или просто валялись в постели, бездумно глядя в потолок. Отдых, он и есть отдых. Только кормящийся от щедрот повара дворняга Мамай поджидал у черного хода ресторана своего спонсора. Завидев Черкасова, Мамай, псина от природы добродушная, завилял хвостом и подошел поприветствовать. Внезапно голову Алексея Романовича стиснул железный обруч, в глазах потемнело, стало трудно дышать. Окружающие предметы приобрели странные, фантастические очертания. Кирпичное здание пансионата превратилось в злоебщий черный замок без окон, посыпанная гравием дорожка – в скользкую шевелящуюся змею, а деревья – в виселицы, на которых раскачивались полуразложившиеся трупы. Черкасов закричал. Испуганный пес шарахнулся в сторону. Мельком глянув на него, Алексей Романович остолбенел. Мор-

да Мамая искажилась до неузнаваемости: из пасти вылезли длинные окровавленные клыки, глаза горели адским огнем, шерсть испускала зеленоватое сияние.

– Что случилось? – послышался встревоженный голос. – Вам плохо?

Черкасов встряхнул головой. Наваждение исчезло. Рядом стоял повар.

– Вам плохо? – участливо повторил он.

– Не-ет! Спасибо! – Черкасов повел по сторонам ошале-лым взглядом. Все вокруг выглядело так же, как обычно. Ни-какой чертовщины.

– У нас есть врач, – продолжал повар.

– Благодарю. Это лишнее! Я лучше пойду прилягу...

Тот же день. Пансионат «Лесной».

9 часов утра

– Пойдем позавтракаем? – не вставая с кровати, лениво обратился Осипов к товарищам. Те давно не спали, одна-ко подниматься не спешили. Крутой курил сигарету, мелан-холично наблюдая за поднимающимися к потолку кольцами дыма, а Леонтьев пытался читать газету. То и дело он мор-щился, будто съел столовую ложку горчицы, и сплевывал на пол.

– Чего ты кривишься? – вяло поинтересовался Степан.

– А-а! Сплошное вранье! Смотреть тошно! Навидался я в армии этих корреспондентов! Шакалы! Трутся рядом с за-

искавающим видом, выспрашивают подробности о войне, а потом публично обзывают нас убийцами, фашистами! Сво-
лочи!

– Не принимай близко к сердцу, – посоветовал Кручинин.
Леонтьев промолчал.

– Так идем жрать или нет?! – снова спросил Осипов.

Вчера, проучив обнаглевших джигитов, друзья отправи-
лись в сауну, героически удержались от искушения напиться
и потому чувствовали себя сейчас вполне приемлемо.

– Пожалуй, стоит подкрепиться, – задумчиво протянул
Крутой. – Поднимайся, Глеб...

Народу в ресторане было мало. Сияли белизной скатерти
на столах, жужжал вентилятор под потолком, пытались ка-
заться живыми бумажные цветы в вазах. Из кухни доноси-
лись вкусные запахи.

Степан потер руки в предвкушении.

– Кофе, сок со льдом и яичницу. Все в трех экземплярах, –
сказал он подошедшему официанту. Когда тот ушел, Осипов
извлек из пачки сигарету, прикурил, собрался что-то сказать
товарищам, но не успел. Кто-то сзади осторожно дотронулся
до его плеча. Обернувшись, Степан увидел вчерашнюю гор-
ничную. Женщина казалась сильно напуганной.

– Дагестанцы обещали вам отомстить, – дрожащим голо-
сом начала она. – Мамед кричал, что всех зарежет!

– Где они?

– Уехали! Наверное, за подмогой!

Крутой, Осипов и даже обычно мрачный Леонтьев громко расхохотались.

– Обыкновенный чурбанский понт, – успокоившись, сказал Николай. – «Всэх зарэжу! Ай-вай, джыгыты!» Не обращай внимания, детка. Больше этих «орлов» ты здесь не увидишь!

Женщина с сомнением покачала головой, однако возражать не стала.

Тот же день. Пансионат «Лесной».

15 часов 45 минут

– Ваня-я, д-р-р-руг! Дай я тебя поцелую!

– Осторожно, Гена, здесь ступеньки!

– Девочки-и! Не отставайте!.. И-ик...

Из новенького «Мерседеса» выбрались, пьяно покачиваясь, двое мужчин. Одному из них, худощавому, подтянутому, было на вид лет сорок, другому, низкорослому, кривоногому и пузатому, не меньше пятидесяти. Мужчин сопровождали смазливые девицы, по виду то ли секретарши, то ли проститутки, то ли просто так.

Кривоногий Ваня (он же подполковник Иван Николаевич Королев, начальник Н-ского РОВД), несмотря на более зрелые годы, выглядел довольно трезво, а вот его приятеля Гену (Геннадия Викторовича Ивлева, главу акционерного общества «Тюльпан») основательно развезло.

Генины губы слюняво обвисли, глаза сошлись возле пере-

носицы, ноги заплетались. Через каждые несколько секунд он утробно икал и давно бы плюхнулся носом в грязь, если бы не Ванина поддержка.

– Проходите, господа! Прошу! Два номера «люкс» к вашим услугам, – вертелся вокруг мелким бесом услужливый Николай Петрович. С подполковником Королевым ссориться не стоило, господином Ивлевым – тоже, а уж с ними обоими тем паче. Власть плюс деньги – мощный альянс!

– А ты к-кто такой?! – неожиданно остановившись и грозно насупив брови, спросил Ивлев. – В-вернее, к-кто вы оба?!

Дело в том, что у Геннадия Викторовича двоилось в глазах и хозяина гостиницы Зубова он принимал за двух различных людей.

Николай Петрович угодливо захихикал, девицы прыснули, а Королев брезгливо поморщился. «Совсем пить не умеет», – раздраженно подумал он. Друзья развлекались уже третий день, и Иван Николаевич с большой неохотой отправился в пансионат «Лесной», поскольку чувствовал – пора закругляться. Дружеская пирушка начинает переходить в запой, из которого потом ох как трудно вылезать! Два дня еще куда ни шло, хотя лучше ограничиться одним, а самое разумное вообще не пить. Ну ладно, пускай два. Потом денек поболеешь и оклемаешься... Но если три, четыре, пять или даже неделя, то тогда караул! Небо с овчинку покажется! Душа с телом расставаться будет! Поэтому подполковник Ко-

ролев всю дорогу проклинал себя за слабость, заставившую его поддаться на уговоры Ивлева...

– Пойдем, Гена, в номер, – довольно неприязненно сказал он. – Тебе необходимо отдохнуть!

– В ба-аню хочу! И-ик... С девочками! – закапризничал коммерсант.

«Девочки» – Наташа и Света, работавшие в бухгалтерии АО «Тюльпан», – скорчили недовольные гримаски. Им до смерти опротивела эта пьяная свинья, но отказать шефу они боялись. Вмиг лишишься работы, а другую найти сейчас весьма сложно.

– Идем, идем! Поспишь малость, а баню на вечер закажешь, – потащил приятеля внутрь здания Королев.

– Эх мор-роз, мор-р-роз! Не морозьмень-ня! – завопил во все горло бизнесмен.

Тот же день. Окрестности пансионата «Лесной».

18 часов 50 минут

– Как там насчет баб? – поинтересовался Дима Разумовский.

– Откуда мне знать? – пожал плечами Валерий Авдотьев.

– Проклятье! Нужно было с собой взять!

Новенькая «девятка» с сидящими в ней двумя студентами Российского государственного гуманитарного университета (в прошлом назывался историко-архивный институт) осторожно пробиралась по узкой дороге, ведущей к пансионату.

Авдотьев с Разумовским имели хорошо обеспеченных родителей и в отличие от многих других студентов, перебивающихся с хлеба на квас, могли позволить себе не экономить на отдыхе. Тем не менее Разумовский выражал недовольство, поскольку не захватили «баб». Восемнадцатилетний прыщавый Дима был, что называется, «озабочен». Он беспрестанно ныл и ругался, однако более старший, опытный и не испытывающий проблем в сексуальной жизни Авдотьев оставался равнодушен к его причитаниям.

– Кажется, приехали! – с облегчением сказал Валера, торозя во дворе пансионата.

– Какая глушь! – заскулил Разумовский. – Наверняка одни пенсионеры здесь обитают! Неужели ты не мог пригласить пару знакомых девочек или хотя бы одну?! Тебе-то хорошо, а мне...

– Перестань канючить, – беззлобно оборвал его Авдотьев. – Сперва обустроимся, а там поглядим. Может, удастся подыскать для тебя сговорчивую потаскушку...

* * *

Ночью поднялся сильный ветер, сыгравший злую шутку со всеми нашими героями. Он яростно завывал, метался по окрестностям пансионата, мечтая что-нибудь разрушить до основания или на худой конец просто сломать. Сперва ветер с ненавистью набросился на дом, но вскоре убедился в

бесплодности своих попыток. Добротно выстроенное здание решительно отвергло его поползновение. Тогда он принялся подыскивать другие цели. Наконец ветру повезло. Старое трухлявое дерево на берегу реки не выдержало мощного напора, затрещало и обрушилось прямо на хилый мостик, соединявший пансионат «Лесной» с остальным цивилизованным миром. Жалобно хрустнув, мостик сломался. Удовлетворенный ветер еще немного побесновался для приличия и затих...

– Слышь, Зина, как ветер разошелся? – толкнул в бок господин Зубов свою жену.

– Не мешай спать! – проворчала женщина, отворачиваясь к стене.

Глава 3

Воскресенье, 8 октября 1995 г.

Пансионат «Лесной».

Первый день полнолуния. 3 часа утра

– Здорово, дружок! – сказал кривобокий горбатый карлик, протягивая Черкасову когтистую лапу. – Я давно ждал этого момента.

Алексей Романович испуганно попятился. Они находились в просторной полутемной комнате без окон и без дверей. Из развешанных по стенам светильников струился голубоватый свет. Пол под ногами был вязким, как липучка, и невыразимо холодным. Смертный холод, просачиваясь через подошвы ботинок, проникал в тело Черкасова и медленно, но верно подбирался к сердцу. Алексея Романовича колотил озноб, руки дрожали. Он хотел заорать во весь голос, но крик застрял в горле.

– Ты, гляжу, мне не рад? – нахмурился карлик. – А напрасно! Начинается полнолуние, да не простое, а особое. Такое бывает раз в девятнадцать лет! Самое подходящее для нас время, а ты теперь наш человек!

– Не-е-ет! – внезапно обретя дар речи, завопил Алексей Романович. – Не хочу!

Карлик не на шутку рассердился. Из рта показались кривые желтые клыки. Глаза загорелись рубиновым огнем. С

кончиков пальцев закапала зеленая слизь.

– Не пытайся сопротивляться! – прорычал уродец. – Все равно никуда не денешься!

– Кто вы такие? – простонал Черкасов.

– Сам знаешь! – ухмыльнулся карлик и исчез.

На месте, где он стоял, появился, оплывая кровью, расчлененный человеческий труп.

Захлебываясь рыданиями, Алексей Романович бросился бежать, не разбирая дороги, с размаху врезался в стену и... проснулся. Он действительно стоял возле стены, но не в таинственной комнате, а у себя в номере, в пансионате «Лесной». Из разбитого носа сочилась кровь. Ушибленная голова гудела. За окном висела непроглядная тьма.

– Какого черта? – пробормотал Черкасов, усаживаясь на кровать, зажигая торшер и шаря рукой по журнальному столу в поисках сигарет. Внезапно он заметил, что полностью одет.

– Мама моя, – всхлипнул коммерсант. – Неужели я стал лунатиком?!

Он с трудом поднялся на ватные ноги, побродил взад-вперед по комнате, подошел к зеркалу проверить, нет ли шишки на лбу, и ужаснулся. Оттуда на него смотрело совершенно чужое лицо. Нет! Даже не лицо, а рожа! Кривая, дегенеративная, страшная.

– Приветик! – хихикнула рожа. – Хочешь, поцелую? – Из зеркала вылезли длинные слюнявые губы и потянулись к

Черкасову.

Тот отпрянул, поскользнулся, ударился затылком об угол шкафа и потерял сознание...

Тот же день. Пансионат «Лесной».

5 часов утра

– Чего не спишь? – вяло спросил Осипов Леонтьева.

Степану приспичило в туалет по-маленькому. Он кое-как поднялся, побрел к туалету и неожиданно наткнулся на Глеба, сидевшего на стуле возле окна. Судя по доверху заполненной окурками пепельнице, Леонтьев бодрствовал давно. Сквозь приоткрытую форточку в прокуренную комнату вливалась струя прохладного воздуха. Глеб не ответил, и Степан протопал куда собирался. Сделав свои дела, он вернулся обратно и присел рядом с товарищем. Спать почему-то расхотелось.

– Так почему не спишь? – повторил Осипов прежний вопрос.

– Полнолуние начинается, – неохотно объяснил Леонтьев, – мерзкое время. Я всегда в полнолуние бессонницей страдаю. А это особенное!

– С какой стати? – удивился Степан.

– Видишь ли, полнолуние испокон веков считается периодом разгула нечистой силы. Черти веселятся, ведьмы устраивают шабашы... Но такое, как теперь, бывает один раз в девятнадцать лет. Тогда нечисть особенно активизируется...

– Чушь собачья, – убежденно отрезал Осипов, – начитался всякой белиберды!

– Да-а? – скептически прищурился Глеб. – Ладно, Фома неверующий! Поговорим по-другому. Статистика (ей ты, надеюсь, доверяешь?!) неопровержимо свидетельствует: именно на полнолуния приходится наибольшее количество убийств, автомобильных катастроф со смертельным исходом. Сумасшедшие в дурдомах начинают бесноваться, и так далее, и тому подобное...

Осипов потер в раздумье лоб. Действительно, он читал нечто подобное.

– Ну и?... – неуверенно промямлил Степан.

– Ну и ничего хорошего, кстати, пару часов назад я слышал, как кто-то истошно вопил неподалеку от нашего номера. Есть люди, на которых полнолуния оказывают наиболее сильное воздействие. Они становятся крайне опасны...

– Сумасшедшие?

– Не только! Но поскольку ты у нас атеист, я не буду попусту молотить языком...

Леонтьев замолчал и прикурил очередную сигарету. Во дворе проснувшийся Мамай звонко гавкал, проявляя служебное рвение. Вскоре должен был появиться благодетель-повар. Поэтому пес старался изо всех сил, доказывая, что недаром получает свой харч.

– Заткнись, сволочь! – рявкнул сиплый голос из окна второго этажа. – Развели, понимаете ли, безобразие! Поспать

спокойно не дают!

Сообразительный Мамай послушно замолчал и принялся ожесточенно выкусывать из шерсти блох.

Тот же день. 10 часов утра

– Ох, не могу! Помираю! Сейчас схогну прямо здесь! – болезненно стонал Геннадий Викторович Ивлев, держась обеими руками за чугунную, трещавшую по швам голову. Президент АО «Тюльпан» сидел в одних трусах на кровати, раскачиваясь из стороны в сторону. Лицо коммерсанта распухло, глаза заплыли, из груди вместо дыхания вырывался надрывной хрип. В баню он вчера ходил, но до парилки не добрался, застряв в предбаннике, где его дожидался стол, обильно накрытый все тем же заботливым Николаем Петровичем. Дорвавшись до бутылки, господин Ивлев забыл обо всем на свете, даже о девочках, чему, кстати сказать, те были чрезвычайно рады. Впрочем, им в любом случае ничто не грозило. Господин Ивлев в течение последних трех дней наклонивался до такой степени, что даже стоять не мог без посторонней помощи.

Какие уж тут женщины!

В настоящий момент одна из них, а именно Света, лежала рядом, брезгливо поглядывая на всклокоченного шефа.

– Умираю! Помогите! – продолжал слезливо причитать бизнесмен. – Светочка, лапочка, принеси из ресторана пивка!

Слово «лапочка» звучало настолько необычно в устах обычно надменного и спесивого бизнесмена, что девушка невольно вздрогнула. Поспешно одевшись, она вышла в коридор и двинулась по направлению к ресторану.

Неожиданно дорогу ей загородил тощий прыщавый тип с блудливыми глазами...

– Какая красивая женщина, – загундосил он. – Пойдемте к нам в номер, выпьем шампанского...

Дима Разумовский, а это, как вы уже, наверное, догадались, был именно он, всю ночь страдал бессонницей. Диму терзала неутоленная похоть. Перед глазами неотступно стояли видения обнаженных женщин. Красотки кокетливо жмурились, виляли задками и принимали столь соблазнительные позы, что Разумовский подвывал от вожделения. Он беспрестанно ворочался с боку на бок, мычал и сучил ногами. Намокшая от пота подушка липла к щеке. Окончательно измучившись, Дима встал, открыл чемодан и достал одну из запасенных в дорогу бутылок. Однако спиртное не успокоило, а еще больше распалило Разумовского. Трусоватый по натуре, он внезапно ощутил себя крутым, могучим супермужчиной. «Дождусь утра и подцеплю любую, первую попавшуюся! Никуда она не денется! Бабы любят силу! С ними нечего церемониться! Брать за шкурку да тащить в постель! Чем я хуже других?» – размышлял студент, периодически подкрепляясь солидными, по его меркам, дозами вина.

С этим твердым намерением Дима и пристал к Свете.

– Иди! Не ломайся! – грозно насупив брови и дыша перегаром, продолжал он. – Не буди во мне зверя!

Девушка не на шутку перепугалась. Она была от рождения робкой, пугливой. Как известно, у страха глаза велики, поэтому в настоящий момент прыщавый недоносок представлялся Свете опасным бандитом, с которым лучше не ссориться. Вместе с тем мысль о том, что придется лечь в постель с подобным типом, приводила в содрогание.

– Последний раз предупреждаю! – видя испуг жертвы, окончательно осмелел Разумовский.

Неожиданно он поднялся в воздух, нелепо размахивая руками, отлетел в сторону и врезался в стенку. Света сперва изумленно вытаращила глаза, но потом сообразила, в чем дело. Над телом поверженного Димы стоял Глеб Леонтьев и презрительно его разглядывал.

– Запомни, сопляк, – сквозь зубы процедил он. – Если женщина тебя не хочет, то нечего клеиться! Усек, заморыш?!

Чудесным образом отрезвевший Дима пробормотал нечто утвердительное. Не дожидаясь благодарности от девушки, Глеб двинулся дальше, как вдруг его остановил грозный окрик:

– Ты чего себе позволяешь?! Давно по фейсу не получал? Заступником Разумовского оказался Валерий Авдотьев. Не то чтобы он испытывал к сокурснику особо теплые чувства, но начинающееся полнолуние подействовало и на Валеру. Правда, в отличие от господина Черкасова он не мучил-

ся ночными кошмарами, не горел жадной убийства. Однако сделался нервным и раздражительным. Родители Авдотьева, следуя модному увлечению, отдали его в школу карате, и он дослужился аж до коричневого пояса. Правда, школа была бесконтактной, или, как говорят профессионалы рукопашного боя, – «балетной». «Бесконтактные» каратисты умеют принимать красивые стойки, лихо махать ногами по воздуху и устрашающе кричать «кия»¹². Тем не менее в настоящем бою они немногого стоят, поскольку не умеют держать удар и легко пасуют даже перед обычным уличным драчуном.

– Извинись немедленно, – прорычал Авдотьев, вставая в «кибадачи».

Леонтьев презрительно усмехнулся. Он тоже занимался карате, но не бесконтактным, а боевым, с жестокими спаррингами в полный контакт на каждой тренировке.

Опустив руки, он подошел к Валере, который, продолжая сидеть в «кибадачи», так что зад едва не касался пола, начал шипеть, подвывать и делать пассы руками, изображая боевую готовность.

– Попей холодной водички, детка, – ласково посоветовал Глеб. – Тебе вредно волноваться. Можешь описаться ненароком!

– Ки-я! – завопил Авдотьев, попытавшись нанести удар

¹² Боевой клич каратистов. Делается на выдохе и предназначен для лучшей концентрации удара. Однако в бесконтактном карате от него мало толку. Лично мне непонятно, для чего оно вообще существует.

ногой¹³, и тут же, получив локтем сверху в переносицу, рухнул на пол, обливаясь кровью.

– Перестань изображать из себя Брюса Ли, – нравоучительно произнес Леонтьев. – И будь немного вежливее с незнакомыми людьми.

Из ближайших номеров высунулись головы любопытных отдыхающих.

* * *

Таким образом, первый день полнолуния начался со скандала, пока еще пустякового. Худшее ожидало впереди.

Тот же день. Пансионат «Лесной».

14 часов 15 минут

В зале ресторана висел, смешиваясь с табачным дымом, приглушенный гул голосов. Люди обедали, наслаждаясь отлично приготовленными блюдами. Впрочем, кто как. Господин Ивлев, к примеру, главным образом дегустировал спиртные напитки, причем, чтобы лучше распробовать, потреблял их сразу целыми стаканами. Периодически он приставал к насупленному подполковнику Королеву, предлагая составить ему компанию, но тот неизменно отказывался. Подпол-

¹³ Низкая стойка в карате предназначена главным образом для тренировочных целей и в настоящем бою малоэффективна. Надо сказать, что из низкой стойки наносить удары ногами довольно неудобно.

ковник первым узнал неприятную новость насчет сломанного моста. С утра пораньше он, вспомнив о служебных обязанностях, решил потихоньку смотаться на работу, справедливо полагая, что президент АО «Тюльпан» с пьяных глаз даже не заметит его отсутствия. Добравшись до сломанного моста, единственного связующего звена между пансионатом «Лесной» и остальным миром, Иван Николаевич разразился такой отборной руганью, что Коля, личный шофер Ивлева, зажмурился от удовольствия и обратился во внимание, стараясь запомнить изощренные выражения, которыми намеревался блеснуть потом в компании друзей. В довершение всего злобная стихия ухитрилась повредить телефонный кабель. Поэтому подполковник Королев и позвонить не мог в райотдел.

«Всему виной этот мудака! Дернул меня черт приехать с ним сюда!» – раздраженно думал он, без всякого аппетитаковыряя вилкой в тарелке.

– Ва-ня-а, др-руг! Давай по маленькой, – не отставал Геннадий Викторович. Подполковник брезгливо морщился.

Наташа со Светой неприязненно поглядывали друг на друга, так как час назад разругались из-за... Впрочем, не важно. Женщины при желании всегда найдут повод.

Николай Петрович Зубов мрачно слонялся по залу, подсчитывая возможные убытки из-за отсутствия новых постояльцев.

Студенты в ресторан не пришли, они остались у себя в

номере зализывать моральные и физические раны.

Кручинин, Осипов и Леонтьев с аппетитом поедали вкусный обед. Правда, Степан время от времени с подозрением поглядывал на странного человека, сидевшего за соседним столиком.

На Алексея Романовича Черкасова действительно стоило посмотреть. Он весь осунулся, посерел. В уголках рта образовались глубокие морщины. В помутневших глазах вспыхивали безумные огоньки. Черкасову мерещилось, будто окружающие его люди и предметы колеблются, принимают странные очертания, да и вели они себя довольно подозрительно. К примеру, Николай Петрович неожиданно поднялся в воздух и начал, кривляясь, приплясывать под потолком. У сидящей неподалеку пожилой дамы отрос хвост с пушистой кисточкой, которым она обмахивалась, словно веером. Официант бляял, дробно стуча копытцами по полу. Кое-кто из отдыхающих смачно похрюкивал, пожирая обед.

Алексей Романович потряс головой. Наваждение исчезло. Черкасов облегченно вздохнул, но когда заглянул в свою тарелку, волосы у него на голове стали дыбом. Там вместо аппетитного, поджаристого бифштекса лежал кусок разложившейся плоти, покрытый белесыми червями, густо облепленный зелеными трупными мухами.

Глава фирмы «Олимп» дико закричал. Все удивленно обернулись в его сторону. В зале воцарилась гробовая тишина.

– Вам плохо? – участливо спросил подоспевший Николай Петрович. Черкасов поднял затуманенные глаза.

– Плохо ли мне? – с ненавистью процедил он. – Конечно, плохо! Почему вы кормите людей такой гадостью?!

Хозяин пансионата на миг онемел от изумления, но сразу взял себя в руки. Клиент солидный, платит хорошо, значит, имеет право покапризничать.

– Сейчас заменим, один момент! – сияя дежурной улыбкой, затараторил он.

– Да уж пожалуйста!

Бифштекс унесли. Зубов лично отправился на кухню и дал повару указание: в рекордно короткий срок приготовить что-нибудь из ряда вон выходящее, могущее удовлетворить самого избалованного гурмана. Повар послушно засеменил к плите.

– Оборзел барыга хренов, – не понижая голоса, сказал Осипов товарищам, характеризуя поведение Черкасова. Постепенно все отдыхающие, кроме Черкасова, забыв об инциденте, вернулись к прерванной трапезе. Кое-кто разбавлял ее солидными дозами горячительного. Некоторые рассказывали друг другу анекдоты.

– Слушай, Гриша, хохму: генерал просыпается после жуткого перепоя, смотрит – адъютант его китель стирает. «Боже мой, – думает генерал, – наверное, облевался! Надо что-то придумать, дабы не уронить престиж». Подзывает адъютанта. «Знаешь, какая беда со мной случилась? Иду вчера

по части, вдруг откуда ни возьмись подбегает пьяный лейтенант и всего меня облевал. Ну, я ему десять суток ареста объявил!» – «Мало, товарищ генерал! Этот гад вам еще и в штаны нагадил!..»

– Ха-ха-ха, ну уморил! Молодец! Теперь я. В кабинет врача входит трясущийся пациент и сразу же агрессивно заявляет: «Только не говорите, что я много пью!» – «Ну что вы, – спокойно отвечает врач, – просто вы мало закусываете!»

– Гы-гы-гы! Класс! Кстати, давай по маленькой?!

– Единогласно!

Алексей Романович Черкасов постепенно успокоился, и ему стало стыдно за свое недавнее поведение: «Нужно было сказать как-то повежливее, мол, извините, господин Зубов, но мне сегодня почему-то не хочется мяса. Принесите лучше рыбу или просто овощи. Разве он виноват, что повар занимается вредительством! Странно, почему другие посетители ресторана не замечают, какую гадость едят? Привыкли, наверное! Вон у той женщины, к примеру, на тарелке голова дохлой кошки, а она ее преспокойно кушает! Воображает небось, дура, что это мороженое!» Черкасов почувствовал острый приступ тошноты, торопливо вышел в туалет и вывернул в унитаз содержимое желудка. Немного полегчало. Он попил холодной воды из-под крана, сполоснул лицо, причесался и, прислонясь спиной к кафельной стене, закурил сигарету...

Между тем повар тужился изобрести «что-нибудь из ряда

вон выходящее». На ум приходили цитаты из книги Гиляровского «Москва и москвичи», где со вкусом описывались блюда, подаваемые в трактирах и ресторанах дореволюционной России. «Огромная кулебяка с начинкой в двенадцать ярусов, где было все, начиная от слоя налимьей печени и кончая слоем костяных мозгов в черном масле»... «солянка из почек с расстегаями, а потом жареный поросенок» и т. д.

К сожалению, в настоящий момент у повара не было ни времени, ни средств для приготовления подобных кушаний. Он в раздумье почесал затылок, махнул рукой и принялся готовить то, что был в состоянии: очистил от костей судака и нарезал кусками, уложил их на овальное железное блюдо, добавив сметанного соуса. Сверху положил жареный лук, грибы, дольки вареных яиц, а вокруг поместил ломтики жареного картофеля (благо и первое, и второе, и третье, и четвертое имелось на кухне уже в готовом виде). Затем полил сверху оставшимся сметанным соусом, посыпал тертым сыром и сухарями, сбрызнул маслом и поставил в духовку...

«Надеюсь, теперь он останется доволен», – утирая пот со лба, подумал повар.

Выкурив подряд три сигареты, Черкасов вернулся в зал и с удивлением заметил: теперь люди едят вполне нормальную пищу. Никакой тухлятины!..

«Мама родная! – подумал Алексей Романович. – Похоже, у меня была галлюцинация. Очень странно! У нас в роду, насколько помню, ни одного сумасшедшего! Неужели я рех-

нулся?» Он покрылся с ног до головы холодным потом, руки затряслись, в горле пересохло. Черкасов схватил со стола бутылку минеральной воды и выпил залпом прямо из горлышка.

Пьяный в лоскуты Ивлев удивленно уставился на него.

– Ни х-х-хрена с-себе, – пробормотал Геннадий Викторович, утробно икая. – В-воду пьет! Д-дурак!

Прошло некоторое время. Рыба в духовке поспела. Повар удовлетворенно оглядел дело рук своих, полил топленым маслом, присыпал зеленью и передал официанту. Тот заторопился в зал, памятуя строгий наказ Николая Петровича: обслужить в лучшем виде.

– Думаю, вам понравится, – вкрадчиво промурлыкал он, ставя блюдо на стол перед Черкасовым.

Глава фирмы «Олимп» глянул, истошно завопил и выбежал из ресторана. Вместо рыбы, запеченной по-московски, Алексей Романович увидел полусгнившую человеческую руку...

– Больной какой-то, – пожалла плечиками Наташа.

– В-ваня! Давай по этому поводу тятнем! – незамедлительно предложил Ивлев Королеву...

Тот же день. Пансионат «Лесной».

17 часов 45 минут

– Проклятый ветер! Он меня обанкротит! – ругался Николай Петрович Зубов, расхаживая из угла в угол, как тигр в

клетке. Он с супругой жил здесь же, в трехкомнатном, оборудованном всеми удобствами номере. – А строители тоже хороши! Не могли нормальный мост построить! Сволочи!

Зинаида Дмитриевна Зубова, полная тридцатилетняя женщина, томно возлежала на диване, наблюдая за мужем с ленивым интересом.

– И в придачу псих этот свалился мне на голову, – продолжал бушевать Николай Петрович.

Неожиданно послышался стук в дверь. Чертыхнувшись, Зубов отворил и замер в удивлении. На пороге стоял Черкасов.

Выглядел Алексей Романович ужасно: всклокоченные волосы, бледное до голубизны лицо, дикий взгляд.

– Что вам угодно? – опомнился хозяин пансионата, с трудом натягивая на физиономию приветливое выражение.

– Я уезжаю, – прохрипел Черкасов. – Не могу больше!

– Вы хотите получить деньги за неизрасходованные дни? – догадался Зубов (оплата здесь всегда производилась вперед. Народ-то разный попадается. Вернее, жулье сплошное! Поживет, а потом смоеется, не заплатив). – К сожалению, это невозможно...

– Да оставьте их себе, – устало отмахнулся Черкасов. – Просто я...

– Невозможно по другой причине, уважаемый э-э-э... Уважаемый господин! Ночью был сильный ветер, он сломал дерево, которое, в свою очередь, разрушило мост через реку,

а другой дороги нет! Мне очень жаль!

Черкасов ошалело поглядел на Зубова, тяжело вздохнул и, резко развернувшись, зашагал прочь.

– Псих ненормальный, – убежденно сказала Зинаида Дмитриевна. – Зачем ты вообще сюда таких пускаешь! Пусть для начала справку от врача предъявляют!

– Деньги не пахнут, – философски изрек Николай Петрович. – Не лезь в дела, в которых ничего не понимаешь!

Глава 4

Понедельник, 9 октября 1995 г.

Пансионат «Лесной».

Второй день полнолуния. 3 часа ночи

Этой ночью Черкасов не рискнул ложиться спать, опасаясь вновь увидеть горбатого карлика, внушавшего ему животный ужас. Однако уловка не сработала. Сперва вроде все было нормально, но после полуночи начали происходить странные вещи.

У журнального столика выросли мохнатые крылья, и он закружился под потолком, мерзко хихикая. Кровать стала приплясывать на месте, высоко вскидывая деревянные ножки. Перепуганный Алексей Романович хотел убежать из номера, но дверь бесследно исчезла. Его окружали сплошные ровные стены. Тогда глава фирмы «Олимп» уселся на пол и горько заплакал. Кто-то за спиной издевательски захохотал. Черкасов резко обернулся. Из зеркала на него смотрела глумливая, неопишимо отвратительная физиономия.

– Салют, придурок, – сказала рожа. – Спорим, не догонишь?

Алексей Романович попытался ухватить чудовище за длинный нос, но оно ловко увернулось.

– Не догонишь! Не догонишь! – издевался скрипучий голос.

Страх придал Черкасову мужества, и он ринулся прямо в зеркало. Появилось ощущение полета, затем сильная боль во всем теле от удара о землю. Немного опомнившись, он огляделся и понял, что сидит у подножия черного замка, на кроваво-красной траве. В отдалении кривлялась рожа.

– Чего же ты расселся, – верещала она. – Иди ко мне! Иди!

Черкасов пошарил руками по земле, нашел тяжелый железный лом и двинулся по направлению к монстру. Тот попятился скуля, но почему-то не убежал. Приблизившись на достаточное расстояние, Алексей Романович широко размахнулся и нанес удар...

* * *

Начиная со вчерашнего вечера Мамаю преследовало хроническое невезение: сперва повар, обозленный капризами Черкасова, отвел на Мамаю душу, обругав пса последними словами, затем хозяин пансионата пнул его ногой, пробормотав сквозь зубы: «Осточертела мне эта проклятая дворняга!» – потом Дима Разумовский запустил из окна пустой бутылкой. Поэтому Мамай, пес от природы впечатлительный, страдал бессонницей, бродя по двору взад-вперед и жалобно поскуливая. Высоко в небе зловеще сияла белесая луна. Деревья в лесу сгрудились угрюмой, недоброй толпой, словно собираясь кого-то линчевать. Слабенький ветерок воровато шелестел опавшей листвой. Мамаю хотелось горестно

завыть, но он сдерживался, понимая, что таким образом накличет на свою голову новые неприятности. Внезапно пес замер, насторожился. На втором этаже распахнулось окно, и оттуда вывалилась темная фигура. Некоторое время человек сидел на земле, напряженно уставившись куда-то вдаль, потом направился к нему, к Мамаю. Пес на всякий случай завилял хвостом, заскулил, как бы говоря: я не кусачий, хороший, ласковый.

Последнее, что увидел Мамай, – блеснувший в лунных лучах железный лом. Затем голова взорвалась от боли, и он полетел в бездонную черную пропасть.

* * *

– Вот тебе, сволочь! Получи! Мало?! На еще! Будешь знать, как из зеркала дразниться! – приговаривал Черкасов, обрушивая на чудовище удар за ударом. Лишь когда оно превратилось в кровавое месиво, Алексей Романович успокоился, вернулся в номер и прилег на кровать. Спустя несколько минут глава фирмы «Олимп» крепко спал...

Тот же день. Пансионат «Лесной».

8 часов утра

– Господи! Какой ужас!.. Кому это понадобилось?! Бедная собака! Мерзавцы! – доносились со двора возмущенные голоса. Лениво потягиваясь, Осипов выглянул в окно.

Несколько человек из числа постояльцев столпились вокруг останков несчастного Мамаю. Немного в отдалении стоял повар. На глазах его блестели слезы.

– Что случилось? – спросил Леонтьев, не поднимаясь с кровати.

– Собаку кто-то убил, вернее, растерзал! Смотреть противно!

– Падлы! – резюмировал Кручинин, затягиваясь сигаретой. – Сейчас не народ пошел, а сплошное зверье!

Глеб молчал, о чем-то напряженно размышляя.

– Так я и думал! – выдал наконец он. – Начинается!

– Что именно? – поинтересовался Осипов.

– Начинает сказываться воздействие полнолуния! Кто-то из живущих здесь людей находится под сильным влиянием дьявола. Собака – только начало. Дальше будет хуже...

Осипов в ответ скептически усмехнулся, а Кручинин выразительно покрутил пальцем возле виска.

* * *

В это самое время Алексей Романович Черкасов тоже наблюдал из окна за происходящими во дворе событиями.

На губах коммерсанта застыла злорадная усмешка. Ишь как всполошились, гады! Нельзя ведь безнаказанно издеваться над человеком, не давать ему спать, кормить тухлятиной! Может, поуменьют?! Хотелось бы надеяться! Вон тот

хвостатый с копытами в белом колпаке явно расстроен! Плачет! Хи-хи-хи! Посмотрим, что подадут на завтрак, и если это опять окажется кусок мертвечины, то придется преподать им новый урок...

Тот же день. Пансионат «Лесной».

10 часов утра

После завтрака Степан решил прогуляться. Погода сегодня выдалась хорошая, ясная. Прохладный воздух приятно освежал легкие. Выйдя со двора пансионата, Осипов углубился в лес. Под ногами пружинил толстый слой опавшей разноцветной листвы. Было тихо, спокойно. Степан неторопливо шагал куда глаза глядят. Только теперь он понял, чего ему не хватало в Москве: уединения, тишины и свежего воздуха. Вспомнилась нервная, выматывающая работа, сквалыжная харя директора фирмы, разгильдяи-подчиненные. «Жидовская морда» только и думает, как деньги зажать, а обормоты-охранники регулярно дают ему для этого прекрасные поводы: то напьются на работе, то проворуются... Осипов горестно вздохнул... Или уйти в банду к Крутому? Тот давно зовет. Нервотрепки там, конечно, не меньше, если не больше, зато отношения с коммерсантами в корне другие. На охранника барыга смотрит как на своего слугу, а перед бандитами на цырлах скачет. Бойтся, падла!..

Осипов присел на толстое поваленное дерево, закурил сигарету. Тонкие сизые струйки дыма причудливо перелива-

лись в прозрачном воздухе. Погруженный в свои мысли, Степан не слышал крадущихся шагов за спиной...

* * *

За завтраком Черкасов понял – чудовища не образумились, продолжают строить козни! На принесенной ему тарелке лежал здоровенный кусок кала, а официант наглым образом уверял, будто это яичница с ветчиной. Вместо кофе подали кошачью мочу. Но Алексей Романович сдержался, не выразил возмущения. Пусть чудовища думают, что он смирился с их подлостями! Пусть! Тогда легче будет нанести удар, а начнешь скандалить – злодеи насторожатся, приготовятся к отпору. Поэтому Черкасов сделал вид, будто ничего особенного не случилось, даже вымученно улыбнулся официанту, а когда тот отошел, потихоньку выбросил содержимое тарелки под стол. Потом он обратил внимание на одного из монстров, сидевшего неподалеку. Тот выглядел на редкость мерзопакостно: плоская, как блин, рожа покрыта густой шерстью, с красными глазами, маленькими кривыми рожками и свиным пяточком вместо носа. Смачно чавкая, страшилище поедало яичницу: вкусно пахнущую, с аппетитными ломтиками поджаренной ветчины! Алексея Романовича захлестнула волна возмущения. Этот урод жрет натуральный продукт, а ему, главе фирмы «Олимп», приносят кусок говна?! Ну уж нет! Так дело не пойдет! Страшилище обли-

зало гнусную физиономию длинным тонким языком.

Черкасов затрясся от ненависти.

– Подлец! Скотина! Ты мне за все заплатишь, – хрипло шептал он.

После завтрака монстр наскоро переговорил с двумя своими приятелями (не менее пакостными на вид) и неторопливо двинулся к выходу. Алексей Романович осторожно проследовал за ним. «Свиное рыло» зашел на минуту в номер, надел кожаную куртку, усеянную ядовитыми желтыми шипами, и направился в лес. Черкасов крался по пятам, выжидая удобного момента. В руках он крепко сжимал подобранную по дороге увесистую палку. Наконец урод уселся на поваленное дерево, закурил сигарету. Алексей Романович широко размахнулся и нанес первый удар, второй, третий... Внезапно он замер... Неподалеку слышались голоса... Вычислили, сволочи! Спешат на помощь! Одному со всеми не справиться! Придется потерпеть... Злобно оскалившись, глава фирмы «Олимп» шмыгнул в кусты...

* * *

Голова разламывалась от боли. Виски стянуло свинцовым обручем. В затылке пульсировала кровь. Вдобавок его всего трясло. С трудом открыв глаза и кое-как сфокусировав взгляд, Степан понял причину тряски – рука Кручинина.

– Ну наконец-то! – облегченно улыбнулся Николай. – Как

себя чувствуешь?

Осипов промычал нечто неразборчивое.

– Понятно, – нахмурился стоявший рядом Леонтьев. – Здорово его уделали! Говорить не может!

Они с Крутым отправились искать Осипова, так как Степан по рассеянности утащил с собой ключ от номера. Всю дорогу Кручинин яростно материл «раздолбая Степку», но, увидев, в каком тот состоянии, подавился руганью. Степан лежал на спине, обратив к небу залитое кровью лицо. Рядом валялась усеянная алыми брызгами суковатая дубина.

– Проклятые чурки! – зарычал Крутой, нимало не сомневаясь, что нападение на Степана – дело рук дагестанцев, обещавших отомстить. Оставив Осипова на попечение Глеба, он, держа наготове пистолет, обследовал ближайшие окрестности, но безрезультатно... В радиусе трехсот метров не было ни машин, ни людей. Вернувшись, Кручинин начал помогать Леонтьеву приводить в чувство Осипова. Наконец их труды увенчались успехом. Слабо застонав, Степан открыл глаза...

– Не может говорить! – повторил Глеб. – Вероятно, сильное сотрясение мозга. Нужно доставить его в больницу, а потом вернуться. И рассчитаться со сволочью, которая это сделала. – Они подняли товарища на руки и, пыхтя от напряжения, потащили к пансионату...

Тот же день. Пансионат «Лесной».

12 часов 35 минут

– Твою мать! – в очередной раз выругался Леонтьев, нервно комкая в кулаке сигарету. – Ума не приложу, как чурбаны сюда добрались, если мост сломан?!

Крутой неопределенно пожал плечами – черт их разберет! Может, через лес?

– Администраторша говорила, что там невозможно проехать, – возразил Глеб. – К тому же до ближайшей деревни не менее десяти километров. Здесь не Чечня! Вряд ли наши «орлы» в партизаны подались!

– Но больше некому!

– Откуда ты знаешь?! – прищурился Леонтьев. – Сейчас полнолуние, да не простое, а особое!

– Перестань пороть чушь! – рассердился Кручинин. – Задолбал своими суевериями!

– Полнолуние – не суеверие, а реальный факт, – начал было Леонтьев, но в этот момент послышался слабый голос Осипова:

– Ребята, что со мной случилось? Почему так башка трещит?

Тот же день. Пансионат «Лесной».

14 часов 00 минут

– Не получилось! Не получилось! Не получилось! – тоскливо бормотал Черкасов.

Он сидел на стуле возле окна, стиснув голову руками. В

висках горячими молоточками стучала кровь. К горлу подкатывали приступы удушья. Глаза застилала мутная пелена. Обедать Алексей Романович не пошел.

– Зачем?! Все равно ничего, кроме тухлятины, мне не дадут! Чудовища специально сломали мост, чтобы не дать мне уехать, постепенно уморить голодом! Сговорились, паразиты!

Черкасов болезненно застонал. Они следят за каждым его шагом, ходят по пятам. Выхода нет! Хотя стоп, почему нет? Есть! Нужно объявить монстрам беспощадную войну. Только теперь он будет умнее и хитрее!

Вытряхнув на пол содержимое чемодана, Алексей Романович принялся сосредоточенно рыться в вещах. Вскоре он нашел то, что искал, – вязаную лыжную шапочку, захваченную из дома на случай холодов. Черкасов удовлетворенно улыбнулся. Оставался суший пустяк – сделать прорези для глаз да подыскать подходящее оружие...

Тот же день. Пансионат «Лесной».

20 часов 45 минут

– Ты, Светка, мя ссем не уважаешь! И-ик!.. Я тя в люди – и-ик – вывел! Работу дал. Хр-тьфу! С-сука! – Вусмерть пьяный Ивлев сидел на кровати со спущенными штанами и набычившись глядел на Свету. Девушка кусала губы, с трудом сдерживая слезы. Час назад Геннадий Викторович решил заняться с ней сексом. Глава АО «Тюльпан» даже в трезвом

виде не отличался могучей потенцией, а в пьяном так вообще никуда не годился. Однако возжаждавший любви коммерсант не желал принимать во внимание подобные мелочи. Пусть постарается, лахудра, возбudit босса!

Вообще-то господин Ивлев не был законченным мерзавцем и в нормальном состоянии обладал некоторыми хорошими качествами, однако запой в сочетании с полнолунием сделали свое дело. Несчастливая Света, задыхаясь от отвращения, старалась всюю, но безрезультатно. С таким же успехом она могла ласкать соломенное чучело...

– Дай выпить! – рявкнул Геннадий Викторович, давась отрыжкой.

Девушка поспешно протянула шефу полупустую бутылку «Наполеона».

– Шалава хренова, – отблагодарил ее господин Ивлев и жадно присосался к горлышку. Сделав несколько глотков, он поперхнулся, закашлялся и вывернул на пол содержимое желудка.

– Уб-бирай жив-в-во! – распорядился коммерсант, откинулся на подушку и через пару секунд громко захрапел.

Захлебываясь рыданиями, Света выскочила в коридор.

«Зачем я связалась с этим скотом?! – в отчаянии думала она. – Никакие деньги не окупят подобных унижений!»

Чтобы хоть немного успокоиться, отдохнуть от мерзкой, опухшей физиономии Геннадия Викторовича, девушка решила прогуляться. Осторожно вернувшись в номер, она на-

кинула плащ и тихонько прикрыла за собой дверь...

* * *

«Ну наконец-то! Чудовище вылезло из берлоги. Хи-хи-хи! Иди же! Иди сюда!»

Притаившийся в кустах Черкасов внимательно наблюдал за выходом из пансионата. Лицо его закрывала вязаная лыжная шапочка с прорезями для глаз. Рука крепко сжимала украденный на кухне нож. Алексей Романович сидел в засаде давно, порядком замерз и устал, но сейчас в предвкушении расправы с одним из зловредных монстров глава фирмы «Олимп» заметно оживился. Исчез озноб, в тело вернулись силы. Черкасов даже вспотел от возбуждения. До чего отвратительное чудовище: покрытое зеленой слизью, на тонких кривых мохнатых ножках, с огромной головой и выпученными глазами цвета протухшего мяса! Самка, кстати! Небось мамаша горбатого карлика, являвшегося недавно во сне! Похожи! С-с-сво-о-лочи!..

Чудовище не оборачиваясь шагало в глубь леса. Временами оно отвратительно повизгивало, вздрагивая дряблыми плечами. «Собирается откладывать яйца! – осенило Алексея Романовича. – Десяток за раз! Через два дня из них вылупятся новые уроды, еще страшнее теперешних! Этого нельзя допустить!» Перехватив поудобнее нож, Черкасов приготовился к нападению...

* * *

Света шла в глубь леса не разбирая дороги. Девушку знобило. Из глаз непрерывно текли слезы.

«Господи! Какая я дура! – всхлипывая, шептала она. – Лучше посудомойкой работать, уборщицей, бутылки пустые собирать, чем терпеть выкрутасы этой грязной свиньи!»

Высоко в темном небе сиял серебряный диск луны. Корявые ветви голых деревьев угрожающе нависали над головой. Девушка остановилась на маленькой, окруженной густыми зарослями кустарника полянке и принялась шарить рукой в сумочке, разыскивая носовой платок. Неожиданно сзади слышался подозрительный шорох. Света хотела обернуться, но не успела. Пятерня в кожаной перчатке зажала рот, а тело под левой лопаткой пронзила острая боль. Смерть наступила мгновенно...

* * *

– ...Еще! ...Еще! Получай, гадина! Не нравится?! Да?! – истерично вопил Алексей Романович, кромсая ножом мертвое чудовище. Во все стороны брызгала кровь грязно-желтого цвета, чавкала разрезаемая плоть. Наконец глава фирмы «Олимп» успокоился и жадно облизнул пересохшие гу-

бы. Все! Одним монстром меньше! Теперь надо разыскать какую-нибудь лужу, умыться, привести в порядок одежду. Остальные злодеи не должны его ни в чем заподозрить!

Глава 5

Вторник, 10 октября 1995 г.

ПАНСИОНАТ «ЛЕСНОЙ».

Третий день полнолуния.

6 часов утра

– Иван! Ну проснись же! Проснись, пожалуйста! – испуганная, растрепанная Наташа трясла подполковника Королева за плечи.

Иван Николаевич заворочался, выругался спросонья и неохотно открыл глаза.

– Чего тебе? – хмуро спросил он.

– Света пропала.

– Чепуха! – Начальник Н-ского РОВД попытался повернуться лицом к стене, но Наташа вцепилась в него словно клещ.

– Светы нет в пансионате со вчерашнего вечера! – плача, закричала девушка. – Я пять минут назад заходила к ней в номер, но там только пьяный Ивлев...

Окончательно проснувшийся Королев уселся на кровати, растирая ладонями помятое лицо.

– Отсюда невозможно уехать! – растерянно сказал он. – Мост сломан, а другой дороги нет.

– И тем не менее Света пропала! Мне кажется, с ней случилось несчастье! – Наташа громко зарыдала.

– Перестань ныть! – раздраженно крикнул подполковник. – Сейчас разберемся. Нечего панику устраивать!

Вместе с тем под сердцем у него появился неприятный холодок, как всегда бывало в предчувствии беды, а предчувствия почти никогда не обманывали Ивана Николаевича.

Немного помедлив, он натянул тренировочный костюм и вышел в коридор...

Геннадий Викторович Ивлев глухо стонал, распластавшись на постели. Зверское похмелье выворачивало душу наизнанку, ватное тело почти не слушалось, голова трещала. В комнате воняло блевотиной, окурками и винным перегаром.

– Светка, сука! Где тебя черти носят! – хрипел глава АО «Тюльпан». – Нет бы принести мне шампанского! Вот сдохну, и это будет на твоей совести!

Дверь со скрипом отворилась. В номер вошел мрачный как туча Королев.

– Ваня, друг! – вяло обрадовался Геннадий Викторович. – Опохмелиться хочу, сил нет! Ты случайно не знаешь, куда Светка запропастилась?!

– Я тебя хотел об этом спросить!

– Что? – Удивленный Ивлев даже забыл на время о своем скверном самочувствии. – Что ты имеешь в виду?

– По словам Наташи, Светы нет в пансионате со вчерашнего вечера! Мост через реку сломан. Уехать она не могла...

– Хахаля небось завела, – скривился глава АО «Тюльпан». – Здесь полно молодых кобелей! Объявится, шалава!

Никуда не денется!

– Перестань валять дурака! – тихо, угрожающе прошипел подполковник. – В пансионате девушки нет! Я проверил!

– То есть как нет? – потерянно пробормотал Геннадий Викторович. – Почему?

– Вы не ссорились вчера?

– Не помню! – искренне ответил Ивлев. – Правда, не помню!..

* * *

К десяти часам утра, опросив часть отдыхающих и обслуживающий персонал, подполковник Королев выяснил следующее: вчера около девяти вечера девушку видели выходящей из пансионата. С ней никого не было. Света направилась в сторону леса. Алиби господина Ивлева, которого Иван Николаевич уже начинал потихоньку подозревать в убийстве любовницы, полностью подтвердилось: в начале десятого глава АО «Тюльпан» выполз на четвереньках в коридор, разразился неразборчивой бранью и уткнулся носом в ковер, после чего совместными усилиями повара и двух горничных был доставлен обратно в номер. Тогда Королев вместе с несколькими добровольцами, в число которых вошел и Леонтьев, отправился на поиски...

Тот же день. Пансионат «Лесной».

12 часов 30 минут

– Кошмар! Не могу поверить! Кому понадобилось убивать девчонку?! – уже третий раз за утро спросил Осипов. Сегодня Степан чувствовал себя значительно лучше, восстановилась нормальная речь, почти исчезли приступы головокружения. Он лежал на кровати, нервно затягиваясь сигаретой. – Ну ладно, меня могли отметелить чурки, хотя и непонятно, откуда они взялись, но при чем здесь девчонка?

Леонтьев, видевший собственными глазами растерзанный труп Светы, угрюмо промолчал. Кручинин застыл у окна, прижав лоб к холодному стеклу.

– Сидим тут словно в мышеловке, – продолжал возмущаться Степан, – а в окрестностях бродят убийцы-маньяки...

– Или один маньяк! – тихо поправил Леонтьев.

– Что-о?! – удивленно вскинулись оба его приятеля. – Ты о чем?

– По-моему, мы зря подозревали дагестанцев. Тут орудует кто-то другой! Нутром чую!

– Пожалуй, ты прав, – спустя пару минут задумчиво протянул Крутой. – И мне так кажется. Помнишь, Глеб, прыщавого недоноска, который прицепился к той телке и получил от тебя по морде? Думается, это он и есть! Мерзкая рожа! Сексуально озабоченный ублюдок!

– Наверняка снова пытался ее трахнуть, а когда не получилось – убил!

– А меня тоже он? – поинтересовался Степан.

– Естественно! Отомстил! Ведь вы с Глебом друзья. Нужно допросить его с пристрастием!

Леонтьев с сомнением покачал головой, но ничего не сказал...

* * *

Дима Разумовский и Валерий Авдотьев пребывали в состоянии глубокой депрессии. С самого начала отдыха их преследовали неудачи.

Валера терзался уязвленным самолюбием, а Дима неудовлетворенной похотью. Вчера вечером они крепко напились с горя, проснулись поздно, основательно опохмелились и потому ничего не знали о разыгравшейся в окрестностях пансионата трагедии. Студенты понурившись сидели за столом и механически глотали коньяк. Неожиданно дверь затряслась под мощными ударами. Отворив, Авдотьев невольно отшатнулся: на пороге стоял белый от ярости Кручинин на пару с Осиповым (Леонтьев отказался принимать участие в карательной экспедиции).

– Падлы сраные! – прорычал Крутой, заходя в номер. – Кишки выпущу!

Произнеся эти слова, он извлек из-за пазухи «ГТ».

– В чем де... – начал Валера, но договорить не успел. Удар рукояткой пистолета по темени привел его в состояние гро-

ги¹⁴.

– Колись по-быстроу, пидор! – рявкнул Николай в лицо ошалевшему Диме.

– В че-ем? – проблеял Разумовский, трясясь от страха.

– У мальчика склероз! – ехидно заметил Осипов. – Придется освежить ему память!

Сильным толчком в грудь Кручинин швырнул Диму в близстоящее кресло. Затем вытащил из кармана целлофановый пакет.

– Степа, поддержи ему ручонки! – ухмыльнулся Николай, натягивая студенту на голову пакет и стягивая его на шее так, чтобы прекратить доступ воздуха...

* * *

В это самое время подполковник Королев беседовал с Николаем Петровичем Зубовым. Разговор происходил в номере последнего. Зинаиду Дмитриевну отправили на кухню, дабы не путалась под ногами и не лезла с дурацкими советами.

Зубов расхаживал взад-вперед по комнате, а Королев курил одну сигарету за другой, временами гулко кашляя. Под потолком плавали облака сизого дыма. В пепельнице скопилось груда окурков.

– Мне нужно обязательно выбраться отсюда, – вероятно,

¹⁴ Боксерский термин, обозначающий, что человек, получив сильный удар, еще держится на ногах, но почти ничего не сообщает.

в десятый раз повторил Иван Николаевич.

Зубов бессильно развел руками:

– Что я могу поделывать? Телефон и то не работает!

– Хоть бы лодка была! – в отчаянии треснул кулаком по столу подполковник.

– Лодка? – насторожился Николай Петрович. – Одну минутку! Господи, как я мог забыть? Ну конечно же, у меня есть надувная!..

Через час, кряхтя под тяжестью огромного тюка, они вышли из пансионата и двинулись в сторону реки...

* * *

«Чудовища обнаружили труп своей самки! Всполошились, гады! Перепугались! Будете знать, как издеваться над человеком!» Алексей Романович Черкасов довольно захихикал, но сразу же помрачнел. Жутко хотелось есть, а монстры, несмотря на полученный ими недавно урок, продолжали кормить его всякой гадостью. Утром Черкасов пошел было в ресторан, но на полпути резко повернул обратно. Из кухни несло тошнотворной вонью разлагающихся трупов. Вспомнив об этом, Алексей Романович позеленел от ярости, до боли стиснул кулаки.

«Хорошо же! – с ненавистью подумал он. – Я вам устрою Варфоломеевскую ночь!»

Неожиданно глава фирмы «Олимп» замер, прислушался.

Из коридора доносились голоса.

– Вы уверены, что переберетесь через реку, Иван Николаевич?

– Конечно, только бы лодка не протекла! Про нас, похоже, забыли. Сейчас всем все до лампочки. Сломан мост, и ладно, никого это не волнует! Сволочи!

– Точно, точно! Совсем распустился народ!

– Кстати, Николай Петрович, помогите дотащить лодку до реки. Одному тяжело, а дальше я сам!

– Конечно, о чем речь.

– До моего возвращения труп не трогайте и, главное, не допускайте туда любопытных, иначе все улики затопчут!

– Да кому охота глядеть на такую страсть?

– Мало ли...

Послышались удаляющиеся шаги. Черкасов напрягся. Монстры хотят вызвать подмогу, целую толпу уродов, покрытых зеленой слизью, со слюнявыми пастями, полными длинных острых зубов. «Не получится, голубчики! Напрасно надеетесь! Хи-хи-хи!»

Алексей Романович сунул за пояс нож, накинул куртку и с независимым видом вышел из номера...

* * *

В ослепительно голубом, покрытом редкими пушистыми облачками небе ярко светило солнце. В воздухе пахло све-

жестью и прелыми листьями. От реки несло прохладой. Опустив тяжелую ношу на берег, Зубов с Королевым одновременно вытащили сигареты. Перекурить на прощание.

– Вернусь примерно через четыре часа, – сказал подполковник Королев, выпуская изо рта тонкую струйку дыма. – Приглядывайте внимательно за местом преступления. Стоп, – вдруг насторожился он. – Кто это такой?

– А-а! – улыбнулся Зубов, узнав Черкасова. – Один из отдыхающих.

– Отличная погодка, не правда ли? – мертвым голосом сказал Алексей Романович, целеустремленно направляясь к Королеву.

Почуввав неладное, Иван Николаевич потянулся за пистолетом, однако достать оружие не успел. Последнее, что увидел в земной жизни начальник Н-ского РОВД, – ослепительный блеск огромного кухонного ножа...

* * *

Глава фирмы «Олимп» пребывал на седьмом небе от счастья. Операция прошла на редкость удачно. Чудовища ничего не заподозрили до самого последнего момента. Они по-прежнему считали его безмозглым болваном. Прекрасно! Пусть считают! Тем удобнее будет их уничтожить! До реки Черкасов добрался раньше монстров и затаился в кустах, дожидаясь удобного случая. Конечно, он мог убить уродов по

дороге, но у воды лучше. Мертвые тела нужно утопить, чтобы остальные не подняли раньше времени тревогу. В качестве первой жертвы Алексей Романович выбрал толстое чудовище с синей пупырчатой головой на кривой шее и огромным количеством тонких паучьих лапок. Правда, под конец страшилище почуяло неладное, потянулось за оружием, однако Черкасов оказался проворнее. Когда оно свалилось на землю, булькая кровью из перерезанного горла, второе чудовище бросилось наутек, да не тут-то было! Алексей Романович настиг его в два прыжка, сбил с ног, уселся сверху и, рыча от удовольствия, несколько раз подряд вонзил нож в дряблое бледно-розовое туловище. Издав страшный вопль, монстр издох. Черкасов сбросил трупы в реку, тщательно умылся, почистил одежду, надежно спрятал лодку в кустах и, никем не замеченный, вернулся в пансионат. Зайдя в свой номер, он улегся на кровать, закурил сигарету. Теперь его положение стало значительно лучше, нежели раньше. Алексей Романович любовно погладил конфискованный у убитого уroda «макаров», кровожадно улыбнулся и принялся неторопливо обдумывать план дальнейших действий...

* * *

– Но если студенты ни при чем, тогда кто, черт возьми?! – раздраженно воскликнул Крутой, пиная ногой некстати повернувшийся стул. Осипов в недоумении развел руками. Ра-

зумовского допрашивали по всем правилам: надевали на голову целлофановый пакет, били по почкам, выкручивали руки. Дима орал благим матом, но упорно не желал сознаться в убийстве.

– Прекратите мучить парня, мудаки! – прервал отвратительную процедуру внезапно появившийся Леонтьев. – Я навел справки у обитателей соседних номеров. Ребята весь вечер пьянствовали и никуда не выходили. Пошли отсюда, следователи хреновы!

Осипов потерял дар речи, а Крутой, надо сказать, порядком сконфуженный, обещал Разумовскому поставить ящик шампанского, дабы возместить моральный ущерб. Не слушая возражений, он тут же сходил в ресторан и принес не один ящик, а два.

Второй предназначался для него самого, ну и для друзей, разумеется... Приняв на грудь без малого две бутылки, он не успокоился, а пришел в еще большее волнение. Было видно, что Крутой порядком напуган. Николай непрерывно расхаживал из угла в угол. Леонтьев остановившимися глазами уставился в окно. Казалось, он о чем-то напряженно размышляет.

– Ума не приложу! – наконец сказал Глеб. – Но чуёт сердце: эта сволочь где-то рядом! Убийца – один из живущих в пансионате...

– Я слышал, скоро должны приехать менты, – заметил Степан. – Надеюсь, они разберутся!

– Надейся, придурок, надейся! – ехидно усмехнулся Крутой. – С Чикатило вон двенадцать лет разбирались...

– Здесь все гораздо проще, – вступился за Осипова Глеб. – Круг подозреваемых узок, найти убийцу несложно...

– Е-мое, – вдруг схватился за голову Степан. – Как я мог забыть?!

Кручинин с Леонтьевым удивленно посмотрели в его сторону.

– Позавчера в ресторане один тип вел себя очень странно, – пояснил Осипов. – Производил впечатление ненормального. Возможно, это он убил девчонку и собаку...

– Кто?! – насторожился Кручинин. – Покажи!

– Ну нет! – безапелляционно отрезал Степан. – Сперва я сам его проверю. Вдруг ошибка? А тебе, садюге, только дай волю! Замучаешь человека ни за что ни про что! Мне до сих пор стыдно за студентов!

– Да пошел ты, чистюля хренов! – окрысился Крутой, достал из ящика бутылку, открыл пробку и начал, давясь газами, хлебать из горлышка шампанское. Осипов надел куртку и, решительно отвергнув предложение Леонтьева отправиться вместе с ним, вышел из номера.

Тот же день. Пансионат «Лесной».

15 часов 50 минут

– С меня достаточно! – решительно заявил Разумовский, упаковывая чемодан. – Хочу домой! Отдых, называется! Не

пансионат, а гадючье логово! Какие-то бандиты бьют нас по морде, пытаются! В окрестностях бродит маньяк-убийца! Ты как знаешь, а я тут больше ни на минуту не задержусь...

– Мы не можем уехать, – слабым голосом воспротивился Авдотьев. – Мост сломан, через лес на машине не проедешь!

– Плевать я хотел на твою машину! – истерично взвизгнул Дима. – Засунь ее себе в задницу! Уйду пешком! Местный лес, в конце концов, не тайга. Не заблужусь!

Валера устало махнул рукой. После удара рукояткой пистолета по темени у него жутко болела голова, путались мысли, тошнило.

Тяжело вздохнув, Авдотьев прилег на кровать и повернулся лицом к стене. Спустя некоторое время громко хлопнула дверь.

– Идиот, – пробормотал Валера, проваливаясь в тяжелый, насыщенный кошмарами сон...

* * *

Теперь Черкасов называл себя Зорро. Держа наготове нож, он бесшумно крался вслед за чудовищем, направляющимся в глубь леса. Зорро знал – на него возложена великая миссия и он не имеет права покинуть пансионат, пока не уничтожит всех монстров до единого. Понимание этого пришло как-то само по себе, даже не во сне. Кроме того, у

Зорро появился невидимый друг. Его звали Ки-ки¹⁵.

– Когда же, когда? – вопрошал Алексей Романович.

– Потерпи немного, – отвечал Ки-ки. – Пусть отойдет по-
дальше.

Черкасов скрепя сердце подчинился и продолжал упорно преследовать чудовище, ожидая команды от невидимого друга. Главу фирмы «Олимп» трясло, на лбу выступал холодный пот, в уголках рта пузырилась пена. Зорро не терпелось насладиться агонией врага, полюбоваться предсмертными судорогами.

Чудовище не останавливалось, не подозревало о приближающемся заслуженном возмездии.

В одной из лап оно держало полуистлевший деревянный сундук, от которого за версту разило падалью.

– Пора! – неожиданно сказал Ки-ки.

Радостно ухмыльнувшись, Черкасов натянул на лицо лыжную шапочку с прорезью для глаз, любовно погладил острое лезвие ножа и, издав боевой клич, выскочил на тропинку...

* * *

По мере удаления от пансионата Дима Разумовский по-

¹⁵ Насколько мне известно, демона с таким именем нет, но бесы, известные лжецы, могут представиться кем угодно. Имя с гомосексуальной окраской демон, вероятно, выбрал для того, чтобы издеваться над своей жертвой.

степенно начинал понимать, что совершил большую ошибку, отправившись в путь один. В лесу было тихо, как на кладбище. Зловеще шуршала под ногами опавшая листва, иногда хрустела под подошвой сухая ветка. Студент невольно ежил-ся, втискивая голову в плечи, мысленно проклиная тот день и час, когда решился на эту поездку. Как хорошо сейчас в Москве, в теплой уютной квартире, под крылышком у папы с мамой!

Разумовский всхлипнул. «Может, стоит вернуться обратно, отсидеться у себя в номере? Ведь мост рано или поздно починят! Вдруг где-то рядом в лесу прячется маньяк-убийца?» – цепenea от ужаса, подумал Дима. Похоже, силы тьмы прочитали его мысли. Громко затрещали кусты, послышался дикий звериный вопль, и на тропинку перед ним выскочил человек в черной маске. В руке он держал огромный блестящий нож.

– Кто вы-ы-ы? – едва не теряя сознание от страха, пролепетал Дима костенеющим языком.

– Зорро! – хрипло ответил незнакомец и бросился на студента...

* * *

– Напейся его крови! – приказал Ки-ки. – Это укрепит твои силы! Не бойся! Она сладкая!

Черкасов послушно стянул маску, полоснул растерзанное

чудовище по сонной артерии и припал губами к теплому булькающему красному ручейку. Кровь действительно оказалась на редкость вкусной. Алексей Романович заурчал от удовольствия.

– Внимание, опасность! – неожиданно предупредил невидимый друг. – Приготовься, Зорро!

* * *

Осипов шагал в глубь леса не разбирая дороги. Сперва Степан тщательно обыскал весь пансионат, но подозрительного человека, привлекшего позавчера его внимание, не обнаружил. Тогда Осипов решил прогуляться, подышать свежим воздухом, обдумать не торопясь сложившуюся ситуацию. Теперь Степан почти не сомневался, что убийца – тот самый всклокоченный тип, так подозрительно ведший себя в ресторане. Вспомнились слова Леонтьева: «Именно на полнолуния приходится наибольшее количество убийств... Сумасшедшие в дурдомах начинают бесноваться... Черти веселятся... Ведьмы устраивают шабаша». «Насчет чертей, ведьм, конечно, ерунда, – подумал Осипов. – Но вот психи... Мужик в ресторане здорово напоминал помешанного. Вероятно, в связи с полнолунием у него началось обострение болезни, появилась жажда убийства. Тут нет ничего сверхъестественного, это просто...»

Страшный нечеловеческий крик прервал размышления

Степана. Он замер, насторожился. Тело покрылось пузырьками озноба. Внизу живота появился неприятный холодок. До его слуха донеслись неразборчивые мольбы о помощи, прерываемые победным уханьем и улюлюканием. Несколько секунд Осипов колебался, затем, переборов страх, побежал в том направлении, откуда доносились звуки. Торчащие из земли корявые корни деревьев цеплялись за ноги, голые ветки больно хлестали по лицу. Выскочив на небольшую полянку, Степан замер в шоке. Возле растерзанного тела студента стоял на четвереньках вампир и, сладострастно причмокивая, пил кровь, бьющую тонкой струйкой из перерезанного горла. Заметив Осипова, вампир медленно выпрямился, на физиономии расплылась глумливая ухмылка, в руке появился пистолет. Степан бросился на него, надеясь выбить оружие, но было поздно. Перед глазами сверкнуло яркое пламя, оглушительно грохнул выстрел, и от этого грохота разорвалась голова...

* * *

– Уходи быстрее, – посоветовал Ки-ки. – Сейчас появятся твои враги!

Зорро неохотно оторвался от трупа. По губам его струилась кровь, голова приятно кружилась, сердце трепетало от восторга. Почему он раньше не знал, до чего вкусна кровь чудовищ, до чего живительна, питательна?

– Благодарю тебя, о великий Ки-ки, – благоговейно прошептал глава фирмы «Олимп». Невидимый друг самодовольно усмехнулся.

– Иди, иди! – поторопил он. – Скоро мы с тобой снова отправимся на охоту!

Алексей Романович послушно скрылся в кустах.

* * *

– Слышал выстрел, Коля? – воскликнул Леонтьев.

– Да!

– Бежим в лес! Чует сердце, со Степаном случилась беда! Не забудь вольту!..

Осипова они опознали только по одежде да по татуировке на левой руке. Тупоносая пуля «макарова» превратила голову Степана в кровавое месиво. Рядом лежал зверски изуродованный труп студента.

– О Господи! – прошептал пораженный Кручинин. – Бедный Степка!

Леонтьев угрюмо молчал, внимательно вслушиваясь в лесные шорохи.

– Ты чего? – удивился Крутой.

– Тс-с-с! – прижал палец к губам Глеб. – Он где-то рядом! Крутой напряг слух, но ничего подозрительного не услышал.

– Дай пистолет! – шепотом попросил Леонтьев.

Кручинин нехотя протянул «ТТ». Глеб проверил наличие патронов в обойме, передернул затвор и, держа оружие на изготовку, осторожно двинулся в заросли по узенькой, едва заметной тропинке. Шагов через двадцать кусты кончились, а тропинка превратилась в широкую просеку, окруженную с обеих сторон толстыми стволами старых замшелых деревьев. Неожиданно за одним из них мелькнул смутный силуэт человеческой фигуры.

– Стой! – крикнул Глеб. – Выходи на дорогу спиной вперед с поднятыми руками!

В ответ грохнул выстрел. Пуля кровожадно взвизгнула над ухом. Не мешкая ни секунды, Леонтьев ничком упал на землю и три раза выстрелил наугад. Затем прислушался. Ни звука! Однако Глеб не спешил подниматься, зная по опыту, чем это может закончиться. Противник находился сейчас в гораздо более выгодном положении, а он представлял собой прекрасную мишень. Пальнув еще разок, Леонтьев откатился в сторону, как выяснилось, очень своевременно. Пуля взрыла землю на том месте, где секунду назад лежало его тело. Потом послышался удаляющийся топот ног, и наступила тишина...

Глава 6

Среда. 11 октября 1995 г.

Пансионат «Лесной».

Четвертый день полнолуния.

2 часа ночи

Геннадий Викторович Ивлев чувствовал себя отвратительно. Смерть Светы и таинственное исчезновение подполковника Королева, обещавшего вчера вернуться не позже шести вечера, подействовали на него угнетающе. К тому же начался отходняк. Геннадий Викторович с удовольствием бы напился, но не мог. Обожженный желудок решительно отказывался принимать спиртное. Стоило сделать хоть глоток, как начиналась безудержная рвота. Жалобно постанывая, глава АО «Тюльпан» елозил по кровати. Его бросало то в жар, то в холод. Простыня и наволочка насквозь пропитались едким потом. Истрепанные алкоголем нервы напряглись до предела. Ивлеву мерещилась всякая чертовщина: шорохи, шаги по комнате, ледяные прикосновения чьих-то липких рук. Иногда перед глазами появлялись кошмарные рожи, кривлялись, дразнились, хихикали. Почти стерлась граница между сном и явью. Такого мучительного похмелья Ивлев еще никогда не испытывал. За окном подвывал разгулявшийся ветер. Белесые лунные лучи, проникающие сквозь полупрозрачные занавески, морозили кровь.

Геннадия Викторовича захлестывали волны страха. Он знал, что изуродованные трупы Светы и еще двух человек, убитых вскоре после нее, находятся сейчас в подвале пансионата, хозяин которого Николай Петрович Зубов пропал вместе с Королевым. Столь близкое соседство мертвецов внушало Ивлеву животный ужас. Внезапно Геннадию Викторовичу показалось, будто кто-то, вцепившись железными пальцами в лодыжку, стягивает его с кровати. Испуганно закричав, глава АО «Тюльпан» вскочил и включил свет. В комнате никого не было.

– Никогда больше не буду пить! – страдальчески простонал господин Ивлев. – Мамой клянусь!

Дрожащими руками он нащупал на журнальном столике сигареты, кое-как прикурил и тут же согнулся, скрученный приступом надрывного сухого кашля. К голове прилила кровь. В глазах потемнело.

«Пойду к Наташке! – немного очухавшись, подумал Геннадий Викторович. – Приставать не стану. Просто посижу рядом».

С грехом пополам облачившись в махровый халат, он вышел в коридор...

– Наташенька! – жалобно проскулил Ивлев, стуча кулаком в дверь. – Впусти, пожалуйста! Мне очень плохо!

В ответ ни звука.

– Наташа, открой! Это я, твой шеф! – решив, что девушка спит, громче позвал он.

– Убирайтесь к чертовой матери! – истерично выкрикнула за дверь девушка. – Видеть вас не хочу, а если скучно – идите в подвал, к Светке!

– Ты понимаешь, что говоришь? – хрипло спросил глава АО «Тюльпан». – Я могу обидеться!

– Обижайся, сволочь! Все равно я больше не буду у тебя работать! – Наташа зарыдала во весь голос.

– Сука! – пробормотал Ивлев, возвращаясь к себе в номер. – Пригрел змею на груди!

Впотьмах он споткнулся и едва не упал. «Почему темно? Я, кажется, не выключал свет...» – растерянно подумал Геннадий Викторович. Эта мысль оказалась последней в его жизни. Рука в кожаной перчатке зажала рот, а в сердце вонзилось холодное лезвие ножа...

* * *

– Пора на охоту! – сказал Ки-ки.

– В лес? – удивился Зорро.

– Нет, в четырнадцатый номер! У живущего там чудовища вкусное сердце!

Прибыв на место, Черкасов первым делом выключил свет и затаился возле двери. Ждать пришлось недолго. Вскоре появился хозяин номера – трехногий мохнатый урод. Шерсть его испускала в темноте голубоватое свечение. За последнее время Зорро наловчился убивать. Зажав чудовищу рот, он с

силой вогнал нож под левую лопатку, оттащил обмякшее тело на кровать, вскрыл грудную клетку и вырвал сердце. Оно действительно оказалось очень вкусным...

Тот же день.

Пансионат «Лесной».

4 часа утра

Зинаиде Дмитриевне не спалось. Она не отличалась особой впечатлительностью, но сейчас сердце сдавливало предчувствие беды. Муж до сих пор не вернулся, хотя собирался только проводить подполковника Королева до реки. Куда он подевался? Может, решил съездить вместе с Королевым в райотдел? В комнате было тихо. Только тикали большие настенные часы да из крана в ванной изредка капала вода. От электрического камина шло живительное тепло. Тем не менее женщина чувствовала себя неудобно. Временами ей казалось, будто за спиной кто-то стоит. Зинаида Дмитриевна резко оборачивалась и упиралась взглядом в стену, завешанную пушистым ковром. Каждый раз после этого она зябко поеживалась. По правде сказать, Зинаида Дмитриевна не любила супруга, вышла замуж по расчету. Однако теперь единственным ее желанием было скорее увидеть мужа, избавиться от жуткого, тоскливого одиночества.

– Коленька, милый! Приходи скорей! – шептала женщина, глотая слезы. – Ну пожалуйста! Мне так страшно одной!

В коридоре послышался странный шорох. Зинаида Дмит-

риевна насторожилась. Кто-то пытался открыть дверь.

– Коля, ты? – робко спросила Зубова дрожащим голосом. Неизвестный визитер не ответил, продолжая упорно ковыряться в замке.

– Помогите! А-а-а! – отчаянно закричала она. – Люди! Спасите! – В груди вспыхнул нестерпимо обжигающий огонь, пол приблизился и больно ударил по лицу. Потом Зинаида Дмитриевна увидела перед собой длинный тоннель, в конце которого стоял Николай Петрович.

– Пойдем, – маня пальцем жену, улыбнулся он. – Нас ждут!..

* * *

На зов о помощи примчались живущие неподалеку Леонтьев с Крутым, а также повар, страдающий бессонницей после произошедших в пансионате ужасных событий. Дверь пришлось взломать. В комнате они обнаружили тело Зинаиды Дмитриевны, ничком лежащее на полу. Нагнувшись, Леонтьев пощупал пульс, затем поднес к губам Зубовой небольшое карманное зеркальце.

– Мертва! – выпрямившись, вздохнул Глеб. – Вероятно, разрыв сердца! Жалко, такая молодая!

– Она подохла! – успокоил Черкасова Ки-ки.

– Окочурилась от страха! Гы-гы-гы, – обрадовался Алексей Романович. – Что прикажешь, хозяин?

– Пока ничего! Отдыхай, Зорро, набирайся сил! Тебе предстоит много работы!

Черкасов растянулся на кровати, с наслаждением расслабился. Мысли в голове текли легкие, простые. Он понял наконец свое предназначение – во всем слушаться невидимого друга. Тот вовремя предупредит об опасности, подскажет, где добыть пищу... Зорро блаженно улыбнулся...

Тот же день.

Пансионат «Лесной».

6 часов утра

Наташа всю ночь просидела взаперти у себя в номере. О том, чтобы заснуть, не могло идти и речи. Девушку трясло от страха. Перед глазами неотрывно стояло страшное видение: растерзанный труп Светы со вспоротым животом, искаженным предсмертной агонией лицом и вытаращенными остекленевшими глазами. Наташа находилась на грани истерики. Именно поэтому она, девушка по натуре добрая, не впустила Ивлева, хотя на примере отца прекрасно знала, как мучаются люди при выходе из запоя. К утру Наташа немного успо-

коилась и теперь жалела, что так грубо обошлась с Геннадием Викторовичем.

«Он ведь не такой уж плохой! – рассуждала про себя девушка. – Не подарок, конечно, но все же получше некоторых других». Тут Наташа вспомнила своего бывшего шефа, президента фирмы «Андромеда» Михаила Абрамовича Кацмана – жирного, сального, жадного, похотливого, и ее передернуло от отвращения.

«Зря я обидела Ивлева! – с раскаянием подумала она. – Нужно пойти извиниться!» К чести Наташи следует заметить, что в настоящий момент она жалела Ивлева абсолютно искренне, а не из боязни потерять работу, хотя данное обстоятельство, конечно, тоже играло свою роль. Девушка торопливо умылась, причесалась, подкрасила губы и вышла в коридор.

Из номера Ивлева не доносилось ни звука.

– Геннадий Викторович, к вам можно?! – спросила Наташа, тихонько постукивая в дверь. Внутри никто не отозвался. «Неужели спит? – удивленно подумала она. – Вряд ли! Наверное, обиделся и потому не отвечает! Боже, какая я дура!» – Геннадий Викторович! – снова позвала она. В ответ гробовая тишина. Тогда девушка осторожно толкнула дверь. Та поддалась.

– А-а-а-а-а! – закричала Наташа, увидев то, что лежало на кровати...

Леонтьев только-только начинал задремывать, когда по ушам резанул дикий женский вопль, полный ужаса и отчаяния. Глеб вскочил, словно подброшенный пружиной, и, торопливо натянув ботинки, побежал туда, откуда доносились крики. Кручинин последовал за ним. В номере Ивлева их взорам представилась жуткая картина. На кровати распластался изуродованный труп мужчины со вскрытой грудной клеткой и перегрызенным горлом. Все вокруг было залито кровью. В воздухе пахло смертью. Неподалеку, в углу, билась в истерике белая как мел девушка.

– Боже мой! – пробормотал Крутой. – Еще один!

– Коля, пойдем быстрее отсюда! – крикнул Леонтьев, подхватывая на руки полубесчувственную Наташу. Громко всхлипнув, она прижалась к его груди. В коридоре Наташа более-менее пришла в себя.

– Не оставляйте меня, пожалуйста! – жалобно попросила она. – Я вас очень прошу!

– Хорошо, хорошо! – успокаивающе пробормотал Глеб, глядя ее по голове. – Не плачь, детка.

Вернувшись к себе, он бережно уложил Наташу на кровать и заставил выпить рюмку коньяку. Затем Глеб закурил сигарету и принялся размышлять, что делать дальше...

Тот же день.

Пансионат «Лесной».

10 часов утра

– Все в сборе? – спросил Леонтьев, обводя взглядом ресторанный зал.

– Да-да, начинайте, – откликнулось хором несколько голосов. Обитатели пансионата «Лесной» (в том числе и Черкасов) собрались в ресторане. Бледные взволнованные люди встревоженно переглядывались. Зорро по совету Ки-ки старался ничем не выделяться из общей массы и усердно изображал испуг.

– Ситуация хреновая, – без обиняков начал Глеб. – Среди нас затесался маньяк-убийца. Ко всему прочему, он вооружен. Телефон не работает. Мост сломан. Подполковник милиции вместе с хозяином пансионата отправились вчера за подмогой, но не вернулись. Мне кажется, они мертвы...

По залу прошел тревожный ропот. Одна слабонервная дамочка хлопнулась в обморок. Пожилой мужчина схватился за сердце.

– Студент хотел уйти пешком через лес. В принципе это возможно, хотя до ближайшей деревни не менее десяти километров, – продолжал Леонтьев. – Однако маньяк настиг его и убил, а заодно пристрелил моего друга, который пытался прийти парню на помощь. По сути дела, все мы оказались в ловушке. Поэтому нам необходимо срочно найти и обезвредить убийцу! Я предлагаю следующее. Первое – дер-

жаться группами по три-четыре человека, никуда не ходить в одиночку, второе – ввести в пансионате комендантский час. Каждого замеченного вне своего номера после двадцати одного часа задерживать и доставлять ко мне для выяснения обстоятельств, третье...

– Пойдите-ка, молодой человек! – прервал Глеба холерный мужчина лет сорока пяти, в модных очках и с большой залысиной на лбу. Мужчину звали Александр Владимирович Козлов, а работал он штатным корреспондентом одной из ультрадемократических газет. – Не стоит так торопиться! – На губах Козлова зазмеилась ядовитая улыбка. – Ваше стремление найти убийцу похвально, но... – Тут Александр Владимирович глубокомысленно поднял вверх указательный палец. – Но будьте любезны объяснить, на каком основании вы присваиваете себе диктаторские полномочия? Посягаете на свободу личности находящихся здесь граждан? Мы живем в демократическом обществе, а такие, как вы, пытаются превратить его в подобие концлагеря! Возврата к прошлому не будет! – с пафосом воскликнул господин Козлов, обводя аудиторию пламенным взором борца за справедливость.

Надо сказать, что в прошлом Александр Владимирович тоже работал журналистом, беспощадно обличал гнусные происки империалистов, клеймил позором диссидентов и захлебывался славословиями по поводу блистательных достижений социалистической экономики. В нынешней ипо-

стаси он с не меньшим жаром защищал «демократические преобразования».

– Идиот! – тихо сказал Глеб.

– Как вы меня назвали? – встrepенулся Козлов и обернулся к остальным: – Вот видите, господа, этот юный Пиночет абсолютно не приемлет критику! Не признает свободу слова!

Некоторые из отдыхающих одобрительно загалдели.

– Да кто он такой?! Доставлять к нему...

– Ишь чего захотел!.. Комендантский час... ишь диктатор выискался... Откуда нам знать, может, он и есть маньяк!

«Наглый мальчишка!..» – слышались со всех сторон негодующие возгласы.

Леонтьев с презрением поглядел на них, сплюнул в сердцах и вместе с Кручининым вышел из ресторана.

– Трепло хреново! – сквозь зубы ругался Глеб. – Скотина! Именно такие ублюдки пишут о зверствах русских войск в Чечне, а шизофреника Дудаева и убийцу беременных женщин Басаева именуют «борцами за свободу»! Ненавижу!..

* * *

Сегодня Зорро заметил, что его враги прибегли к хитрой уловке, дабы избежать справедливого возмездия за совершенные злодеяния. Они больше не казались чудовищами, а притворились обычными людьми.

– Пытаются усыпить бдительность! – объяснил Ки-ки. –

Не поддавайся на провокацию!

Черкасов был полностью согласен с хозяином. Услышав предложение Леонтьева ввести комендантский час, Алексей Романович не на шутку перепугался.

– Ничего страшного, – тут же успокоил подопечного Кики. – Его никто не послушает!

Так оно и оказалось. После ухода Леонтьева замаскированные чудовища долго дискутировали, обсуждая сложившуюся ситуацию и пути выхода из нее, но так и не пришли к какому бы то ни было решению. Примерно через час все разошлись.

– Готовься к большой охоте! – приказал Черкасову невидимый хозяин. – Сегодня будет много дичи!..

Тот же день.

Пансионат «Лесной».

11 часов 30 минут утра

Втоптав в грязь дерзкого юнца, осмелившегося посягнуть на устои демократии, Александр Владимирович испытал глубокое моральное удовлетворение, однако потом призадумался. Маньяк-то существует на самом деле! Нужно спасти свою шкуру! Господин Козлов погрузился в размышления. Лесом идти опасно. Один дурак уже попробовал. Теперь в подвале лежит, в растерзанном виде. Тем не менее выбраться отсюда необходимо.

Телефонная связь отсутствует, проклятый мост сломан.

Стоп! А кто сказал, что по течению нет другого моста? Наверняка есть, или хотя бы брод! Из разговоров между отдыхающими Александр Владимирович понял – многие собираются уходить сегодня. Через лес, естественно! Прекрасно! Убийца начнет охотиться за ними, а он тем временем потихоньку доберется до реки, переправится на другой берег, вернется в редакцию и накачает сногсшибательный репортаж под названием «Кровавая драма в пансионате „Лесной“», или «Смертельный отпуск», или «Вампир выходит на охоту».

Газета пойдет нарасхват, главный редактор, возможно, поднимет ему зарплату, устроит выступление по телевизору... Господин Козлов радостно захихикал. Затем принялся торопливо собираться. Так, чемодан брать не стоит. Это заметят остальные. Ломанутся вслед за ним как стадо баранов, привлекут внимание маньяка. Не-ет, господа! Сами выкручивайтесь! За вещами вернемся потом, когда все уляжется!

– Деньги... документы... сигареты. Достаточно! В путь! – Козлов вышел из номера.

– Вы куда? – удивленно спросила его горничная.

– Прогуляться!

– А не боитесь?

– Нет! – самодовольно усмехнулся Александр Владимирович. – Ни капельки!

Горничная проводила корреспондента восхищенным взглядом...

* * *

Натянув на лицо лыжную шапочку с прорезями для глаз, Зорро бесшумно крался по пятам за чудовищем с большой лысиной, которое так рьяно защищало сегодня демократические свободы и выступало против введения в пансионате комендантского часа.

– Его первого! – приказал Ки-ки. – Зарежь ножом! Пистолет не вытаскивай, береги патроны!

Здание пансионата скрылось за поворотом.

– Можно начинать? – трепеща от нетерпения, спросил Черкасов.

– Нет! – отрезал хозяин. – Потерпи! Пускай доберется до реки! Там утопишь труп!

Зорро подчинился. Спустя некоторое время показалась река. Лысый остановился, о чем-то размышляя.

– Пора! – сказал Ки-ки. Алексей Романович вытащил нож.

* * *

Увидев человека в маске, Козлов безумно перепугался. Лоб покрылся испариной, тело затряслось в ознобе, в глазах потемнело. «Вот он, убийца!» – мелькнула суматошная мысль. Неожиданно для самого себя корреспондент упал на

колени.

– Не надо! – взвизгнул он. – Мы можем договориться! Я сделаю все, что вы...

Закончить фразу Козлов не успел. Острое как бритва, сверкающее лезвие с размаху вонзилось в шею...

Тот же день.

Окрестности пансионата «Лесной»

Прикончив господина Козлова и утопив тело, Черкасов поспешно направился обратно. Нельзя было терять ни секунды. Предстояла большая охота. В голове гремел голос хозяина: «Быстрее! Быстрее! Не останавливайся! Шевелись, пес!» Ки-ки перестал церемониться с подопечным, но тот воспринимал это как должное. Отупевшая, поработанная душа Черкасова находилась полностью во власти демона, подчинялась любому шевелению его мизинца. По сути дела, глава фирмы «Олимп» стал теперь марионеткой, управляемой злобной чужой волей. Собственные мысли, желания почти совершенно исчезли. Лицо превратилось в застывшую маску, остекленевшие глаза тупо тарасились вдаль. Он успел вовремя, миновал здание пансионата и, углубившись в лес, затаился в зарослях. Ждать пришлось недолго. Минут через двадцать послышались шаги и возбужденные голоса группы людей. Губы Зорро растянулись в кровожадной ухмылке.

По тропинке шли две бледные, насмерть перепуганные женщины и грузный пожилой мужчина, покрытый, вероятно

от испуга, крупными каплями пота.

– Вы думаете, обойдется, Иван Степанович? – спрашивала дрожащим голосом одна из его спутниц.

– Надеюсь! – без особой уверенности в голосе отвечал мужчина.

Издавая гортанные, полные звериного торжества вопли и размахивая над головой ножом, Черкасов выскочил на тропинку...

Тот же день.

Пансионат «Лесной».

19 часов 10 минут

Весь день Николай Кручинин не находил себе места. Он не был трусом, однако сейчас чувствовал себя явно не в своей тарелке. Да оно и немудрено. Серия жестоких загадочных убийств, царящая в пансионате паника в сочетании с почти полной отрезанностью от окружающего мира могли кого угодно вывести из равновесия. Многие из отдыхающих торопливо собирали вещи и направлялись в сторону леса. Обратно никто не вернулся. Крутой бесцельно бродил по коридорам, натываясь на стены, приглушенно ругаясь и срываясь на крик по малейшему поводу. Ни с того ни с сего он рассорился с Леонтьевым, обозвал последнего «чмом болотным», едва не получил за это по морде и теперь, кипя от ярости, искал, на ком выместить накопившуюся злобу. Все окружающее казалось Николаю мерзким, отвратительным, а люди

гнусными, подлыми. Какие у них пакостные физиономии! Так и хочется врезать по зубам!

Пребывая в подобном настроении, Кручинин случайно столкнулся с поваром, тоже выбитым из колеи, но в отличие от Крутого не ищущим приключений.

– Разуй глаза, падла! – с ненавистью прошипел Николай. – Смотри, куда прешь!

– Извините, – буркнул повар, пытаясь обойти Кручинина, но тот не был склонен к примирению.

– Фуфло паршивое! – продолжал распалиться Крутой, сжимая кулаки. – Пидор штопаный! Отожрался тут на кухне! Гляделки жиром заплыли.

– Прикуси язык! – обозлился повар. – Или тебе помочь?

– Что-о-о? – нехорошо улыбнулся Николай. – Ну-ка повтори!

– Прикуси язык!

– Вот так, значит! – Предвкушая удовольствие, Крутой ухватил повара за отвороты рубашки и тут же, взыв от боли в вывернутой руке, уткнулся лицом в пол. Толстый добродушный человек, оказывается, прекрасно владел боевым самбо.

– Не надо хамить, парень! – нравоучительно произнес повар, направляясь своей дорогой. Зеленый от бешенства Кручинин поднялся на ноги, потирая ноющий сустав. Его, Крутого, только что ткнули носом в дерьмо, как напакостившего кота!

– Неприятности, молодой человек? – участливо спросил чей-то голос. Кручинин нехотя обернулся. Перед ним, натянув на лицо дружелюбную улыбку, стоял Черкасов.

– Чего надо? – хмуро буркнул Николай.

– Я вам искренне сочувствую! – прижав руки к груди, горячо заверил глава фирмы «Олимп».

«Вроде неплохой мужик!» – непроизвольно подумал Николай.

– Я знаю великолепное лекарство от плохого настроения. стакан хорошего коньяка! – сладко улыбаясь, продолжал Зорро. – Пойдемте ко мне! Вы единственный приличный человек в этом гадючнике! Кругом одни дегенераты!

Кручинин согласно кивнул, улыбнулся и пошел вслед за Черкасовым.

* * *

На Кручинина Зорро указал Ки-ки.

– Убери этого! – распорядился хозяин. – Добудешь второй пистолет, он тебе пригодится. Но только будь осторожен, дипломатичен, или даже вот что – говорить за тебя стану я! Усвоил, раб?!

– Да, да, конечно! – трепеща от благоговения, заверил повелителя Черкасов. В коридоре он будто со стороны наблюдал, как ловко умасливает Кручинина хозяин, и восхищался умом Ки-ки. Лишь когда они зашли в номер, Зорро начал

действовать самостоятельно.

* * *

Дождаясь обещанного коньяка, Кручинин уселся на стул возле кровати и поспешно закурил сигарету, пытаясь заглушить странный, неприятный запах, которым пропиталась вся комната. Обычно аккуратный Черкасов последнее время сделался законченным неряхой: вещи в беспорядке валялись на полу, да и не мылся он по-настоящему с самого приезда, лишь торопливо затирал следы крови своих жертв. Сегодня Зорро основательно потрудился. Одиннадцать выпотрошенных трупов лежало в лесу. Глава фирмы «Олимп» в буквальном смысле слова сбился с ног, преследуя удирающих обитателей пансионата. Сейчас Черкасов ощущал невероятную усталость, смешанную с чувством глубокого удовлетворения, однако сознавал, что расслабляться нельзя. Необходимо прикончить замаскированное чудовище, завладеть пистолетом.

– Одну минуточку, молодой человек! – скороговоркой бормотал он. – Сейчас найду бутылку... И куда она запропастилась?

Затушив окурок ногой об пол, Крутой скрипнул зубами. Не в меру услужливый, суетливый мужик начинал действовать ему на нервы. «Чем же все-таки тут так воняет?» – раздраженно подумал Николай. Он хотел задать этот вопрос

Черкасову, но не успел. На голову обрушился тяжелый удар, сознание затуманилось, заплеванный грязный пол больно ударил в лицо. Следующим ощущением была острая боль под левой лопаткой. Затем навалилась темнота...

Глава 7

Четверг, 12 октября 1995 г.

Пансионат «Лесной».

Пятый день полнолуния.

Половина второго ночи

– Не могу больше так! Я сойду с ума! – непрерывно всхлипывая, повторяла Наташа, съжившаяся в углу кровати. Глеб Леонтьев молча курил одну сигарету за другой. За окном нависла пропитанная ужасом глухая ночь. В пансионате царил зловещая тишина. Оставшиеся здесь немногочисленные постояльцы забаррикадировались у себя в номерах и, дрожа от страха, ждали наступления утра.

– Боже мой! Кошмар! Может, все это мне только снится, а? – продолжала плакать Наташа.

– Замолчи! – не выдержал Глеб. – Без тебя тошно!

Девушка испуганно притихла. Леонтьев в сердцах швырнул на пол тлеющую сигарету, раздавил каблуком.

«Куда пропал Кручинин, неужели поддался панике и попытался бежать?» – подумал он. Таинственное исчезновение Кручинина ошарашило Глеба. Насколько он помнил, Николай никогда не отличался трусостью, хотя... На войне Леонтьеву пришлось всякое повидать, например, как самоуверенные, крутые парни перед лицом смерти превращаются в безвольных, обезумевших от страха сопляков и, наоборот, сла-

бые, скромные люди становятся героями.

– Что нам теперь делать? – почти нормальным голосом спросила Наташа. Леонтьев пожал плечами.

– Ума не приложу! Еще недавно я надеялся, что местные менты, заметив исчезновение своего начальника, вероятно, уже покойного подполковника Королева, всполошатся, начнут выяснять, куда он делся, и в конечном счете приедут сюда, вызовут рабочих, починят мост, но они даже не чешутся! Проклятье! Придется дожидаться окончания полнолуния, благо оно не за горами. Всего через два дня. Тогда, по моим расчетам, маньяк должен успокоиться! Эх, если б знать, кто он! С удовольствием придушил бы гада!

– В пансионате осталось мало народа... Теперь его легче выявить! – робко заметила девушка.

Глеб надолго задумался, но ничего путного на ум не приходило. Убийцей мог оказаться кто угодно: мужчина, женщина, даже эта, казалось бы, насмерть перепуганная, девочка! У дьявола миллионы масок, он великолепный актер! Мразь хвостатая! Леонтьев с подозрением покосился в сторону Наташи. Бледное осунувшееся личико, покрасневшие от слез глаза, дрожащие губы. Вряд ли она. Но тем не менее следует соблюдать осторожность...

* * *

Живот раздулся от обжорства, желудок удовлетворенно

бурчал. Сегодня Черкасову перепало много отборной пищи. Он сполна вознаградил себя за вынужденный пост первых дней, когда зловредные монстры вместо пищи подсовывали Алексею Романовичу всякую гадость.

– Благодарю тебя, о хозяин! – прошептал глава фирмы «Олимп». Он вольготно развалился на кровати, под которой был спрятан изуродованный труп Кручинина. Неприятный запах, на который, еще будучи живым, обратил внимание Николай, а именно запах запекшейся крови, сделался теперь просто невыносимым, однако Зорро наслаждался им, жадно втягивая ноздрями отвратительную вонь. Черкасов жмурился от удовольствия, лениво зевал. Алексей Романович старался как можно полнее использовать заслуженный отдых. Спать вместе с тем почему-то не хотелось. В номере он был не один. На потолке танцевали, сладострастно извиваясь, причудливые тени, в углах периодически вспыхивали красные огоньки глаз каких-то существ. Иногда рядом с кроватю слышались осторожные, скользкие шаги. Черкасова это не беспокоило. Он знал – к Ки-ки пришли в гости друзья, обсуждают свои проблемы и его, Черкасова, судьбу. К тому же рабу не дозволено вмешиваться в дела хозяина. Алексей Романович и не вмешивался. Утробно рыгнув, Зорро потянулся.

– Готовься к охоте! – внезапно прогремел в голове голос Ки-ки.

– Можно еще полежать хоть пять минут? – мысленно

проскулил глава фирмы «Олимп».

– Что-о-о?! – не на шутку рассвирепел хозяин. – Осмеливаешься прекословить, пес смердящий?

Алексея Романовича захлестнула волна безумной, ослепляющей боли, в уши вонзилась раскаленная игла, правая рука начала неестественно выворачиваться в локтевом суставе.

– А-а-а-а-а! – истошно завопил Черкасов. – Про-о-о-сти, повелитель! Я бо-о-ольше не бу-у-уду!

Ки-ки несколько секунд размышлял.

– Ладно! – смилостивился наконец он. – В первый и в последний раз прощаю, но впредь смотри у меня! Принимайся за работу! Да шевелись живее, скотина!

* * *

В эту ночь Валера Авдотьев не спал. Сперва, правда, ему удалось ненадолго задремать, но сон оказался таким кошмарным, что спустя двадцать минут Валера проснулся, повизгивая от ужаса и обливаясь холодным потом. Привиделось Авдотьеву, будто находится он в подвале пансионата, крепко связанный по рукам и ногам. Рядом, неподвижно вытянувшись, лежали изуродованный труп Димы Разумовского и несколько других мертвецов. Нестерпимо воняло разложившейся плотью. Промозглый, сырой воздух сковывал тело смертным холодом. Неожиданно в дальнем углу материализовался горбатый карлик с кривой, перекошенной от злобы

физиономией, изо рта урода торчали длинные желтые клыки и текли слюни. Взглянув на Авдотьева, карлик саркастически прищурился.

– Красавчик ты мой! – давясь смехом, вымолвил он. – Откормленный, свеженький, вкусный небось! – Чудовище облизнулось тонким раздвоенным языком.

– Что вы собираетесь со мной сделать? – заикаясь, пролепетал Валера.

– Я?! – искренне удивился урод. – Я-то ничего, но вот они...

Тут пораженный Авдотьев увидел, что мертвецы зашевелились, начали подниматься с пола. Волосы у него на голове встали дыбом. Валера попытался закричать, но крик застрял в горле.

– Давайте, давайте, ребятки! – подбадривал покойников карлик, пританцовывая от восторга. Прямо перед собой Валера увидел окровавленное лицо Димы Разумовского с пустыми, остекленевшими глазами. На губах бывшего сокурсника пузырилась красноватая пена.

– Я хочу съесть твои мозги, – произнес Разумовский деревянным голосом и, перейдя от слов к делу, принялся пилить голову Авдотьева ржавой ножовкой. Валера дико закричал и проснулся.

Некоторое время он сидел на кровати, с трудом приходя в себя и дрожа как в лихорадке. В комнате было тихо, однако эта тишина не успокаивала, а, наоборот, приводила в со-

дрогание Авдотьева. Ему чудилось, будто в углах, под кроватью, в стенном шкафу кто-то прячется, возможно, те самые мертвецы из сна. Валера поспешно вскочил на ноги, включил свет, тщательно обследовал номер, но никого не обнаружил. Авдотьев только собрался облегченно вздохнуть, как вдруг за спиной у него послышалось издевательское хихиканье. Студент резко обернулся и встретился взглядом со своим собственным отражением в зеркале.

– Черт возьми! – заплетающимся языком пробормотал он. – Я схожу с ума!

Валера вынул из пачки сигарету, кое-как прикурил. Табачный дым тонкой сизой струйкой потянулся к потолку. Сделав несколько глубоких затяжек, Авдотьев отчасти успокоился, но не до конца. Некая упорная мысль никак не оставляла его: «Еще чуть-чуть, и я окончательно рехнусь! Нужно быстрее смываться отсюда, причем именно сейчас! Маньяк наверняка спит, должен же он когда-то отдыхать!»

Валера быстро оделся, упаковал свои вещи и, стараясь не шуметь, вышел в коридор. В пансионате царила гробовая тишина. Толстый пушистый палас скрадывал шаги. Матовые плафоны под потолком давали мягкий, рассеянный свет. Из-за дверей ближайших номеров не доносилось ни звука. Тревожно озираясь по сторонам, Валера на цыпочках двинулся к выходу. Внизу, в холле, было пустынно. Дежурной на положенном месте, естественно, не оказалось. Оглядевшись по сторонам, Авдотьев осторожно отворил дверь и зяб-

ко поежился. Холодный, сырой от недавно прошедшего дождя воздух окутал тело липким саваном. Мелькнула мысль вернуться обратно, но Валера тут же с негодованием отверг ее. «Вперед! Только вперед! Там спасение! А здесь неминуемая смерть!» – подумал он и, поминутно поскользываясь в грязи, направился в сторону леса...

* * *

В отличие от многих предыдущих, это существо тащило с собой чемодан, что значительно снижало скорость его передвижения. Черкасов торжествующе усмехнулся. «Жаден же ты, братец-кролик!» – презрительно подумал Алексей Романович. По приказу Ки-ки Зорро должен был убить врага как можно ближе от пансионата, а потом повесить на дерево напротив одного из номеров. Зачем именно, Черкасов не знал, но он уже приучился не задавать хозяину лишних вопросов. Повелитель гневался на чрезмерное любопытство раба. Дойдя до калитки, существо на секунду остановилось, перекладывая чемодан из одной руки в другую.

– Пора! – рявкнул Ки-ки, и Черкасов прыгнул вперед...

Тот же день. 9 часов утра

Труп, с искаженным гримасой удушья лицом, выпученными глазами, свернутой набок головой и прокушенным почерневшим языком, мерно покачивался на ветру. Шею его стя-

гивала веревка, прикрепленная к суку старого тополя, росшего напротив номера, где жил Леонтьев. Глеб стоял возле окна, замороженно глядя на повешенного, а Наташа лежала на кровати в глубоком обмороке. Они заметили мертвеца пятнадцать минут назад, и в ту же секунду, побелев как полотно, девушка начала медленно валиться на пол. Леонтьев едва успел подхватить ее, убедился, что сердце бьется, бережно уложил на кровать, а сам впал в состояние, близкое к трансу. Все мысли из головы куда-то исчезли, сердце сковало льдом, руки опустились, душой овладело странное равнодушие. Глядя на изуродованное смертью лицо повешенного Авдотьева, он не испытывал ни страха, ни отвращения, ни даже элементарного сочувствия. Просто смотрел...

Тот же день.

Н-ское РОВД.

14 часов 10 минут

Пока происходили вышеописанные события, сотрудники Н-ского РОВД не на шутку обеспокоились длительным отсутствием начальника. Накопилась уйма нерешенных дел, требующих его непременно участия. Начиная с восьмого октября жестокие, большей частью почти не мотивированные и бессмысленные преступления посыпались как из поганого мешка. Один тип ни с того ни с сего среди бела дня, в центре многолюдной улицы засадил нож в сердце своему приятелю.

Другой ограбил детский сад, украв несколько грошовых потрепанных игрушек и изрубив топором старуху-сторожа, третий задушил жену, не давшую опохмелиться, четвертый изнасиловал собственную пятнадцатилетнюю дочь и так далее и тому подобное. Но главное – бандиты из Н-ской преступной группировки, ежемесячно платившие отделению щедрую дань за поддержку и покровительство, вляпались в серьезные неприятности, устроив в присутствии многочисленных свидетелей перестрелку с конкурентами. В результате погибло несколько бандитов с обеих сторон да двое случайных прохожих. А начальник словно в воду канул. Вот почему заместитель Королева майор Гаврилов пребывал в отвратительном расположении духа, мысленно ругая пропавшего подполковника последними словами.

«Дело с перестрелкой нужно срочно замять, избавив от ответственности подопечных гангстеров, но для этого необходимо участие шефа! Где ж его, толстого дурака, черти носят?!» – с ненавистью думал майор, расхаживая взад-вперед по кабинету. Под потолком роились почему-то не собирающиеся засыпать по случаю осени мухи, в пепельнице, источая неприятный запах, высилась груда окурков, разошедшиеся половицы жалобно скрипели под тяжелыми майорскими шагами.

– Твою мать! – в сердцах воскликнул Гаврилов.

Послышался осторожный стук в дверь.

– Да! – раздраженно рявкнул майор.

В кабинет заглянул капитан Прянихин.

– Здравствуйте, Сергей Андреевич, – вежливо поздоровался он. – У меня есть интересные новости по интересующему всех нас вопросу!

– Ну! – обратился во внимание Гаврилов.

– Кажется, я догадываюсь, где находится подполковник Королев! Моя дальняя родственница работает в акционерном обществе «Тюльпан». Глава его Геннадий Викторович Ивлев в субботу седьмого октября уехал отдыхать в пансионат «Лесной». Это километров двадцать отсюда. С ним отправились две девушки и кто-то из друзей, по описанию очень напоминающий Ивана Николаевича. Насколько мне известно, Ивлев и подполковник Королев...

– Сам знаю! – перебил подчиненного майор. – Как же я раньше не додумался! Молодец, капитан! Можешь идти!

Сволочь поганая! – оставшись один, прошипел Гаврилов. – С девочками развлекаешься неделю подряд, а я за тебя должен дерьмо расхлебывать! Хоть бы звякнул на работу, кретин! Маразматик! Урод кривоногий! Ничтожество пузатое!

Излив таким образом накопившееся в душе раздражение и выяснив номер пансионата «Лесной», майор судорожно схватился за телефон, однако не добился никаких результатов. В трубке постоянно слышались короткие гудки.

– Сломана линия! – сообразил наконец Гаврилов. – Вот уж не везет так не везет! Придется отправить туда пару со-

трудников, вытаскивать из объятий потаскух безмозглого загулявшего начальника!

Спустя пятнадцать минут капитан Прянихин вместе со старшим лейтенантом Кондратьевым получили надлежащие инструкции и двинулись в путь.

Тот же день.

Пансионат «Лесной».

14 часов 35 минут

– Хватит разлеживаться, пес! – рявкнул в мозгу Черкасова Ки-ки. – Встать живо!

Алексей Романович послушно соскочил с кровати.

– Чего изволите, хозяин? – мысленно пролепетал он.

– Сюда направляются два мента, которых я очень... Впрочем, тебя это не касается! Они не должны ни попасть в пансионат, ни вернуться обратно. Убей их! Иди к реке! Захвати оба пистолета! Шевелись, скотина!

– Так точно, повелитель! – откликнулся Черкасов. – Уже бегу!

Тот же день.

Берег реки.

15 часов 45 минут

Прибыв к берегу реки, сотрудники Н-ского РОВД затормозили машину и удивленно уставились на сломанный мост.

– Н-да! Дела! – через некоторое время нарушил тишину

капитан Прянихин. – Теперь ясно, почему он здесь застрял!

– Надо было позвонить, – возразил старший лейтенант Кондратьев, в глубине души недолюбливающий подполковника Королева. По причине невысокого служебного положения старшему лейтенанту от пожертвований Н-ской преступной группировки перепалили сущие крохи, да и то изредка. Приходилось Кондратьеву довольствоваться случайными взятками, но много ли поимеешь с дела о пьяной драке или семейной потасовке? Более сложных ввиду почти полного отсутствия мозгов ему не поручали.

– Линия сломана! – процедил сквозь зубы капитан Прянихин, который терпеть не мог, когда младшие по званию разевали рот, если их об этом не просили. Кроме того, он был кровно, вернее материально, заинтересован в как можно более удачном разрешении назревших неприятностей, а следовательно, и в скорейшем возвращении пропавшего начальника.

– Надо перебраться на ту сторону. – Произнеся эти слова, капитан погрузился в размышления. Кондратьев ничего не сказал, но скептически прищурился.

«Думай, думай, умник, – ехидничал про себя старший лейтенант, – хрен ты чего придумаешь! Поплывешь в октябре месяце через реку да еще в холодный день? Ха-ха-ха! Флаг тебе в руки! Мышцы сведет, да утонешь, голубчик! Кстати, оно бы и неплохо. Собаке собачья смерть! А то воображаешь о себе слишком много, гнида веснушчатая!»

К его величайшему удивлению, Прянихин нашел решение довольно быстро.

– Плот! – торжествующе изрек он, указывая рукой влево от себя.

Поглядев туда, Кондратьев несказанно удивился. На земле и вправду валялся плот, изготовленный неизвестно кем, неизвестно когда и непонятно зачем. Сооружение казалось на вид довольно надежным. Более того, при нем имелись два весла. Капитан расплылся в довольной улыбке, а старший лейтенант скрипнул зубами с досады.

– Вот и решение проблемы! – добавил Прянихин. – Приступаем немедленно! Нельзя терять ни секунды!..

Тот же день.

Противоположный берег реки.

16 часов

Черкасов давно ждал этого момента. Лежа в кустах в засаде, он порядком продрог. Отсыревшая одежда противно липла к телу, однако спросить хозяина, скоро ли явятся существа, Алексей Романович не решался. Но наконец свершилось! Существа в серых мундирах, неуклюже раскорячившись на зыбком плоту, гребли по направлению к нему. В далеком прошлом Черкасов увлекался стрельбой, регулярно ходил в тир и теперь не боялся промахнуться. Плот приблизился на достаточное расстояние. Глава фирмы «Олимп» тщательно прицелился.

«Бах» – первая из мишеней, схватившись за сердце, свалилась в воду.

«Бах» – вторая с раздробленной головой отправилась следом.

Задание хозяина выполнено! Ура! Донельзя довольный Черкасов спрятал за пазуху «ТТ» («макаров», как оружие ближнего боя, он на сей раз не использовал) и с чувством выполненного долга зашагал обратно...

Тот же день.

Пансионат «Лесной».

22 часа 10 минут

– Я хочу летать! В синей вышине, на свободе! Почему вы меня не отпускаете? Грязные скоты! Тьфу на вас! – истерично выкрикивала Наташа, обращаясь к Леонтьеву и повару. Девушка сидела на кровати, связанная по рукам и ногам скрученными жгутом простынями. Глеб смотрел на нее со страхом и жалостью. Наташа сошла с ума три часа назад. До того времени она пребывала в заторможенном состоянии. На вопросы почти не отвечала. В лучшем случае «да», «нет». Потом с Наташей начало твориться нечто невообразимое. Девушка поднялась со своего места, подошла к окну, взяла стул и с размаху ударила им в стекло.

– Ты совсем сдурела?! – воскликнул пораженный Глеб.

– Я улечу далеко-далеко, – спокойно ответила Наташа, нанося новый удар.

«Рехнулась», – сообразил Леонтьев, преодолел прыжком разделявшее их расстояние и ухватил девушку за плечи. Отбросив его руки, Наташа резко обернулась. В глазах вспыхнула люта я ненависть.

– Сво-о-олочь! Ты с ними заодно! – прошипела она, попытавшись вцепиться Глебу ногтями в глаза. С трудом увернувшись, он хотел успокоить Наташу, да не тут-то было. Девушка превратилась в разъяренную фурию: волосы растрепались, на губах пузырилась пена, скрюченные пальцы напоминали когти хищной птицы.

– Сдохни, сдохни, предатель! – визжала она, с неожиданной в столь хрупком теле силой молотя Леонтьева кулаками.

– Прекрати, идиотка! – не выдержал Глеб, отвесив ей оглушительную пощечину. Бледное лицо исказилось гримасой ненависти, в руке непонятно откуда появилась опасная бритва, которой при жизни пользовался Осипов. Дело стало принимать опасный оборот, но тут в комнате появился повар. Он как раз проходил мимо и, услышав шум драки, поспешил на помощь. Вдвоем с Леонтьевым они обезоружили Наташу, связали простынями и усадили на кровать. С тех пор девушка непрерывно стонала, скрипела зубами и требовала отпустить ее в «синюю вышину»...

– Я хочу летать! – повторила Наташа, делая безуспешную попытку освободиться. Повар тяжело вздохнул.

– Час от часу не легче! – хрипло сказал он. – Ну что теперь с ней делать?

Леонтьев пожал плечами.

– В пансионате осталось не более пяти постояльцев, – продолжал повар. – Позапирались у себя в номерах, носу никуда не высовывают! Один молодой парень тоже рехнулся. Время от времени лает по-собачьи, воеет и крушит мебель.

Может, из тех, которые отправились лесом, хоть кому-то удалось добраться благополучно!

– Нет, не думаю! – ответил Глеб. – Тогда бы сейчас здесь было полно милиции.

– Да-а, это вы верно подметили!.. Когда вы последний раз ели? – вдруг спросил повар.

– Что-о? – удивился Леонтьев.

– Необходимо подкрепить свои силы, даже если нет аппетита...

– Вообще-то верно, – согласился Глеб. – А она?

– Никуда не денется! Жгуты девушке не разорвать. Дверь же мы запрем, на всякий случай!

– Хорошая идея, – немного поразмыслив, согласился Леонтьев. – Идем на кухню...

* * *

Оставшись в одиночестве, Наташа не теряла даром времени. План освобождения созрел давно, однако в присутствии грязных скотов-надсмотрщиков привести его в исполнение было невозможно. Теперь другое дело. На губах девушки по-

явилась радостная улыбка. Скоро, очень скоро она расправит крылья и улетит в бездонную голубую даль! «Хорошо, что я с детства увлекалась гимнастикой!» – мелькнуло в затуманенном безумием мозгу. Наташа легла на спину, подтянула колени к подбородку и легко просунула ноги через связанные за спиной руки. Дальше в ход пошли зубы. Через пять минут девушка поднялась с кровати, с наслаждением разминая затекшие члены. Синее небо неудержимо манило к себе. Она взобралась на подоконник. В лицо ударила струя свежего воздуха.

– Я птица! Я лечу! – в восторге закричала Наташа, прыгая вниз. До земли было недалеко (номер Леонтьева располагался на втором этаже), но по несчастливой случайности при падении она с размаху ударилась виском об острый угол валявшегося под окном кирпича. Смерть наступила почти мгновенно.

Глава 8

Пятница, 13 октября 1995 г.

Пансионат «Лесной».

Последний день полнолуния.

3 часа ночи

– Дом смерти, населенный покойниками, овеянный ужасом! Тени умерших бродят здесь, злобные демоны готовят гибель всем оставшимся в живых, – монотонно бормотал Глеб, уставившись пустыми глазами в угол комнаты.

Разбитое окно с грехом пополам заткнули подушками, но все равно в воздухе ощущался пронизывающий до костей холод октябрьской ночи. Повар устало сидел на кровати, курил сигарету и с опаской поглядывал в сторону своего нового знакомого. Мертвенно-бледное, застывшее словно маска лицо Леонтьева внушало ему произвольный страх.

– Воздух насквозь пропитан тлением, всюду пахнет могилой, даже скрип половиц под ногами напоминает треск раскопанных костей, – продолжал между тем Глеб.

– Заткнись! – не выдержав, рявкнул повар. – Ты здоровый мужик, а причитаешь, как истеричная бабешка! Возьми себя в руки!

– Что? – встрепенулся Леонтьев и недоуменно повел глазами, будто просыпаясь ото сна. – Ты о чем?

– О том, что ты начинаешь сходить с ума! Опомнись! Вер-

нись на землю!

– Действительно! – немного помолчав, сказал Глеб. – Ты абсолютно прав! У меня и впрямь едва не поехала крыша. Страшны не сами по себе убийства, в Чечне я вдоволь на них насмотрелся, а загадочность происходящего, невозможность вычислить маньяка и полное отсутствие связи с остальным миром. Пропади все пропадом! Нужно немедленно уходить отсюда. Непрестанное ожидание смерти гораздо хуже ее самой!

– Гм, – повар в раздумье потер ладонью лоб, – уходить, конечно, надо, но... но... – Внезапно его осенило: – Но не через лес! Маньяк ждет нас там и перестреляет словно куропаток. Вода в реке холодна, однако...

– Господи! Почему я раньше не додумался! – встрепенулся Леонтьев. – Река широка, вода холодна, может мышцы судорогой свести, но попробовать стоит! Даст Бог, переплывем!

Через несколько минут они вышли из пансионата и двинулись в сторону реки. Было тихо. В темном небе ослепительно сияла полная луна. Ее белесый зловещий свет придавал окружающим предметам странные очертания. Ветви склонившихся над дорогой деревьев отбрасывали на землю причудливые, кривляющиеся тени. Легкий ветерок, шелестящий опавшей листвой, казалось, шептал неразборчивые угрозы. Промозглый воздух студил тела людей, воровато забирался под одежду. Растрепанные нервы напряглись до пре-

дела, и Леонтьев с поваром резко оборачивались при малейшем шорохе, с решимостью отчаяния готовясь дорого продать свою жизнь. Однако ничего не случилось. Перед ними наконец появилась река и уродливые остатки сломанного моста.

– Передохнем? – предложил Леонтьев.

– Нет! – решительно возразил повар. – Нельзя терять ни секунды. Поплыли!

Мокрая ледяная глубина настойчиво тянула вниз. Закоченевшие мышцы слушались неохотно. Перехватывало дыхание. Невидимый обруч неумолимо стягивал грудь. Время остановилось. Леонтьеву казалось, будто не было в его жизни ничего: детства, школы, друзей, армии, войны – будь она неладна! Только слепящий свет полной луны, холод, непослушное тело, тихий плеск воды и приближающаяся смерть. Повар испытывал похожие чувства.

– Господи! – внезапно воскликнул Глеб, ощутив под ногами твердое дно. Неужели? Трясаясь от холода, они выбрались на берег.

«Фьють-фьють-фьють», – злобно засвистели над головами пули. Судя по всему, стреляли с противоположного берега.

– Маньяк нас заметил! – крикнул Леонтьев, и оба, пригибаясь, бросились к ближайшим кустам.

– Мудак! Дегенерат! Говно! Подлый раб! Нельзя от тебя и на минуту отлучиться! – гремел в голове страшный, полный лютой ненависти голос. Черкасов горько плакал и против воли изо всех сил лупил себя кулаками по лицу. Затем начал биться головой о дерево.

– Проспал, скотина! Упустил двоих! – продолжал бушевать хозяин. Черкасов механически поднес к виску «макаров» покойного подполковника Королева.

– С этим пока успеется! – более спокойно сказал Ки-ки. – Возвращайся в пансионат и прикончи остальных, засранец!

До самого утра Алексей Романович трудился не покладая рук: взламывал двери номеров, если не получалось – проникал через окна и жестоко убивал оставшихся в живых отдыхающих. Лишь для одного, того, который накануне сошел с ума, Ки-ки разрешил сделать исключение.

– Этот нам не опасен, – злобно хихикнул он, – даже совсем наоборот!

К утру в пансионате «Лесной», кроме Черкасова и несчастного психа, не осталось ни одного живого человека. Однако, несмотря на удачное завершение операции «Очистка», как мысленно называл серию убийств глава фирмы «Олимп», хозяин по-прежнему был недоволен.

– Нерадивый раб! Грязное животное! Скотина! – с ненависти

вистью рычал он. – Ничего вы, проклятые людишки, не умеете сделать как следует! Гни-и-и-да! Тех двоих убежавших я готовил на десерт! Сегодня самый лучший день! Пятница! Тринадцатое число! Ну ладно, ты мне скоро за все заплатишь! Чего расселся, пес?! Встать! За работу! Праздник скоро закончится, так пусть финал его произведет впечатление!..

Тот же день.

Н-ск.

4 часа 30 минут утра

В эту ночь майор Гаврилов никак не мог уснуть, несмотря на лошадиную дозу мощного снотворного. Сперва он, правда, задремал, но вскоре со стоном открыл глаза, разбуженный страшным, омерзительным сном, содержание которого тут же забылось. Стараясь не шуметь, майор босиком прошел на кухню, закурил сигарету. Мысли вернулись к пропавшему шефу. Вчера, к концу рабочего дня, узнав об исчезновении капитана Прянихина и старшего лейтенанта Кондратьева, Гаврилов не особенно обеспокоился. Зная характер подполковника Королева, склонного в подпитии к демократизму, майор предположил, что загулявший шеф силком задержал у себя подчиненных, требуя присоединиться к веселью. «Ничего, – подумал тогда майор. – В конечном счете Николаич упьется, ребята погрузят его в машину и доставят домой».

Однако, позвонив около двенадцати ночи на квартиру Королева, он застал там лишь близкую к истерике жену.

«Пьяная скотина!» – мысленно охарактеризовал начальника Гаврилов, вешая трубку на рычаг. Но теперь, возможно под влиянием забытого сна, он понял – случилась беда! Майор нервно скомкал окурок в пепельнице. За окном, освещенная полной луной, висела молчаливая ночь, готовая вскоре уступить место серенькому осеннему утру. Из не вполне исправного крана мерно капала в раковину вода. В углах шуршали тараканы. Семья Гавриловых боролась с ними давно, применяя самые современные и, по заверениям рекламы, на редкость эффективные средства, однако насекомые не сдавались. Некоторые, конечно, подыхали, зато остальные делались с каждым днем все наглее. Если раньше, лишь стоило включить свет, тараканы стремительно разбежались в разные стороны, то теперь важно разгуливали по кухне среди бела дня или, внезапно свалившись с потолка на голову, норовили забраться под одежду.

– Мерзкие твари! – обругал насекомых майор.

Он выкурил еще пару сигарет и, осознав, что заснуть больше не удастся, поставил на плиту чайник. Ровно в половине шестого зазвонил телефон.

– Товарищ майор! ЧП! Срочно приезжайте! – зачастил в трубке взволнованный голос дежурного...

С грехом пополам добравшись до шоссе, Леонтьев с поваром на удивление быстро для столь позднего часа поймали машину, доставившую их в город Н-ск, прямо к местному отделению милиции.

Хмурый, заспанный дежурный поглядел на мокрых, трясущихся посетителей, как солдат на вошь, и сморщился, будто его заставили съесть полкило горчицы, однако, узнав, в чем дело, подпрыгнул словно ошпаренный и поспешно ухватился за телефон. Через пятнадцать минут в отделении появился взволнованный майор Гаврилов. Леонтьев с поваром, переодевшиеся к тому времени в старое, но сухое милицеевское обмундирование, изложили ему вкратце суть дела. Пока они отогревались горячим чаем, майор, не теряя даром времени, обзвонил оперативников и даже ухитрился выпросить у гаишников вертолет. Как известно читателю, Гаврилов не отличался высокими моральными устоями, искренне любил взятки, но ввиду таких из ряда вон выходящих обстоятельств не мог оставаться безучастным. В экстремальных условиях в нем неожиданно пробуждался талант незаурядного организатора. Возможно, в другое время и в другом обществе он стал бы... Впрочем, ладно, почти все мы тоже того... Итак, в рекордно короткие сроки подготовка к операции была завершена, и загруженный оперативниками верто-

ЛЕТ ВЗМЫЛ В НЕБО...

Эпилог

Пансионат «Лесной» пылал. Черкасов, максимально используя оставшееся в его распоряжении время, старательно обрызгал внутренность здания бензином, слитым из припаркованных во дворе автомобилей, а также найденной в подвале соляжкой. Теперь он стоял на крыше, безучастно глядя на толпящихся внизу милиционеров. Шею его плотно обхватывала веревочная петля. Другой конец длинной веревки был надежно привязан к трубе.

– Сдавайся! Не делай глупостей! – кричали наперебой оперативники, но Алексей Романович не слышал их. Черкасов с нетерпением ожидал хозяина, и наконец он появился. Им оказался тот самый кривобокий, горбатый карлик с желтыми клыками, когда-то здорово напугавший Алексея Романовича. Однако теперь Черкасова не волновал внешний вид хозяина. Хозяин есть хозяин.

– Иди ко мне! – прошипел карлик, раскрывая объятия, и Алексей Романович не раздумывая прыгнул вниз.

– Господи! – прошептал один из оперативников, с ужасом глядя на страшное, искаженное лицо повешенного.

Прежде чем люди успели опомниться и войти внутрь дома в надежде отыскать там хоть кого-нибудь живого, с грохотом обрушилась крыша...

* * *

«Есть лукавый,¹⁶ который ходит согнувшись, в унынии, но внутри он полон коварства. Он поник лицом и притворяется глухим, но он предварит тебя там, где и не думаешь».

(Сир. 19, 23–24)

¹⁶ Имеется в виду дьявол.

Илдя Деревянко

Инфернальная реальность

Пролог

Безногий тридцатидвухлетний инвалид бессильно плакал, уткнувшись лицом в ладони. Он неловко примостился на высоком деревянном стуле за уставленным пустыми бутылками и тарелками со скромной закуской столом.

– Оленьку убили, убили! – сквозь слезы выдавливал он. – Сестра не могла покончить с собой! Ее довели! Вынудили!

– Ты уверен, Саша? – с сомнением в голосе спросил сидевший напротив крепкий голубоглазый двадцатичетырехлетний парень с коротко подстриженными темными волосами и абсолютно седыми висками.

– Да, Володя, да! На теле было множество ссадин, синяков, кровоподтеков!

– Как же объяснили их происхождение врачи?

– Да никак! – Инвалид длинно выругался. – Набрехали, будто она сама себя изувечила! В припадке! Сучары поганые! И ни хрена не докажешь. Кругом сплошная мразь! Давить их надо, как чеченов!

– Чеченов нам тоже добить не дали! – грустно усмехнулся

голубоглазый. – А ведь немного оставалось!

Безногого звали Александр Свиридов, а голубоглазого – Владимир Ермолов. Оба они в недалеком прошлом служили в спецназе ГРУ и полтора года провоевали в Чечне. Ермолов будучи сержантом срочной службы, а капитан Свиридов в качестве командира разведроты. В феврале 1996 года Свиридов спас Ермолову жизнь, вытащив его, оглушенного взрывной волной, из-под огня, а спустя несколько месяцев, как раз в день подписания Лебедем предательского Хасавюртовского соглашения, сам едва не погиб, подорвавшись на чеченской mine. Врачи сумели спасти капитану жизнь, однако ноги пришлось ампутировать выше колен. Речь шла о младшей сестре Свиридова, положенной на обследование в психоневрологический диспансер № 3. Попав в дорожно-транспортное происшествие, Ольга получила серьезную травму головы. Через месяц после выписки из больницы у девушки начались страшные головные боли, провалы в памяти... Иногда возникали галлюцинации. Родственники сочли за лучшее прибегнуть к услугам психиатров, истратив последние сбережения на оплату лечения и отдельную палату. А неделю назад им сообщили – Ольга покончила с собой, повесившись на батарее парового отопления.

С тех пор Александр запил по-черному и в настоящий момент выглядел ужасно! Опухшее, сизое лицо, безумный взгляд, трясущиеся руки...

Владимир с жалостью смотрел на бывшего командира.

Он помнил капитана совсем иным: мужественным, волевым, энергичным человеком...

– Тебе нужны деньги? – попытался сменить тему разговора Ермолов. – Если что – не стесняйся! У меня имеется пара штук баксов в заначке...

– Перестань! – отмахнулся Свиридов. – Ребята, дай Бог им здоровья, устроили на канцелярскую работу в Министерство обороны... С голоду не помру.

Искалеченный капитан наполнил стакан до краев водкой и не поморщившись выпил словно воду.

– Эх, найти бы сволочь, сгубившую сестренку! – тяжело вздохнул он.

– Знаешь, Саша, – вдруг встрепенулся Ермолов, – у меня появилась идея! Я, как ты знаешь, учусь на втором курсе медицинского института и могу попытаться устроиться санитаром в тот дурдом. На подработку якобы. Там на месте и разберусь в ситуации. Если Ольгу действительно довели до самоубийства, я вычислю виновников.

Взгляд Свиридова прояснился.

– Ради Христа, Володя! – взмолился он. – Найди мне эту падаль! Поклянись, что найдешь!

– Клянусь! – твердо сказал Ермолов.

Глава 1

– Послушай, Максим! – Отец снял пенсне и со смущенным видом принялся протирать его носовым платком. – Вот ты сам говоришь, что кое-кто свихнулся над этими проблемами. А ты знаешь, что есть еще такое религиозное помешательство. Может быть, на тебя слишком подействовали эти твои книги про нечистую силу... Если хочешь – у меня есть один знакомый психиатр.

Доктор социальных наук презрительно фыркнул:

– Если к кому применительна поговорка «Врачу, исцелися сам», то в первую очередь это относится к психиатрам. Ведь многие психиатры становятся психиатрами, чтобы быть поближе к собственной среде... Ты лучше пошли этого психиатра ко мне. Я скорее найду у него что-нибудь такое, ненормальное.

Григорий Климов. Князь мира сего

– К вам посетитель, Зиновий Михайлович, – почтительно доложила дежурная медсестра. – Говорит, срочное личное дело!

– Пусть катится к чертовой матери! Не видишь, дура?! Занят я! – не удосужившись обернуться, утробно гавкнул заместитель главного врача по лечебной части психиатри-

ческой больницы № 3 г. Н-ск¹⁷ кандидат медицинских наук Кудряшкин – темноволосый бородатый обрюзгший мужчина лет сорока пяти с наглыми маслянистыми глазами навыва-те. Поведение Зиновия Михайловича объяснялось не толь-ко природным хамством. Два часа назад с треском прова-лилась блестяще задуманная комбинация, проводимая сов-местно с начальником местного ОВД полковником Бодря-ковым Василием Сидоровичем и сулившая Кудряшкину со-лидные финансовые дивиденды. «Стражи порядка» под чут-ким руководством вышеозначенного Василия Сидоровича усердно стряпали уголовное дело с целым «букетом» статей (вымогательство, разбой, незаконное хранение огнестрель-ного оружия и т. д. и т. п.) на некоего гражданина Рудако-ва Вадима Игоревича, тысяча девятьсот семьдесят второго года рождения. Серьезных доказательств у них не было (от-сутствовали даже отпечатки пальцев на изъятом без участия понятых пистолете), колотья Рудаков не собирался, а ад-вокат его (в прошлом сотрудник Генеральной прокуратуры СССР), в совершенстве знавший законы, отличался бульдо-жьей хваткой и свирепым характером. Задействовав старые связи плюс собственный богатый опыт «прессования мен-тов», он уже «скушал», не поперхнувшись, одного за другим двух следователей; запугал до полусмерти районного проку-

¹⁷ Все названия городов, районов, лечебных заведений, печатных органов и т. д., а также имена главных действующих лиц в повести изменены. Любые сов-падения – случайны.

рора и в настоящий момент примеривался сожрать начальника оперативно-следственной части, а затем, возможно, самого полковника. Благо зацепок хватало с избытком. Милиция Петровского района погрязла в коррупции. А злобный адвокатишка умел собирать компромат. В результате изменить меру пресечения Рудакову с подписки о невыезде на арест ну никак не получалось, хотя очень хотелось! Более того, у Бодрякова имелись веские основания полагать, что запихнуть Вадима за решетку по-любому не удастся. Либо адвокат развалит дело до суда, либо суд оправдает обвиняемого ввиду отсутствия состава преступления или за недостаточностью улик. Между тем дело Рудакова было не простое, а «заказное». Кое-кому он давно стоял поперек горла. Пытались убить – не получилось, а повторно рисковать не стали. Слишком сильно засветились по первому. Решили поступить иначе, использовав в качестве орудия расправы хитровывернутые внутренние органы Российской Федерации, в насмешку названные «правоохранительными». Короче, вручили полковнику Бодрякову «задаток» да строго-настрого наказали: «В лепешку расшибись, но упрямь гада подальше. В противном случае возникнет множество осложнений, в том числе у тебя». Ссориться с этими «кое-кем» Василию Сидоровичу ни в коем разе не хотелось, и он, убедившись в бесплодности собственной воузилицной¹⁸ деятельности,

¹⁸ Воузилицной деятельности – деятельности, имеющей цель заключить человека в узилице, т. е. в тюрьму.

посулил своему давнему знакомцу Кудряшкину «долю малую», если тот сумеет запереть Вадима в дурдом.

Подследственного направили на амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу в ПНД № 3¹⁹ Комиссию возглавил лично Зиновий Михайлович. Сделать ему предстояло следующее: руганью и оскорблениями довести парня до белого каления, спровоцировать на ответную грубость и, дождавшись оной, отметить в диагнозе: «В поведении присутствуют элементы невменяемости. Гражданин такой-то представляет непосредственную опасность для окружающих», после чего на основании статьи 29 «Закона Российской Федерации о психиатрической помощи и гарантии прав граждан при ее оказании. Приказ № 245 Минздрава РФ от 2.09.1992» с «чистой» совестью положить Рудакова в свою больницу²⁰ в так называемое «Острое отделение» для буйных, а там... там держать сколько скажут. Периодически записывая в истории болезни: «Улучшений нет... улучшений нет... улучшений нет...» Простенько и со вкусом, однако ничего не получилось. Подследственный, вероятно проинструктированный адвокатом, сохранял олимпийское спокойствие, на выпады Кудряшкина не реагировал и в конечном итоге довел заместителя главного врача до такого состояния, что Зиновию Михайловичу самому было впору клеить

¹⁹ Психоневрологический диспансер.

²⁰ Принудительное лечение в специальных психиатрических лечебницах тюремного типа возможно только по приговору суда.

ярлык «Опасен для окружающих».

– Убирайся отсюда! – промучившись с Рудаковым без малого час, возопил психиатр. – Вон! Вон! Вон!

– Всего хорошего, – мило улыбнулся парень, направляясь к двери, и, уже стоя на пороге, с тщательно замаскированным сарказмом добавил: – Приятно было пообщаться со столь вежливыми, интеллигентными людьми. Надеюсь, мы еще встретимся с вами... в опере, например, или в Третьяковской галерее...

Последние слова Рудакова Кудряшкин сперва воспринял просто как издевательство, изрыгнув в пустоту поток грязных ругательств, но потом, успокоившись, вспомнил волчьи огоньки, на долю секунды сверкнувшие в серых глазах подследственного, и не на шутку переполошился: «Черт его знает! Вдруг подстережет где-нибудь в темной подворотне?! Надыбал на свою жопу приключений! Мать-перемать!»

...Бодряков, узнав о неудаче, обложил Зиновия Михайловича многоэтажным матом, пообещав напоследок: «Я те, мудака бородатый, этого ни в жисть не забуду! У-у-у, козел! Попадись мне только!»

«Доля малая» заместителю главврача, естественно, больше не светила. Данное обстоятельство усугубило без того отвратительное настроение психиатра, страстно любившего деньги, особенно зеленого цвета. Нет, зарабатывал он, в отличие от подавляющего большинства российских медиков, отнюдь не плохо – хапал взятки налево-направо; вместе с

верхушкой больницы (главврачом, заместителем главврача по хозяйственной работе и главным бухгалтером) снимал сливки с выплат медстраха, оставляя остальному медперсоналу жалкие крохи, приторговывал крадеными лекарствами (в основном антидепрессантами, пользующимися определенным спросом у наркоманов); имел кое-какой навар с платных больных, размещенных в отдельных комфортабельных палатах, но... Чем больше получал Кудряшкин, тем больше и нестерпимее ему хотелось получить еще, еще, еще! Патология-с! Своеобразный «финансовый алкоголизм» в запущенной форме...

– Зиновий Михайлович! – В кабинет снова заглянула медсестра. – Посетитель настаивает на встрече. Говорит, что пришел по рекомендации Андрея Владиславовича Зайцева.

Разъяренный психиатр схватил со стола жестяную пепельницу, намереваясь запулить сим предметом в башку надоедливой, безмозглой бабы. Однако, услышав про Зайцева, мгновенно остыл и даже повеселел.

– Впускай! – разрешил он.

Полгода назад Андрей Владиславович – начальник районного жэка, приятель и собутыльник Зиновия Михайловича, порекомендовал ему клиента, на котором Кудряшкин сделал немалые бабки, и ежели дельце намечается аналогичное, а скорее всего так оно и есть, то... Гм! Можно малость «подхарчиться», возместить утраченные по вине проклятого Рудакова барыши!

Психиатр расплылся в хищной предвкушающей улыбке. В кабинет бочком проник пузатый кривоногий субъект на вид лет сорока, физиономией смахивающий на известного телеведущего Евгения Киселева, но с козлиной бороденкой в придачу.

– Кадыков Николай Андреевич, – кашлянув, представился он. – Журналист. Сотрудник газеты «Ныне».

– Рад познакомиться, – любезно кивнул заместитель главного врача. – Присаживайтесь, Николай э-э-э... Андреевич. Итак, чем могу служить?

Воровато озираясь по сторонам, Кадыков начал пространный рассказ, суть которого сводилась к следующему. Он вместе с женой Людмилой занимал две комнаты коммунальной квартиры в добротном кирпичном доме с высокими потолками. Дом считался престижным, и вся квартира стоила порядка девяноста-ста тысяч долларов США. Но вот беда! В третьей комнате коммуналки проживал одинокий семидесятилетний пенсионер по фамилии Куницын. Невзирая на запущенную гипертоническую болезнь и полученную на фронтах Великой Отечественной контузию, старикашка упорно не желал помереть и освободить жилплощадь в пользу супругов Кадыковых, давно мечтающих об отдельной квартире и евроремонте.

Николай Андреевич выжидательно замолчал.

– Тэк-тэк-тэк! – хитро прищурился психиатр, постукивая кончиками ногтей по столу. – Тэк-тэк-тэк. И чего вы, уважа-

емый господин журналист, от меня хотите?

– Зайцев... уверял... можно... решить проблему... если договориться, – стушевавшись, промямлил сотрудник газеты «Ныне».

– Правильно, если договориться! – с нажимом повторил Кудряшкин, заговорщицки подмигивая левым глазом.

– Сколько?! – воспрянул духом Кадыков.

Зиновий Михайлович грузно поднялся, на цыпочках подкрался к двери, выглянул в коридор, вернувшись к столу, быстро написал на клочке бумаги: «Три тысячи долларов. Деньги вперед!», продемонстрировал написанное журналисту и поднес бумажку к огоньку зажигалки.

В знак согласия Николай Андреевич часто закивал головой, как китайский болванчик.

– Насколько я понял, ваш сосед буйный псих, представляющий опасность для окружающих и нуждающийся в принудительном лечении, – вслух произнес заместитель главного врача. – Он угрожал вам убийством?!

– Да, да! С ножом бросался! – на лету подхватил мысль Кадыков. – И на меня, и на жену. Чудом смерти избежали!

– Пишите заявление, – важно распорядился Зиновий Михайлович. – Подвергнем буяна обследованию!

– Успех гарантируете? – шепотом спросил журналист.

Психиатр утвердительно опустил веки.

Внезапно лицо Николая Андреевича выразило некоторое сомнение, плавно переходящее в серьезную озабоченность.

«Комната перейдет к нам лишь в случае смерти старика!» – накорябал он на вырванном из миниатюрного блокнота листочке.

– Не беспокойтесь! – снисходительно усмехнулся Кудряшкин, старательно сжигая записку над пепельницей. – Срок неделя, максимум полторы.

– Я схожу за... – начал сотрудник газеты «Ныне».

– Понятно. Понятно! – перебил психиатр. – Встретимся здесь же через два часа...

* * *

Спрятав в карман пиджака кадыковские три тысячи долларов и отправив пенсионеру срочный вызов «на обследование», Зиновий Михайлович удовлетворенно потер ладони. Задача избавить клиента «законным» образом от не в меру зажившегося на свете соседа не представлялась ему особенно сложной. Старый, контуженный человек – не чета молодому хладнокровному амбалу Рудакову. Он не вынесет хамства психиатра, неминуемо сорвется, и заключение «Опасен для окружающих», считай, в кармане. Плюс показания соседей. Ажур! Не подкопаешься! А в «остром отделении» старый гипертоник долго не протянет! Господин Кудряшкин, получивший при выпуске из медицинского института

диплом терапевта²¹ отлично разбирался в подобных вещах.

Он знал – основным симптомом гипертонической болезни является постоянное или почти постоянное повышение артериального давления. В ответ на психоэмоциональные перегрузки артериальное давление у гипертоников поднимается все выше, выше, выше и в конечном счете приводит к смерти. А уж психоэмоциональные перегрузки, причем мощные, регулярные, психиатр пенсионеру гарантировал. «Острое отделение» ПНД № 3 то еще местечко! На худой конец есть и другие способы. Беспроигрышные! Зиновий Михайлович взглянул на часы: половина седьмого. Рабочий день закончен. Пойти домой? Выпить водки? Внезапно, как бывало уже несчетное множество раз, настроение психиатра резко изменилось, приобрело злобный оттенок. Появились внутреннее недовольство, неустроенность. Руки затряслись. Тело покрылось зловонным, липким потом. Одновременно он ощутил вполне определенные позывы.

«Тягун²² – подумал Кудряшкин. – Мне необходимо разрядиться! Ну это запросто! Далеко ходить не надо!»

Губы кандидата медицинских наук растянулись в сальной, скабресной ухмылке...

²¹ Большинство советских медицинских вузов выпускали врачей трех широких профилей: терапевт, хирург и акушер-гинеколог. Специализация (для Кудряшкина в области психиатрии) происходила уже после окончания института, например, в ординатуре или на специальных курсах.

²² Выраженное половое возбуждение.

Глава 2

Светлану Журавлеву, двадцатилетнюю, начинающую поэтессу, привезли в ПНД № 3 29 октября 1998 года в четверг рано утром после неудачной попытки самоубийства. Девушку лично осмотрел заместитель главного врача по лечебной части, поставил предварительный диагноз «Маниакально-депрессивный психоз» и, загадочно подмигнув, отправил в отдельную палату. Светланиной матери он выписал рецепты на транквилизаторы, антидепрессанты, эуноктик²³

²³ Разновидность снотворного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.